

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
(ИНИОН РАН)

СОЦИАЛЬНЫЕ
И
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

СЕРИЯ 6

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2022 – 4

Издается с 1973 года
Выходит 4 раза в год
Индекс серии 2.6

МОСКВА 2022

Учредитель
Институт научной информации
по общественным наукам РАН

Отдел языкознания

Редакционная коллегия серии «Языкознание»:

В.З. Демьянков – д-р филол. наук, главный редактор,
Э.Б. Яковлева – д-р филол. наук, заместитель главного редакто-
ра, *Е.В. Майорова* – ответственный секретарь, *В.М. Алпатов* –
акад. РАН, *Н.С. Бабенко* – канд. филол. наук, *В.Н. Желязкова* –
д-р филологии, *Е.А. Казак* – канд. филол. наук, *И.В. Кангро* –
д-р филологии, *Л.Р. Комалова* – д-р филол. наук, *В.Г. Кузнецов* –
д-р филол. наук, *Е.М. Миронеско-Белова* – д-р филологии,
А.В. Нагорная – д-р филол. наук, *Е.О. Опарица* – канд. филол.
наук, *В.А. Пищальникова* – д-р филол. наук, *Р.К. Потапова* – д-р
филол. наук, *В.В. Потапов* – д-р филол. наук, *М.Б. Раренко* –
канд. филол. наук, *С.А. Ромашко* – канд. филол. наук,
К.Я. Сигал – д-р филол. наук, *Н.Н. Трошина* – канд. филол. наук

ISSN 2219-8776

DOI 10.31249/ling/2022.04.00

Информационно-аналитический журнал «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание» включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

© ФГБУН «Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук», 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Теоретические проблемы и отдельные методы

Аверкина Л.А., Лахгайн Б., Никонова Ж.В. Многообразие гендерных ролей в современном мире и их отражение в немецком языке	5
--	---

Сравнительно-историческое языкознание. История языка

Опарина Е.О. Из истории лексики французского языка: связь языка и культуры. (Обзор)	16
---	----

Психолингвистика

Ассоциативный эксперимент и исследование идентичности: монография. (Реферат)	24
--	----

Социолингвистика

Казак Е.А. Языковая ситуация и функциональное развитие языков во Вьетнаме. (Обзор)	32
Альба Н. Гарсиа Агуеро. Мексиканская идентичность в школьных учебниках и повествованиях. (Реферат)	40

Прикладное языкознание. Перевод, переводоведение

Потапов В.В., Матвеева А.Е. Развитие корпусной лингвистики как науки и ее влияние на общую теорию языка. (Обзор)	54
Раренко М.Б. Имена собственные и проблема их передачи в переводе. (Обзор)	62

Раренко М.Б. Интерференция как объект лингвистического исследования. (Обзор)	73
Раренко М.Б. Перевод метафор. (Обзор)	79

Коммуникация. Дискурс. Речевые жанры

Опарина Е.О. Метафорический образ как средство концептуализации в дискурсах. (Обзор)	91
Опарина Е.О. Языковые средства конструирования жанровых характеристик текстов. (Обзор)	99
Полимодальные измерения дискурса. (Реферат)	109
Речевая коммуникация в сетевых структурах: между глобальным и локальным: сб. науч. трудов. (Реферат)	118

Лингвокультурология

Трошина Н.Н. Проблемы языковой критики и языковой рефлексии в современной немецкой лингвокультуре	127
Орлова О.С. Эвфемизмы и загадки о рождении и смерти в русской и англоязычной культурах. Принцип непрямой номинации. Когнитивно-культурологическое исследование. (Реферат)	145

УРОВНИ ЯЗЫКА

Фонетика. Фонология

Просодическая теория и практика. (Реферат)	155
--	-----

ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И ОТДЕЛЬНЫЕ МЕТОДЫ

УДК: 811.112.2'27

DOI: 10.31249/ling/2022.04.01

Аверкина Л.А.¹, Лахгайн Б.², Никонова Ж.В.³

МНОГООБРАЗИЕ ГЕНДЕРНЫХ РОЛЕЙ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ⁴

*НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород (Россия),
университет Дуйсбург-Эссен (Германия)*

Аннотация. Темпы миграции, профессиональная мобильность, снижение значимости семьи и религиозной принадлежности, миграционная политика и политическая ситуация в мире усиливают фон социальных потрясений в Германии. Глобализация, компьютеризация и цифровизация

¹ Лариса Алексеевна Аверкина – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики немецкого языка и перевода Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова (НГЛУ), Россия, larissa.averkina@mail.ru

² Барбара Лахгайн – магистр гуманитарных наук, преподаватель Института дополнительного образования (университет Дуйсбург-Эссен, Германия), почетный профессор НГЛУ, ст. преподаватель кафедры теории и практики немецкого языка и перевода НГЛУ, Россия, post@schellenberg17.de

³ Жанна Викторовна Никонова – доктор филологических наук, ректор Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова (НГЛУ), Россия, профессор кафедры теории и практики немецкого языка НГЛУ, nikonova67@mail.ru

⁴ Материал подготовлен в рамках государственного задания по теме «Лингвокультурные аспекты цивилизационных противоречий»: <http://inon.ru/ru/science/temy-nir/lingvokulturnye-aspekty-tsivilizatsionnykh-protivorecii>

вывели культурное взаимодействие и общение людей на новый уровень и запустили различные новые механизмы развития общества и языка. Коренные социальные изменения в обществе находят свое отражение в языке, что обусловлено как *естественными процессами* развития языка, так и государственной *языковой политикой*. Такие изменения в речевых практиках, как «политическая корректность» и «гендерно-нейтральный язык» (*geschlechtergerechte Sprache*), отражают социо- и лингвокультурные концепции, актуальные на сегодняшний день в Германии.

Ключевые слова: языковая политика; естественные процессы развития языка; гендер; мегатренд «гендер».

THE DIVERSITY OF GENDER ROLES IN TODAY'S WORLD AND THEIR REFLECTION IN THE GERMAN LANGUAGE

Averkina L.A.

Linguistic State University Nizhnyi Novgorod

Lachhein B.

*Linguistic State University Nizhnyi Novgorod, Universität
Duisburg-Essen*

Nikonova Zh.V.

Linguistic State University Nizhnyi Novgorod

Abstract. The increased migration speed, occupational labor mobility, the declining importance of family and religious affiliation, the migration policy and the global political situation are accelerating social disorders in Germany.

Globalisation, computerisation and digitalisation have brought cultural interaction and communication to a new level and launched various new mechanisms for the progress of both society and language. Fundamental social changes are being reflected in language. These shifts are accompanied by the evolution of language and on governmental “Language Policy”, conceptually by megatrends, interpreted as complex social transformation processes. These changes, based on concepts such as “Political Correctness”, “Light and Plain German”, gender-neutral wording and gender equality are reflected in the German language.

Keywords: language policy; natural language development processes; gender; megatrend “gender”.

Стиль современной жизни динамичен. Как никогда раньше, современные люди перемещаются по миру в поисках работы, лучшей и безопасной жизни, в поисках нового опыта, возможностей самореализации в другой культурной среде и т.д. В обществе меняются политические, социальные, нравственные, моральные и культурные нормы, которые, соответственно, отражаются в языке. Глобализация, компьютеризация, цифровизация вывели культурное взаимодействие и общение на новый уровень и запустили различные новые механизмы развития общества и языка.

Темпы миграции, профессиональная мобильность, снижение значимости семьи и религиозной принадлежности, миграционная политика и геополитическая обстановка в современном мире ускоряют социальные потрясения в Германии. Все более очевидным становится изменение образа жизни и структуры общества, стремление к свободному самоопределению внутри коллектива. Глобальный уровень общества, а также нация, регион, район и субкультуры, формируемые происхождением, средой, возрастом или интересами, определяют сегодня свойства идентификации. В связи с возникновением различных видов гибридной идентичности традиционные категории истории, религии и языка требуют нового толкования, включая такие понятия, как государство, нация, культура, коллективное сознание, гендер и др.

Коренные социальные изменения находят свое отражение в языке, в основе которых лежат как **естественные процессы** развития языка, так и государственная **языковая политика**. Один из концептов этой политики связан с политкорректностью (Political Correctness), т.е. с заменой дискриминирующих слов в речевой коммуникации. Федеральная служба по формированию политкорректности дает следующее разъяснение: «Политкорректность – это такое отношение, которое не допускает выражения или действия, дискриминирующее человека по его этническому происхождению, по половому признаку, по принадлежности к какому-либо особому социуму, физической или умственной неполноценности, сексуальной ориентации. Соответственно, некоторые исторически сложившиеся отдельные слова и выражения должны быть признаны недопустимыми и заменены альтернативными лексическими еди-

ницами и фигурами речи. Политически некорректное слово задевает чувство отдельного индивида, независимо от того, насколько сильно это его обижает и травмирует. Политкорректность языка, однако, нередко ведет к неясностям, противоречиям и новым проблемам взаимопонимания» [Forster, 2010].

Другой концепт языковой политики, направленной на политкорректность, связан с гендером, «социальной категорией, относящейся к половой идентичности человека» [Duden, 2017]. Понятие пола трактуется в аспекте политкорректности не как биологическая данность, а как объект свободного выбора человека. Определение, приведенное в онлайн-словаре издательства «Дуден», дано в соответствии с положениями Всеобщей декларации прав человека, принятой Организацией Объединенных Наций, и Конвенции о защите прав человека и основных свобод Европейского Союза [Vereinte Nationen; Charta der Grundrechte der Europäischen Union].

В современном немецкоязычном публичном дискурсе гендерные изменения трактуются как мегатренд, по проблематике которого футурологи и ученые из разных областей знания представляют свои исследования. Термин «мегатренд» впервые использован американским футурологом Д. Нейсбиттом в 1982 г. [Naisbitt, 1982]. Немецкий футуролог М. Хоркс утверждает, что это понятие охватывает все уровни жизни общества: экономику, политику, науку, технику и культуру [Ногх, 2011]. Среди названных М. Хорксом мегатрендов нас интересуют «гендер» и, соответственно, *гендерный сдвиг*, в которых проявляется один из аспектов новой культуры плюрализма. Этот мегатренд характеризует позиции политических деятелей, государственных и государственно-частных учреждений, СМИ, кафедр гендерных исследований, институтов Европейского Союза, т.е. тех лиц и институций, которые придают данному дискурсу определенную тематическую направленность. Понятие гендерного сдвига ослабило значение половой принадлежности как фактора, определяющего биографию. Эта *ломка гендерных стереотипов* радикально меняет общество.

Понятие «gender» как социальный род начало разрабатываться, как известно, в 70-е годы прошлого века британскими социологами; в дальнейшем оно активно внедрялось ООН и Европейской комиссией в различные документы Европейского союза.

В Германии, например, в настоящее время существует более 200 кафедр, которые занимаются проблемами гендера [Brand, Sabisch, 2019, S. 1047]. Исследования посвящены изучению *равенства полов*, а также тому, что *гендерно равноправный язык* должен признавать наличие наряду с *мужским и женским биологическим полом* также наличие *других полов*, в обозначении многообразия которых в Германии пока нет четких определений. 15 августа 2018 г. Бундестаг принял решение о признании третьего пола, обозначив его как «divers» [Gesetz ... Geburtenregister, 2018].

Понятие мегатренда «гендер» опирается на четыре тезиса [Zukunftsinstitut: Megatrend Gender-Shift, 2021]: 1) гендерные роли теряют свою социальную значимость, например в воспитании детей; 2) половое многообразие в различных сферах становится нормой: например, Федеральное министерство обороны Германии, которое долгое время было исключительной мужской сферой, теперь возглавляет женщина; 3) информированность в области гендерной проблематики становится приоритетной, преодолеваются предрассудки по отношению к гендерному разнообразию и усиливается внимание к учету гендерной проблематики при разработке гендерно-справедливых подходов в социуме; 4) для представителей молодого поколения идентичность не основана больше на половом признаке. В связи с этим гендерная подвижность («гендер-флюидность») получает все большее признание со стороны общества.

Предлагаются различные языковые средства (маркеры) для обозначения гендера, например орфографические средства: 1) **соединительное заглавное I** (das Binnen-I); 2) **косая черта** «/» (Schrägstrich); 3) **нижнее подчеркивание** _ (Gender-Gap); 4) **звездочка*** (Gender-Stern). Рассмотрим, как функционируют эти маркеры.

Первая буква в суффиксе существительного женского рода **-in** пишется как заглавная **I**. Написанное таким образом слово эксплицитно указывает и на мужчин, и на женщин: *StudentIn* «студент/студентка»; *ArbeitnehmerInnenschutz* «защита прав работников/работниц»; *ArchitektIn* архитектор/женщина-архитектор; *Recht-sanwältIn* «адвокат/женщина-адвокат». Однако могут возникать некоторые смысловые курьезы – если предложение «99 *Studenten und eine Studentin besuchen die Vorlesung*» «Лекцию посещают

99 студентов и одна студентка» написать в соответствии с новыми правилами с заглавной **I**, то получится: «100 StudentInnen besuchen die Vorlesung» «Лекцию посещают 100 студентов и студенток», т.е. в содержании теряются или искажаются определенные данные.

При помощи косой черты «/» передаются оба значения существительного: мужского и женского рода. *Es wurde ein/e Student/in geprüft* «Студент/студентка сдавал/сдавала экзамен»; *Dieser/diese Professor/in arbeitet wissenschaftlich* «Этот профессор/эта женщина-профессор занимается научными исследованиями».

Однако, являясь сокращенной формой для обозначения мужского и женского рода, оба случая (заглавное **I** и косая черта «/») не устраняют гендерную дискриминацию, так как называют только два пола, игнорируя, таким образом, наличие других полов.

В отличие от первых двух приемов **нижнее подчеркивание** _ (Gender-Gap) и **звездочка*** (Gender-Stern) являются в письменной речи маркерами возможных других полов, кроме мужского и женского. В устной речи эти маркеры тоже находят выражения: они передаются задержкой звука в этом месте (гортанной смычкой, твердым приступом, Glottisschlag), а также паралингвистически – движением руки извне вовнутрь во время короткой паузы при произношении мужской и женской формы слова: *Sehr geehrte_r Student_innen und Dozent_innen* «Уважаемые студенты/студентки/представители других полов и доценты/женщины-доценты/представители других полов»; *Ein*e gut ausgebildete*r Jurist*in wird gesucht* «Приглашается на работу юрист с хорошим образованием – пол любой»;

*Der*die Student*in ist fleißig* «Студент, студентка/представители других полов старательный/старательная/учится старательно»); *Die Leser*innen sind im Raum 10* «Читатель, читательницы/читающие всех полов находятся в аудитории 10».

Языковая политика Европейского союза рекомендует использование в речи гендерно-нейтральных формулировок, например, инфинитивных и пассивных форм, причастий. *Die Student*innen werden aufgefordert, die bestellten Bücher umgehend abzuholen. – Bitte die bestellten Bücher umgehend abholen* «Студенты/студентки/представители всех полов должны срочно забрать заказанные книги. – Заберите срочно заказанные книги» (вместо того, чтобы написать «Студенты, студентки и другие» и использо-

вать побудительное предложение). *Die Studenten/StudentInnen/Student*innen erhalten das Stipendium jeweils am Monatsanfang. – Das Stipendium wird am Monatsanfang ausbezahlt.* «Студенты, студентки/представители других полов стипендию получают всегда в начале месяца. – Стипендия выплачивается в начале месяца». В данном предложении используется пассивная конструкция вместо обозначения лиц мужского и женского пола. Проблему обозначения полов решает также использование причастий: *Lehrende, Studierende, Reisende, Radfahrende* «учащиеся школы, учащиеся вуза, путешествующие, катающиеся на велосипедах» и т.д.

Языковая политика Европейского союза рекомендует также использование в речи обозначение всех гендерных видов, для чего предлагается использовать форму слова в мужском роде, к которой (в скобках) добавляется обозначение всех родов: мужской род, женский род, другой род – *männlich, weiblich, divers (m, w, d)*. В официальном объявлении – приглашении на работу, например, указываются все гендерные формы: *Gesucht wird Controller (m, w, d)*. «На работу контролером приглашаются желающие всех полов (мужского, женского и других)».

Как следует из приведенного материала, проблема гендера активно дискутируется в обществе как в теоретическом плане, так и в плане практической реализации полученных результатов. Данным вопросом занимался также совет по орфографии немецкого языка в Мангейме (*Rat für deutsche Rechtschreibung*), в состав которого входят представители Федеративной Республики Германии, Австрии, немецкоязычных кантонов Швейцарии, Княжества Лихтенштейн, автономной провинции Больцано в Южном Тироле и немецкоязычной общины в Бельгии. В резолюции от 16 ноября 2018 г. совет констатировал, что «общественный дискурс по вопросу о том, как можно на практике реально и подобающим образом обозначать наряду с мужским и женским полом третий или принадлежность к другим различным полам, является дискуссионным. Однако те лица, которые не могут отнести себя ни к мужскому, ни к женскому полу, также имеют право на соответствующее обозначение в языке» [*Rat für deutsche Rechtschreibung*].

В то время как в немецкоязычном пространстве продолжают поиски приемлемого варианта для справедливого решения гендерной проблемы в языке, Швеция для обозначения лица, кото-

рое не относит себя ни к мужскому, ни к женскому полу, искусственно создала местоимение *hen*: оно существует параллельно с личным местоимением *han* (*er* «он») и *hon* (*sie* «она»). Местоимение *hen* упрощает, таким образом, использование шведского языка как в устной, так и в письменной речи и в то же время подчеркивает, что коммуникант оперирует не только категориями «мужской» и «женский», но учитывает также категорию «других полов». Постепенно местоимение *hen* стало активно использоваться в текстах массовой информации, в официальных документах и в судопроизводстве. В 2015 г. это слово было зафиксировано в стандартном словаре шведского языка «Svenska Akademiens ordlista» [Svenska Akademiens ordlista].

В Германии использование *гендерно равноправного* языка рекомендовано на основании решений Европейской комиссии по правам человека официальным учреждениям и ведомствам, а также вузам.

Несмотря на то что гендерный концепт стал официальной реальностью, в обществе он активно критикуется. Критика направлена в первую очередь на то, что данный концепт разработан специалистами, теоретиками, которые не учитывали проблемы использования его в реальной жизни. На сайте Института футурологии (Zukunftsinstitut) отмечено следующее: «Инновации побеждают традиции, гендер (в его традиционном понимании) теряет свою роковую значимость, целевая группа теряет свою обязательность... 'Сильное Я' побеждает старую бинарную оппозицию 'женщина / мужчина' и создает новую культуру плюрализма» [Zukunftsinstitut: Megatrend Wissenskultur]. Согласно данным института, «... видимыми признаками гендерных изменений являются мода на бороды и одногендерная семья»¹ [Kelber, 2022].

Сможет ли эта тенденция, навязанная сверху, действительно способствовать уменьшению дискриминации и достижению гендерного равенства, предстоит еще выяснить.

¹ См. *Regenbogenfamilie* – «одногендерная семья с детьми» [Wimbauer, 2021, S. 235]. (Этот термин используется в русскоязычной специальной литературе). – *Прим. авт.*

Заключение

1. Несмотря на то что концепт *гендер* сегодня в Германии признан официально, в обществе он активно критикуется, поскольку воспринимается как теоретический конструкт, не учитывающий реальные проблемы его использования в речевых практиках. Репрезентативный опрос Института исследования рынка «Infratest» в 2021 г. показал, что 65% населения отказываются от использования соединительного заглавного I (das Binnen-I) (WählerInnen) в письменной речи и от искусственной паузы перед морфемой женского рода (Pendler_innen) в устной речи. Годом раньше такого мнения придерживались еще только 56% [Gaschke, Schuster, 2021].

2. В 2018 г. в университете Г. Фрайбурга (Германия) под руководством профессора Нины Дегеле [Degele, 2018] был реализован научно-исследовательский проект «*Ist das eigentlich politisch korrekt? – Gesellschaftstheoretische Zugänge zu aktuellen Umgangsweisen mit Political Correctness*», основанный на данных, полученных У. Бекком и У. Бек-Гернсхайм в 1994 г. [Beck, Beck-Gernsheim, 1994, S. 18]. Результаты проведенного проекта свидетельствуют о том, что традиционные ценности исчезают, на их место приходят новые нормы политкорректности. Они становятся главными, не подлежащими обсуждению и само собой разумеющимися. В результате этого разрушается ощущение безопасности и уверенности, это может привести к агрессии и защитной реакции со стороны некоторых членов общества.

3. Язык является зеркалом, отражающим все социальные изменения в обществе. Взаимовлияние языков, появление новых денотатов и их обозначений, их ценностных маркеров является естественным процессом. Если язык не меняется параллельно с социальными изменениями общества, то этот язык не может обслуживать современное общество.

Список литературы

Beck U., Beck-Gernsheim E. Individualisierung in modernen Gesellschaften – Perspektiven und Kontroversen einer subjektorientierten Soziologie // Riskante Freiheiten. – Frankfurt am Main : Suhrkamp-Verlag, 1994. – S. 10–39.

- Brand M., Sabisch K.* Gender Studies: Geschichte, Etablierung und Praxisperspektiven des Studienfachs // Handbuch Interdisziplinäre Geschlechterforschung. – Wiesbaden : Springer VS, 2019. – S. 1043–1052.
- Charta der Grundrechte der Europäischen Union.* Titel III. Gleichheit. Artikel 23. Gleichheit von Frauen und Männern // Amtsblatt der Europäischen Union C 303 S. 17. – 2007. – 14.12.
- Degele N.* Ist das eigentlich politisch korrekt? Gesellschaftstheoretische Zugänge zu aktuellen Umgangsweisen mit Political Correctness – Eine wissenschaftliche Betrachtung von Studierenden im 2. Fachsemester der Soziologie. – 2018. – URL: https://www.sozioologie.uni-freiburg.de/personen/degele/dokumente-gesellschaftstheorien/copy2_of_GTPC.pdf (Дата обращения: 27.11.2021)
- Duden.* Gender. – 2017. – URL: <https://www.duden.de/rechtschreibung/Gender> (дата обращения: 27.01.2022).
- Forster I.* Political Correctness // Politische Korrektheit. – 2010. – URL: <http://www.bpb.de/politik/grundfragen/sprache-und-politik/42730/politische-korrektheit?p=all> (дата обращения: 03.10.2021).
- Gaschke S., Schuster J.* Die Gender-Sprache ist eine Top-Down-Veranstaltung // Die WELT. – 2021. – 26.5. – URL: <https://www.welt.de/politik/deutschland/plus231304851/Gender-Die-Gender-Sprache-ist-eine-Top-down-Veranstaltung.html> (дата обращения: 03.01.2022).
- Gesetz zur Änderung der in das Geburtenregister einzutragenden Angaben* // Bundesgesetzblatt. Bundesgesetzblatt. Jg. 2018. Teil 1. N 48. – Bonn. – 2018. – 21.12. – S. 2635
- Horx M.* Das Megatrend-Prinzip. Wie die Welt von Morgen entsteht. – Stuttgart : Deutsche Verlags-Anstalt, 2011. – 336 S.
- Kelber C.* Gender Shift: Zukunft der Geschlechter. – 2022. – URL: <https://www.zukunftsinstitut.de/artikel/gender-shift-zukunft-der-geschlechterrollen/> (дата обращения: 27.01.2022).
- Naisbitt J.* Megatrends. Ten New Directions Transforming Our Lives. – New York : Grand Central Pub, 1982. – 290 S.
- Rat für deutsche Rechtschreibung.* Die Entwicklung und Bewertung des Themas «Geschlechtergerechte Schreibung» in der Beobachtung des Schreibgebrauchs 2018–2020 vom Rat für deutsche Rechtschreibung gebilligt am 26.03.2021. – URL: <https://www.rechtschreibrat.com/geschlechtergerechte-schreibung-empfehlungen-vom-26-03-2021/> (дата обращения: 03.12.2021). S. 9.
- Svenska Akademiens ordlista (SAOL) hen (SO).* – 2021. – URL: <https://svenska.se/tre/?sok=hen&pz=2> (дата обращения: 05.01.2022).
- Vereinte Nationen.* Allgemeine Erklärung der Menschenrechte. – 2019. – URL: <https://unric.org/de/allgemeine-erklaerung-menschenrechte/> (дата обращения: 03.10.2021).
- Wimbauer C.* Co-Parenting und die Zukunft der Liebe. Über post-romantische Elternschaft / X-Texte zu Kultur und Gesellschaft – transcript Verlag Bielefeld. – 2021. – 298 S.

*Многообразие гендерных ролей в современном мире и их отражение
в немецком языке*

Zukunftsinstitut. Megatrend Gender Shift. – 2021. – URL: <https://www.zukunftsinstitut.de/dossier/megatrend-gender-shift/> (дата обращения: 06.01.2022).

Zukunftsinstitut. Megatrend Wissenskultur. – 2021. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=1pKU5EKO_E (Дата обращения: 06.01.2022).

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

УДК: 81'373; 81'133.1

DOI: 10.31249/ling/2022.04.02

Опарина Е.О.¹

ИЗ ИСТОРИИ ЛЕКСИКИ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА: СВЯЗЬ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ (Обзор)²

*Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)*

Аннотация. Лексика всегда находится в тесной связи с условиями существования языка. В данном обзоре рассматривается несколько групп предметной лексики французского языка, а именно – названия одежды и кулинарных блюд в Средние века и наименования игральные карт, введенные во Франции в период революции 1789–1794 гг. В развитии этих лексических групп обнаруживается их зависимость от исторического контекста и системы представлений, свойственных носителям французского языка в определенные периоды развития страны.

Ключевые слова: лексика французского языка; история французского языка; язык и культура; наименования блюд; наименования одежды; период Средневековья; период Французской революции.

¹ Опарина Е.О. Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, 2022.

² Материал подготовлен в рамках государственного задания по теме «Лингвокультурные аспекты цивилизационных противоречий»: <http://inion.ru/ru/science/temy-nir/lingvokulturnye-aspekty-tsvivilizatsionnykh-protivorecii>

Введение

Воздействие экстралингвистических факторов на язык интенсивно проявляется на лексическом уровне. Культурные условия играют в этом влиянии одну из главных ролей. Культурный пласт значения присутствует не только в лексических единицах, имеющих абстрактную семантику и являющихся ментальными конструктами «невидимого» мира, но также в словах предметной семантики.

В данном обзоре рассматриваются происхождение и развитие отдельных групп предметной французской лексики в культурно-историческом плане: наименования блюд и женской одежды в период Средневековья [Кальщикова, 2021; Манухина, 2021], а также наименования игральные карт в период Французской революции [Zompetti, 2017]. Эти группы предметной лексики сформировались под влиянием социально-культурного контекста своего времени, в них запечатлены религиозные, этические, эстетические и политические представления.

Основная часть

В названиях блюд отражены религиозные стереотипы и верования эпох Средневековья. А.О. Манухина доказывает, что такой подход влечет за собой оценочное отношение к объектам номинации [Манухина, 2021]. Исследование А.О. Манухиной основано на материале трех средневековых поваренных книг, написанных на среднефранцузском и латинском языках. Самая ранняя из известных кулинарных книг на французском языке относится к первой половине XIV в., однако она базируется на еще более раннем сочинении¹. Интересно, что изучаемые сочинения

¹ Книга называется *Le Viandier de Guillaume Tirel dit Taillevent*. Она долгое время приписывалась Гийому Тирелю, известному как шеф-повар при дворах Карла V и Карла VI. Однако в 1950-е годы был найден манускрипт, оказавшийся более ранней (до 1300 г.) версией этого труда. Таким образом, текст сочинения был создан анонимным автором еще в XIII в. К XIII–XIV вв. принадлежат рукопись и издание латинской анонимной книги *Liber de coquina ubi diuersitates ciborum docentur*. В статье анализируется также материал книги *Le Ménagier de Paris*, 1393 г., названной «наиболее обширным произведением по средневековой кулинарии» [Манухина, 2021, с. 195]. – *Е. О.*

созданы людьми третьего сословия, уже имевшими возможность получить образование, а адресатами были люди разного социального статуса – феодальный сеньор, как в случае с книгой на латинском языке, придворные короля или семья парижского буржуа [Манухина, 2021].

В книгах отображены уже сложившиеся в средневековом французском социуме кулинарные традиции. Названий рецептов блюд и напитков немало, и в них зафиксированы отличающиеся разнообразием мотивировки наименований. Например, множество блюд и напитков получили название по топониму, связанному с их происхождением: *pastes à la Lombarde* – «ломбардский паштет»; *Chaudun de porc* – блюдо из свинины, по названию региона на севере Франции. Сформировались также наименования по основному ингредиенту (*fromantée* – «пудинг». букв. пшеничный), по используемым приправам (*soup en moustard* – суп с горчицей), по религиозному календарю (*rissoles à jour de poisson* – «котлеты в рыбный пост»), по способу приготовления. Последняя группа, являющаяся наиболее многочисленной, нередко включает названия, основанные на метафоре: *oeufs heaumes* – «яйца в шлеме» (т.е. в скорлупе), *chapon bardé* – «каплун в латах» (т.е. запеченный в тесте с салом). Данные номинации следует, как отмечает А.О. Манухина, рассматривать как оценочные, так как они создают сниженный «рыцарский» образ [Манухина, 2021, с. 199]. В книге, предназначенной для городского третьего сословия («Le Ménagier de Paris»), представлены прямые авторские оценки рецептов. Те из блюд, которые слишком дороги или сложны в приготовлении, оцениваются как непозволительная роскошь. Вместе с тем уже существовавшие в период Средневековья гедонистические и эстетические установки французского общества прослеживаются в детальном описании приготовления блюд.

Общей чертой рецептов, записанных во всех трех книгах, является повышенное внимание к специям и пряностям, ими снабжены практически все блюда. Среди них не только привычные нам приправы, но и забытые или не используемые в наше время в кулинарных целях: *aunée* – «девясил», *garingal* – растение восточного происхождения, разновидность кардамона. Такая тенденция не просто отражает своеобразие национальной кухни или высокий статус адресата: согласно средневековым поверьям, спе-

ции наделялись способностью положительно влиять на физическое и душевное состояние человека. В первую очередь это относилось к тем пряностям, которые были завезены в Европу с Востока во время крестовых походов. Например, считалось что *safran* – «шафран» восстанавливает душевные силы; *almende* – «миндаль» способен заживлять раны и снимать боль; *canelle* – «корица» физически и духовно очищает человека.

В подобном отношении к специям проявлялась важная черта мировоззрения средневекового человека – тонкая грань между медициной и магией. В XIII–XIV вв. в эту сферу включалась и кулинария, что доказывают применяемые в поваренных книгах и характерные для магии заклинания: «*Prenez une crouste de pain et escripvez: fiat, fiat, fiat*» («*Le Menagier...*») – «Возьмите корку хлеба и напишите: “Да будет так, да будет так, да будет так”» [Манухина, 2021, с. 202]. Кроме того, в характере средневековых поваренных книг проявились древние представления о сытости как недоступной мечте и страхе голода как одном из основных страхов человека. Подобные представления отразились, например в французской легенде о Кокани – мифической стране питательного изобилия. Выявленные параллели вводят гастрономию в систему отношений «человек / универсум», где все предметы и явления повседневной жизни получали оценочное значение [там же].

По утверждению Г.Г. Бондарчук, «бытовая сфера, включающая в себя наименования одежды, питания и жилища, является одной из самых первых сфер деятельности человека и продолжает играть важную роль в жизни общества, поэтому человек начал развивать понятие “одежда” с первых этапов цивилизации» [цит. по: Кальщикова, 2021, с. 90]. А.А. Кальщикова, исследуя строение и формирование лексико-семантической группы «женская одежда», устанавливает, что значительная часть составляющих ее единиц восходит к эпохе Средневековья [там же]. Особенно объемным является суперординатный уровень, объединяющий родовые понятия, относящиеся к классу «одежда». Лексическая избыточность единиц этого уровня (в его составе более 20 понятий) подтверждает важность бытовой сферы, в том числе наименований одежды, для общества. Самой ранней по хронологии родовой номинацией (XI в.) является *vêtement*, восходящая к лат. *vestimentum* и не изменившая первоначального значения «одежда». Другое

обозначение, относящееся к суперординатному уровню – *robe*, – пришло в старофранцузский из германского *Rauba*, имевшего значение «добыча, награбленное». В старофранцузском оно первоначально обозначало все виды одежды. Впоследствии лексема сузила значение до «платья» как предмета женской одежды, а также одежды священника или судьи, что перевело ее на базовый уровень, выражающий видовые понятия: *tunique* – «туника»; *manteau* – «пальто»; *coiffe* – «головной убор» и др.

Именно базовый уровень формирует систему знаний о категориях одежды. Его единицы являются наиболее устойчивыми по значениям, притом что сами обозначаемые ими предметы со времен Средневековья претерпели изменения. Так, базовая лексема *chemise* до настоящего времени обозначает рубашку, однако сейчас ее денотат является самостоятельным предметом одежды, а ранее это была нижняя рубашка, поверх которой надевались туника (*tunique*) или платье (*robe*). Субординатный уровень, компоненты которого обозначают подвиды базового уровня одежды, является наиболее подвижным. На данном уровне категоризации наиболее ярко проявляется связь между экстралингвистическими факторами и эволюцией лексико-семантической группы. Важную роль в эволюционном процессе в период Средневековья играли военные конфликты и территориальные завоевания. Например, наименования из латыни сосуществовали в ранний период с галльскими, а позднее – с германскими (франкскими) по происхождению.

А.А. Кальщикова подчеркивает, что к XIII в., времени расцвета средневековой французской культуры, одежда стала признаком социального статуса. Она дифференцировала дворянство и простонародье; состоятельные горожане стремились подражать дворянству. В результате аристократия потребовала ввести ограничения на ношение определенных видов одежды низшими слоями населения. Таким образом, к позднему Средневековью одежда обрела семиотическую функцию во французском обществе [Кальщикова, 2021, с. 96].

В статье Д.П. Зомпетти (Власть символов: идеологический смысл названий игральных карт в период Французской революции: Колода *Революционеры*) анализируются новые наименования игральных карт, введенные после победы революции 1789–1799 гг. [Zompetti, 2017].

Игральные карты, производство которых началось в Европе около 1420 г., на протяжении своей длительной истории не раз меняли наименования, которые к тому же различались по странам. Однако в результате в XVII–XVIII вв. доминирующей стала французская версия названий [Zompetti, 2017]. Эти наименования основывались на военной и роялистско-аристократической тематике, дополненной культурно-историческими аллюзиями. Например, короли изображались как: Давид (пики), Юлий Цезарь (бубны), Карл Великий (черви), Александр Македонский (трефы). Масти также имели символический смысл. Например, пики символизировали копья – оружие рыцарских поединков, а бубны – концы стрел, которыми стреляли лучники на поле боя. Четыре масти означали четыре времени года; 13 карт в каждой масти – количество лунных месяцев в году.

Сложившийся в ходе революции режим основывался на новой идеологии. Соответствовавшие ей символы внедрялись сторонниками революции в разные сферы жизни. Наиболее известными социально-политическими символами революционного государства стали флаг-триколор, образ Марианны и гимн «Марсельеза», однако в бытовой сфере их было также множество. Новая идеология определяла специфику одежды, мебели, привычных бытовых предметов. Она проявилась также в карточной колоде под названием *Revolutionnaires* – совершенно новой по визуальному оформлению и названиям карт. В разработке ее дизайна ведущую роль играли поддерживавшие революцию аристократы – граф Сен-Симон (count Saint-Simon) и маркиз де Кондорсе (marquis de Condorcet). Ее появление в 1793 г. сопровождалось изданием памфлета, в котором разъяснялась новая символика. Более того, колода *Revolutionnaires* рассматривалась ее авторами как учебник революции [Zompetti, 2017].

Способ формирования новых карт был следующим. Игровая ценность карт внутри колоды оставалась прежней, новые образы служили эквивалентами старых, однако с революционным содержанием. Смысл карт формировался полимодальными средствами: визуальные образы воспринимались как аллегории республиканских ценностей, вербальный код реализовался в названиях и атрибутах образов, на которых представлены революционные понятия и лозунги. Например, бывшие тузы стали воплощением законов.

Аллегорических изображений тузов не было, но присутствовали надписи: *Loi* и *Rep. Fra.* – «закон» и аббревиатура «Французской Республики». Ранг королей был заменен духами (*Genius*), они изображались как античные полубоги с крыльями. Так, король треф был заменен духом мира: изображался в античной одежде и сандалиях, держащим в левой руке свиток с надписью *Loix* – закон, в правой – оливковую ветвь. Вместо королей были введены аллегории свободы. Например, королева червей была заменена аллегорией свободы религии, одетой в античную одежду; у ее ног книги с надписями «Талмуд», «Коран» и «Евангелие», в левой руке пика, увенчанная красным колпаком, в правой стороне карты вертикально написано слово *Fraternité* – братство. Со своими атрибутами были представлены свобода печати, свобода брака и свобода выбора профессии. Валеты были переосмыслены как аллегории равенства: равенство обязанностей, равенство прав, равенство социальных групп и равенство рас; они воплощались соответствующими образами: солдат, судья в одежде трех цветов нового флага Франции, санкюлот и негр. Вербальное и символическое сопровождение этих идей также присутствовало, например, винтовка и надписи *Pour la patrie* и *Securité* на карте, изображавшей солдата на поле боя (равенство обязанностей).

Таким образом, в колоде карт *Revolutionnaires* активно использовались возможности поликодовой презентации революционных и республиканских идей, во главе которых – свобода, равенство и братство как основные лозунги Французской революции. Революционная колода была в ходу недолго – после окончания революции были возвращены карты со старыми обозначениями. Однако в свое время новая колода стала знаком резкого сдвига в социально-политическом устройстве Франции. Дж.П. Зомпетти приравнивает ее к политическому высказыванию, которое можно сформулировать следующим образом: «*the deck of cards, like the nation of France, would not be ruled by kings and queens*» [Zompetti, 2017] – «колода карт, как и французская нация, не будет управляться королями и королевами» [пер. мой. – Е. О.]. Однако революционные карты также означали глубокий сдвиг в сознании значительной части населения – отход от традиционных монархических и сословных установок в пользу концепции свободы и равных гражданских прав.

История развития предметных групп лексики французского языка в разные исторические периоды подтверждает тесную зависимость лексического уровня языка от экстралингвистических условий. Среди важных факторов – исторические сдвиги, система верований, характерная для определенной эпохи, межэтнические и межъязыковые контакты и т.д. История революционных карт подтверждает, что культурными и политическими символами могут стать бытовые предметы, в том числе принадлежащие к «несерьезной» игровой сфере.

Список литературы

- Кальщикова А.А.* Формирование категории французских наименований одежды : (на материале женской одежды в средневековый период) // Вестник Моск. гос. лингв. ун-та. Гуманитарные науки. – 2021. – Вып. 13 (855). – С. 87–97.
- Манухина А.О.* Отражение оценочного восприятия повседневности в описаниях средневековой французской кухни XIV века // Вестник Моск. гос. лингв. ун-та. Гуманитарные науки. – 2021. – Вып. 13 (855). – С. 193–205.
- Zompetti J.P.* The power of symbols: The ideological representations of a French Revolution playing card deck, *the Revolutinnaires* // *Inquiries j.* – 2017. – Vol. 9, N 03 [Электрон. ресурс]. – URL: <http://www.inquiriesjournal.com/a?id=1548>

ПСИХОЛИНГВИСТИКА
АССОЦИАТИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ
И ИССЛЕДОВАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ: монография /
Пищальникова В.А., Адамова З.Г., Степыкин Н.И.,
Хлопова А.И. ; под ред. В.А. Пищальниковой. – Москва :
МГЛУ, 2021. – 110 с.
(Реферат)

Ключевые слова: личностная и социальная идентичность; ассоциативный эксперимент; этнопсихолингвистика; речевое действие; социальная и этническая напряженность.

Глава I коллективной монографии посвящена описанию возможностей психолингвистического эксперимента как базы исследования идентичности в современной этнопсихолингвистике. Авторы выделяют основные тенденции психолингвистического исследования идентичности, подчеркивая, что человек – ценностно-ориентированное существо, и потому его бытие вне системы ценностей непредставимо, и указывая на очевидность кризиса социальной идентичности в современном мире. Последнее аргументируется состоянием общества, когда (1) нечто жизненно важное, представляющее для индивида ценность, оказывается для него недостижимым; (2) когда актуальная ранее компетентность, включая цели и идеалы, оказывается невостребованной; (3) когда ценные в культурном отношении практики обесцениваются; и когда из-за этого (4) деклассируются и деградируют целые общественные объединения и жизненные установки; (5) когда происходит радикальное смещение солидарности поколений и связанной с ними идентичности.

При этом подчеркивается, что, несмотря на разнообразие дефиниций категории идентичности, феномен идентичности при

всех модификациях научного объекта в гуманитарных науках по сути остается психологическим: это аспект самосознания индивида, переживания им своего Я, что проявляется прежде всего в процессах речемыслепорождения. В связи с этим идентичность может быть эффективно исследована психолингвистическими экспериментальными методами, непосредственно выявляющими по сравнению с другими методами ментальное содержание: они предполагают спонтанную реакцию испытуемых на предъявляемые стимулы в свободном ассоциативном эксперименте и не оставляют времени на обдумывание при выполнении заданий на шкалирование. Одновременно такие методы могут дать значимый фактический материал для изучения идентичности с позиций других наук.

Особенно актуален с теоретической и экспериментальной позиций вопрос о детерминированности идентичности системой базовых ценностей. Эта обусловленность наиболее очевидно выражена тоже в речевой деятельности, а в свободном ассоциативном эксперименте представлена в характере предикации между стимулом и реакцией, единство которых рассматривается как речевое действие.

Базовые ценности психологически актуальны только тогда, когда они специфически освоены индивидом в процессе его жизнедеятельности и определяют характер его мировоззрения и поведения. Такое освоение нейрофизиологически фиксируется в ассоциативно-вербальной сети индивида, а потому экспериментально может быть выявлен не только специфический характер присвоения ценности индивидом, но и его связь с осмыслением человеком своего Я. Таким образом, речевое действие – это репрезентативный материал для выявления ассоциативных связей любого характера, что позволяет широко использовать разные виды речевой деятельности, в том числе и экспериментальные, для моделирования параметров идентичности.

Отношение к разным социально значимым аспектам современной культуры устанавливается в экспериментальных исследованиях, позволяющих выявить материал, на основе которого можно анализировать и проблему *личностной* идентичности. Так, анализируя состав ядерных ассоциатов поля *礼貌* / вежливость, Яо Чжипэн делает вывод о включенности морально-этических категорий в сознание как операциональных действий. Сравнение ассо-

циативных полей носителей китайского и русского языков выявляет различия в содержании конкретной базовой ценности. Например, при внешнем совпадении признака ассоциирования «носитель качества» коэффициенты разнообразия ассоциатов значительно различаются: 0,6 – у русских и 1,2 – у китайцев, что явно обнаруживает более высокую степень стереотипности ассоциатов в русской лингвокультуре и свидетельствует о специфике личностного отношения к базовой ценности.

Вообще характер и степень присвоенности любого ценностного содержания (ее встроенности в ассоциативно-вербальную сеть) в значительной степени мотивируется ценностной ориентацией субъекта, поэтому личностную и социальную идентичность при изучении ценностей возможно различать по специфике речевого действия, в котором закономерно отражается мотив речевой деятельности. В речевом же действии репрезентируется личностная иерархия ценностей, безусловно, связанная со степенью социализации человека, но одновременно детерминированная индивидуальной значимостью предметов деятельности. В связи с этим активное психолингвистическое изучение ценностей сформировало серьезную фактическую базу для определения параметров и разных видов идентичности, в том числе личностной.

Проблема *этнической* идентичности, рассматриваемая в разных гуманитарных науках, для психолингвиста актуальна прежде всего в аспекте выявления способов психологического усвоения этнических констант (базовых ценностей). Это тем более важно, что этнические стереотипы – максимально экстенсивное и устойчивое проявление идеи «своих». При этом наблюдаются значимые расхождения в интериоризации ценностей индивидами в зависимости от характера группы, этнически цельной или смешанной, функционирующей в этнически подобном или инокультурном окружении и др., поскольку этнические константы продуцируют не только не совпадающие, но часто и противопоставленные традиции, нормы, стереотипы деятельности. В связи с этим языковые данные, полученные при исследовании этничности, могут быть использованы и при конструировании личностной идентичности. Так, моделируя конвенциональные стереотипы *Россия, Якутия / Саха Сирэ, Родина / Ийэ Дойду*, связанные с этническими границами, на основе экспериментальных данных, З.Г. Адамова опира-

ется на их универсальную категоризацию по принципу «свои – чужие». Исследователь отмечает, что структура русских и якутских ассоциативных полей *Россия* значительно отличается: у якутов среди ассоциатов преобладают реакции-представления, у русских понятийные ассоциаты и реакции-представления численно практически равны; эмоционально-оценочные реакции якутов составляют 13% поля, русских – 16%; отказ от ассоциирования у якутов отмечен в 5% случаев, у русских – в 16%. Эти формальные отличия обнаруживают разное личностное отношение к содержанию стимула, что может стать основанием для установления характера личностной идентичности.

По сути, лингвокультурную идентичность можно рассматривать как аспект (разновидность) социальной, поскольку она моделируется на основе экспликации в речевой деятельности различных знаний о семантических и синтаксических структурах. Но вместе с тем в *речевом действии* обязательно проявляется характер ассоциативной связи и степень присвоенности таких моделей, способность индивида операционально пользоваться ими, а это уже область психолингвистического описания речевой компетенции. В ней значимыми становятся оценки эффективности моделей, стратегий и тактик коммуникации как приемлемых или неприемлемых с точки зрения индивида, что способствует установлению характеристик личностной идентичности.

Формулируя теоретические принципы психолингвистического анализа ассоциатов при моделировании личностной идентичности, авторы монографии рассматривают эксперимент как основной метод сбора репрезентативного языкового материала.

Проведение серии прямых и обратных пилотных экспериментов, в каждом из которых используются анкеты с разным набором стимулов, отобранных на основе интеграции данных уже известных социолингвистических и психологических исследований, дает материал, в массиве которого анализу подвергаются *все* речевые действия, далее дифференцирующиеся по группам, проявляющим разные аспекты идентичности. В группу речевых действий, реализующих признаки личностной идентичности, могут быть отнесены такие, в которых представлены психологические характеристики индивида, самооценка, отношение к социально одобряемым ценностям, ощущение себя как цельной личности,

осознание своих способностей, ответственности, вообще «образ Я» – все то, что объединяется и порождается *активностью самосознания*.

После условного выделения совокупности речевых актов, репрезентирующих прямо или косвенно параметры личностной идентичности, необходимо отделение таких актов, в которых человек определяет свою идентичность без обращения к социальным и ролевым категориям. Это сложный и кропотливый процесс, поскольку в современной культуре определение себя через принадлежность к группе стало доминирующей стратегией идентификации человека в силу усиления «психологической безответственности» и стремления людей получать ценности и правила поведения в готовом виде.

В связи со сказанным становится особенно актуальной проблема выделения речевого действия как конструктивного элемента речевой деятельности и «объективатора» процесса предикации и определения его существенных параметров, на основе которых возможно моделирование идентичности. Согласно В.А. Пищальниковой, речевое действие – это, по сути, установление определенных отношений между характером психологической предикации и внутренней формой языка. Следовательно, речевое действие можно рассматривать одновременно и как *способ* предикирования, представляющий личностный смысл, и как *средство* предикирования, установленное внутренней формой языка. Итак, вербальная форма речевого действия становится, таким образом, средством доступа к пониманию специфики предикации. Экспериментальные данные свидетельствуют о необходимости рассмотрения стимула и реакции как целостной совокупности речевых действий, активированных словом-стимулом. Важно изучать не отдельно взятые сочетания «стимул – реакция», а их многообразие и взаимодействие. Для обнаружения частотных способов языкового представления личностных смыслов и выявления психологически актуального значения лексем предлагается использовать широко распространенную распределенную модель смысла В.А. Пищальниковой. Группировка ассоциатов на основе этой модели отражает динамику значения отдельных содержательных компонентов слова и позволяет выявлять модальность и ситуативную обусловленность связи «стимул – реакция».

Моделирование речевого действия на основе ассоциативного поля с учетом модели речепорождения учитывает основные характеристики речевого действия (связность, целостность, модальность, предикативность и ситуативность) и позволяет решить новые задачи: (1) выявить структуру речевого действия как способа и средства предикирования; (2) определить потенциально возможные фонетические, морфологические, семантические и синтаксические связи слова в ассоциативно-вербальной сети; (3) выявить речевые действия с полным и неполным циклом речепорождения; (4) установить преобладающий тип синтаксирования при образовании речевого действия; (5) выявить соотношение лексических и грамматических механизмов в структуре ассоциативного поля; (6) спрогнозировать развитие речевой способности индивида.

В монографии представлен пример психолингвистического исследования социальной напряженности как следствия нарушения структуры социальной идентичности. В последнее время усиление социальных противоречий актуализировало мысль, что индивид в выборе своего жизненного пути не может быть свободен от социального контекста, и потому в изучении социальной идентичности наметились тенденции перехода от собственно социологического к социопсихологическому и междисциплинарному. При этом центральным в исследовании социальной идентичности остается понятие процесса социального самоопределения или самоидентификации. Социальная идентичность конструируется на протяжении всей жизни человека и зависит от специфики процесса становления личности, усвоения индивидом ценностей, норм, установок и пр., присущих данному обществу, социальной группе.

Речевая деятельность в форме отдельных речевых действий, предметом которых является значение ценностей, составляющих основное содержание социальной идентичности, с одной стороны, связана с «образом» объективной реальности как внутренним условием формирования потребности – или шире – цели деятельности. С другой стороны, она опосредована предметным содержанием языкового значения ценностей, т.е. теми общепринятыми, включенными в социальную и культурную структуру реальности «направляющими» речевыми действиями, посредством которых устанавливается контакт с предметным миром и тем самым происходит взаимодействие человека, общества и культуры. Следова-

тельно, выделение речевых действий и речевых операций как единиц анализа позволяет моделировать «ситуативный образ мира», в который с необходимостью включены элементы «глобального образа мира» (А.А. Леонтьев). В основе такого подхода лежит понимание человека как самоорганизующейся системы, главным регулятивным механизмом которой является естественный язык. Не просто язык как социальное явление, а биологически обусловленное социальное явление, которое появляется, по У. Матуране и Ф. Вареле, благодаря коэволюции структурных систем и их взаимодействиям, но функционирует как автономное единство. Главное отличие такого подхода состоит в том, что он учитывает взаимосвязь между действием и опытом. В анализе структуры и содержания актуального психологического значения анализируемых ценностей следует учитывать, во-первых, «мотивационные образования», которые могут быть вербализованы и выражены в конкретных речевых действиях; во-вторых, два типа направленности в предметном содержании установок, которые будут представлены в речевых действиях и операциях, репрезентирующих «ситуативную конкретизацию установок». Но главным «выразителем» мотивационного потенциала аксиологических понятий, их побудительной силы являются семантически сопряженные с понятиями эмоции.

Важными для анализа авторы полагают целостность и динамичность установки. С одной стороны, установка предшествует действию человека и выражает готовность действовать и не зависит от отдельных актов его психической деятельности. Направляющие внимание установки влияют, следовательно, на все сферы деятельности человека: когнитивную, мотивационную, ценностную. Это позволяет в анализе речевых действий как маркеров социальной напряженности и в моделировании личностного смысла ценностей на основе такого анализа устанавливать структуру и содержание всех компонентов смысла как единого целостного образования. С другой стороны, установка, несмотря на ее зависимость от неосознаваемых психических процессов, не является «константой», так как она по определению «ситуативна» – и потребности, и среда относятся к группе явлений, которые зависят от постоянно меняющихся условий существования организма. Отсюда следует, что установка имеет динамичный характер, который

обусловлен прежде всего степенью удовлетворенности и силой потребностей. Преимущество психолингвистического подхода к исследованию ценностей, таким образом, состоит в том, что он принципиально способен учитывать и целостность, и динамичность ценностей как «направляющих» потребностей. В качестве примера применения выделенных принципов психолингвистического анализа социальной напряженности авторы приводят экспериментальное психолингвистическое исследование ценности «вера» как индикатора духовности.

*М.И. Куосе,
Московский государственный лингвистический университет*

СОЦИОЛИНГВИСТИКА

УДК: 81'272

DOI: 10.31249/ling/2022.04.03

Казак Е.А.¹

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ И ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ ЯЗЫКОВ ВО ВЬЕТНАМЕ (Обзор)²

*Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)*

Аннотация. Обзор посвящен анализу современного состояния национальных языков Вьетнама и тенденций их социокультурного развития. Особый акцент сделан на языках малочисленных народов Вьетнама. Исследуются динамика их развития, исчезновение и витальность.

Ключевые слова: языковая политика; языковая ситуация; социокультурное развитие языков; малочисленные народы Вьетнама; исчезновение языков; витальность языков.

Официальный язык Вьетнама является языком международного общения и образования. Он также распространяется в Камбодже, Лаосе, Таиланде, Малайзии, Австралии, Франции, Германии, США, Канаде. Общее количество говорящих превысило 75 млн (по оценкам в 2005 г.) [Поварова, Синченко, 2021, с. 194]. Результаты исследований различных отраслей науки – археологии,

¹ Казак Е.А., Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, 2022.

² Материал подготовлен в рамках государственного задания по теме «Лингвокультурные аспекты цивилизационных противоречий»: <http://inion.ru/ru/science/temy-nir/lingvokulturnye-aspekty-tsivilizatsionnykh-protivorechii>

этнографии, истории, культурологии и др. – показывают, что тысячи лет тому назад Вьетнам был родиной многих этносов, многих различных культур. Вьетнамский язык близок к языку мьонг. В лексике содержится большое количество китайских заимствований из разных исторических периодов. Длительное воздействие пратайских народов привело к созданию общего лексического пласта. В начале XX в. этот пласт был связан с гипотезой о взаимоотношениях между вьетнамцами и тайцами. Существует четыре основные диалектные области: Бакбо (Северный Вьетнам), Северный Чунгбо (Центральный Вьетнам), Южный Чунгбо и Намбо (Южный Вьетнам).

Одним из первостепенных вопросов, на которые необходимо обратить внимание при изучении языковой ситуации, является количество народов и языков, участвующих в ситуации. В этом плане Вьетнам – многонациональное, многоязычное государство. На территории страны совместно проживают 54 народа, среди них народ кинь является самым многочисленным, составляя 85,7% всего населения страны, остальные 53 народа составляют лишь 14,3% населения [Нгуен Хыу Хоань, 2020, с. 244].

Примечательно, что очень многие народы Вьетнама одновременно присутствуют также в других странах; в частности, некоторые из них являются меньшинством во Вьетнаме, но в других странах это титульная нация, например, народы хоа, кхмер и др. Эти особенности следует учитывать при формировании и осуществлении языковой политики.

Нгуен Хыу Хоань полагает, что, исходя из распространенной точки зрения, 54 народам должны соответствовать 54 разных языка. Однако ситуация не столь проста. В настоящее время попытки точно определить количество языков сталкиваются с рядом определенных трудностей. Прежде всего реальность такова, что люди, принадлежащие к одному и тому же народу, но к разным этническим группам, говорят на совершенно разных языках, они совсем не понимают друг друга, например, это арем, малиенг, рук, принадлежащие к народу тьыт. Часто встречаются ситуации, когда определение статуса еще неясно (самостоятельные языки или диалекты одного языка). Именно поэтому точная, убедительная цифра – это дело завтрашнего дня. Однако, согласно мнению Нгуен Хыу Хоань, исходя из исследовательской практики последних лет мож-

но утверждать, что количество языков во Вьетнаме наверняка больше количества народов – т.е. больше, чем 54. В некоторых материалах высказывается предположение, что во Вьетнаме около 90 различных языков. Это говорит о сложной социально-коммуникативной системе во Вьетнаме.

Результаты последних исследований языков малочисленных народов Вьетнама с генетической точки зрения позволяют утверждать, что во Вьетнаме присутствуют почти все крупные языковые семьи Юго-Восточной Азии. Можно сказать, Вьетнам представляет собой уменьшенную картину всей Юго-Восточной Азии. Контакты, взаимодействие языков в пределах одной языковой семьи и между разными языковыми семьями создают исключительно сложные, интересные пути развития в общих рамках языковой ситуации.

Прослеживая историю развития языков, можно увидеть, что вся нынешняя языковая ситуация в стране является результатом двух фундаментальных тенденций, будто бы противоречащих друг другу: тенденции генетического расхождения родственных языков в процессе их исторического развития и тенденции интеграции, консолидации.

Что касается первой тенденции, исследователи отмечают, что очень многие современные языки – это результат их происхождения от одного праязыка. Языки, принадлежащие к ветвям вьетской, бахнарской, кату в северной части Центрального Вьетнама и Тэйнгунене, такие, как арем, малиенг, май, рук и другие, – это результат такого процесса. Что касается второй тенденции, то в результате совместного проживания на одной территории и в силу длительных контактов между народами некоторые языки этих народов сблизались и даже заменили друг друга. Такие случаи, как переход народа кханг на язык тхай, переход народов гэлао, тонг, тхулао на гуаньхоа, являются доказательством этого процесса развития в направлении консолидации [Нгуен Хыу Хоань, 2020, с. 247].

Следует отметить, что в настоящее время процесс развития в этом направлении является основной тенденцией. Отсутствие адекватной языковой политики подразумевает опасность исчезновения малых языков.

Принимая во внимание вышесказанное, партия и правительство Вьетнама последовательно проводят курс языковой политики, направленной на защиту и развитие вьетнамского языка, сохранение и развитие языков малочисленных народов Вьетнама, разрабатывают регулирующие механизмы, сообразующиеся с изменениями языковой ситуации в стране.

Нгуен Ван Кханг к социально-языковым факторам, определяющим языковую ситуацию во Вьетнаме, относит: 1) процесс урбанизации; 2) процесс глобализации; 3) влияние рыночной экономики; 4) развитие информационных технологий; 5) влияние многоязычия, контактирования языков и диалектов; 6) языковую политику.

Однако при рассмотрении конкретного содержания указанных аспектов оказывается, что между этими факторами существует определенная дистрибуция, они пересекаются, дополняют друг друга. Например, урбанизация и рыночная экономика способствуют миграции населения между тремя регионами Вьетнама (север, центр и юг), между районами в пределах одного региона, кроме того, наблюдается миграция населения из сельской местности в город и обратно, что в свою очередь способствует контактам между диалектами вьетнамского языка, а также между вьетнамским языком и языками малочисленных народов. Аналогичным образом глобализация и развитие информационных технологий определяют высокий статус английского языка и способствуют его большому распространению [Нгуен Ван Кханг, 2020, с. 257].

Перечисленные факторы оказывают воздействие на вьетнамский язык и языки малочисленных народов, а также на употребление, преподавание и изучение иностранных языков во Вьетнаме.

Указанные выше факторы, а также ряд других факторов делают вопросы использования языков этнических меньшинств в целом и отдельных этнических меньшинств в частности более подверженными современным тенденциям, а именно, изменение распределения национальных языков во Вьетнаме; сокращение сфер использования языков этнических меньшинств (некоторые языки могут даже окончательно исчезнуть); создание границ между странами или внутри нации. Эти изменения приводят к тому, что язык, как важный фактор в определении этнического состава, может привести к расколу или этническому сепаратизму. Соци-

альные и экономические проблемы, со своей стороны, влияют на то, что этнические меньшинства перестают пользоваться своими этническими языками в устной и письменной речи, и это приводит к появлению разницы в отношении к родному языку, к языкам других этнических групп, а также к вьетнамскому и английскому языкам [Нгуен Ван Хьеп, 2020].

В последние десятилетия вьетнамские лингвисты и зарубежные ученые провели важные исследования языков этнических меньшинств во Вьетнаме. Результаты этих исследований внесли значительный вклад в понимание некоторых языков этнических меньшинств во Вьетнаме и реализовались в публикациях практических работ, таких, как сравнительные лексические словари, сопоставительные словари, грамматические справочники и учебники по изучению этнических языков. В течение последних 20 лет значительно изменился фокус проводимых исследований языков этнических меньшинств. Основное внимание сейчас направлено на изучение особенностей использования языков этнических меньшинств в качестве родного языка и их совместное функционирование с государственным вьетнамским языком.

Во Вьетнаме исследуются политические вопросы и реализация политики в отношении этнических языков. Было проведено несколько заметных исследований, среди которых следующие: «Исследование языков этнических меньшинств во Вьетнаме» (программы 1994–2000 и 2000–2005), что позволило определить этнический состав во Вьетнаме и выявить языки, находящиеся под угрозой исчезновения; «Основы языковой политики во Вьетнаме до 2020 года» (программа 2009–2010), в котором изучалась политика Коммунистической партии и Республики Вьетнам, реализуемая по отношению к языкам этнических меньшинств, используемых в качестве родного языка в сфере образования. Кроме того, в Институте языкознания ВАОН были проведены некоторые исследования на государственном уровне по конкретным языкам, таким, как использование языка тям, ситуация с языком эде в образовании, теле- и радиовещание на языках тайском, хмонг и т.д. [Нгуен Ван Хьеп, 2020, с. 274].

В исследованиях, посвященных реализации политики в отношении этнических языков, уделяется большое внимание факторам витальности языков во Вьетнаме. Эти факторы являются об-

щими для большинства многонациональных стран мира, среди них выделяются как объективные, так и субъективные факторы: демография; культура и язык; социальная психология; государственная политика и т.д.

Демографический фактор. Во Вьетнаме число людей, говорящих на языках малочисленных народов, не так велико (особенно по сравнению с вьетнамским языком). Народов, численность которых превышает 1 млн человек, совсем немного (*тай, тхай, мяонг, кхмеры*). Имеется также не так мало народов, численность которых менее 10 тыс. человек и даже менее 1 тыс. человек (*лаху, лаха, патхен, лы, нгай* и др.) Малочисленные народы Вьетнама обычно расселены смешанно с другими народами, это означает, что число людей, говорящих на конкретном языке в административной единице, невелико и они не проживают компактно. Люди, говорящие на языках малочисленных народов, обычно принадлежат к старшему и среднему поколениям, молодежи среди них гораздо меньше, а детей еще меньше. Многие дети не знают своего этнического языка, перешли на другой язык и владеют им гораздо лучше, чем языком своего этноса.

Лингвокультурологические факторы. В настоящее время более половины малочисленных народов во Вьетнаме имеют письменность. Есть несколько малочисленных народов, для которых разработана не одна, а несколько систем письма. В действительности письменность (письменная форма языка) играет значительную роль в сохранении и развитии языка; используется в сфере образования, при составлении учебных пособий; для формирования литературного языка. Именно письменность способствует более широкому развитию социальных функций языка, является условием для выживания языков.

Социально-психологические факторы. Во Вьетнаме практически отсутствует этническая, а также языковая дискриминация малочисленных народов.

Фактор государственной языковой политики Вьетнама. Данный фактор включает ряд ключевых положений: правовое признание и обеспечение права иметь свой собственный язык (разговорный и письменный) для всех народов Вьетнама и правовое признание и предоставление гарантий равноправия для всех языков, права на сохранение и развитие собственного языка и письменности для всех малочисленных народов. Создание условий для того, чтобы все малочисленные народы

использовали свой язык и свою письменность в разных сферах и областях общественной жизни. Стимулирование малочисленных народов к изучению вьетнамского языка, реальное превращение вьетнамского языка в общее средство общения между народами в средство объединения и укрепления единства народов страны.

Та Куанг Тунг предлагает принять следующие меры для сохранения и развития языков, находящихся под угрозой исчезновения: 1) проведение социо-этнолингвистических обследований и исследований, определение состава и классификация языков, находящихся под угрозой исчезновения; определение направлений языкового планирования и строительства, языковой политики; 2) более полное и глубокое изучение языковой структуры (фонетика, лексика, семантика и грамматика), ситуаций с существующими письменностями и письменными памятниками, социолингвистической ситуации языков, находящихся под угрозой исчезновения; 3) реформирование и создание систем письменности; составление учебных пособий (учебники, грамматики, словари); сбор текстов (традиционных литературных памятников и новых произведений), написанных на языках, находящихся под угрозой исчезновения; 4) преподавание и изучение языков, находящихся под угрозой исчезновения, и использование их в средствах массовой информации; 5) применение информационных технологий для сбора, хранения, создания банка данных, распространения языков, находящихся под угрозой исчезновения; 6) разъяснение носителям языка роли языкового наследия в их традиционной культурной самобытности и необходимости сознательно сохранять и развивать свой родной язык. [Та Куанг Тунг, 2020, с. 288].

Указанные меры помогают обществу в целом и управленцам в частности глубже понять роль национальных языков и принять более эффективные меры для сохранения традиционного культурного многообразия в многонациональном Вьетнаме.

Фактически в последние годы во Вьетнаме указанные меры реализовывались sporadически, не синхронно, не были планомерными, их финансирование было недостаточным, и это является также одной из причин того, что ситуация с языками малочисленных народов Вьетнама в целом, как это уже отмечалось выше, не слишком обнадеживающая.

Список литературы

- Нгуен Ван Кханг.* Принципы языковой политики Вьетнама // Закономерности социокультурного развития языков в полиэтнических странах мира: Россия-Вьетнам. – Москва : ИМЛИ РАН, 2020. – С. 256–273.
- Нгуен Хыу Хоань.* Национальный состав и расселение этнических групп Вьетнама // Закономерности социокультурного развития языков в полиэтнических странах мира: Россия-Вьетнам. – Москва : ИМЛИ РАН, 2020. – С. 244–255.
- Нгуен Ван Хьен.* Динамика развития языков малочисленных народов Вьетнама // Закономерности социокультурного развития языков в полиэтнических странах мира: Россия-Вьетнам. – Москва : ИМЛИ РАН, 2020. – С. 274–278.
- Поварова А.С., Синченко К.С.* История и интересные факты тибето-китайской языковой группы // Языки и культура в эпоху перемен : сб. ст. Междунар. научно-практ. конф. Санкт-Петербургский ун-т технологий управления и экономики. – Санкт-Петербург, 2021. – С. 192–199
- Та Куанг Тунг.* Исчезающие языки Вьетнама: проблемы и пути их решения // Закономерности социокультурного развития языков в полиэтнических странах мира: Россия-Вьетнам. – Москва : ИМЛИ РАН, 2020. – С. 279–289.

Альба Н. Гарсиа Агуеро
МЕКСИКАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ШКОЛЬНЫХ
УЧЕБНИКАХ И ПОВЕСТВОВАНИЯХ

Agüero A.N.G.

**La identidad mexicana en libros escolares y narrativas // La
identidad mexicana en libros escolares y narrativas. – De Gruyter,
2021. – 518 p. – DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110722383-018>
(Реферат)¹**

Ключевые слова: мексиканская идентичность; идеология; идеологема; идеализированная когнитивная модель; критический анализ дискурса; нарратив.

Целями системы общего школьного образования помимо непосредственно обучения детей являются формирование идентичности общества, унификация идеологии, воспроизведение системы и поддержание лояльности населения к правительству. Создание и распространение определенных моделей идентичности, родины и нации в рамках такой институциональной дискурсивной практики, как образование, является не только вопросом политики и идеологии, но и когнитивистики. В Мексике с 1960-х годов школьники бесплатно обеспечиваются необходимыми школьными учебниками и пособиями, тексты которых стали эффективным инструментом для формирования и распространения среди населения определенных моделей поведения. Автор ставит перед собой задачу произвести критический анализ этих текстов с целью выявления и изучения основных стратегий, применяемых для создания и

¹ Материал подготовлен в рамках государственного задания по теме «Лингвокультурные аспекты цивилизационных противоречий»: <http://inion.ru/ru/science/temy-nir/lingvokulturnye-aspekty-tsvilizacionnykh-protivorecii>

распространения среди школьников таких когнитивных моделей, которые соответствовали бы текущей идеологии правительств, находящихся у власти. Междисциплинарный подход, применяемый автором при решении этой задачи, доказывает свою эффективность для изучения такого рода материалов, поскольку позволяет раскрыть способы социального и политического воздействия, регулярно возникающие в анализируемом дискурсе.

Язык, рассматриваемый в рамках междисциплинарного подхода как важнейшая социальная практика, является ключевым способом передачи моделей поведения. Из этого возникает необходимость подробно изучить когнитивные процессы, задействованные в продуцировании и восприятии текстов. Когнитивная лингвистика позволяет проследить, какие основные языковые стратегии проявляются в процессе чтения текстов и какую роль они играют в передаче определенных схем построения общества и насаждения идеологии. Основные принципы когнитивной лингвистики удачно сочетаются с принципами критического анализа дискурса, в рамках которого принято считать, что дискурс создает, формирует и может изменять социальную реальность, которая в свою очередь конструирует и определяет сам дискурс. Кроме того, в рамках и когнитивной лингвистики, и критического анализа дискурса принято считать, что язык предлагает множество различных способов представить некое событие с разных сторон, тем самым формируя разное к нему отношение.

В книге представлен анализ мексиканской идентичности, формируемой учебниками и текстами для чтения, изучаемыми в мексиканских школах. Одной из целей исследования было выявить и изучить основные стратегии создания дискурса, через который транслируется идеализированная когнитивная модель (исп. *el Modelo Cognitivo Idealizado*) национальной мексиканской идентичности на основе бесплатно распространяемых книг для начальной школы в четырех поколениях (рассматривается период с 1960 по 2008 г.). Особое внимание было уделено книгам для первоклассников, так как они направлены на совсем маленьких детей, которые только учатся воспринимать печатный текст. Другой целью работы было определить, в какой степени влияет на детей эта идеализированная когнитивная модель, транслируемая школьными пособиями. Для этого был произведен анализ речи школьников

с целью выявить, какие элементы этой модели они продолжают использовать в своих повествованиях.

Исходя из вышеописанных целей, исследование, описываемое в книге, состояло из двух частей. Первая часть книги посвящена знаково-текстовому анализу корпуса текстов для школьников с целью ответить на следующие вопросы: (1) какими были когнитивные модели мексиканской идентичности, распространяемые в текстах разных десятилетий; (2) какие знаковые и языковые стратегии применялись для создания собирательного образа типичного мексиканца; (3) как и для чего менялись эти модели со временем; (4) какими были идеологемы, вытекающие из этих идеализированных когнитивных моделей.

Вторая часть имеет более эмпирический характер. В ней рассматриваются отрывки нарративов людей, обучавшихся по вышеописанным книгам в начальной школе. Как уже было доказано в многочисленных исследованиях по социальной психологии (работы Московичи, Брунера, Сарбина) и различных направлениях языкознания, такое повествование о прошедших событиях, как нарратив, является наиболее оптимальным материалом для анализа представлений человека о социуме и своем месте в нем. Это связано с тем, что через повествование раскрываются ментальные модели и убеждения, позволяющие понять функционирование социальных отношений.

Нарративы могут выполнять множество функций и служить различным целям. На индивидуальном уровне они позволяют человеку помнить, описывать, обсуждать, оправдывать, оспаривать определенные события и даже обманывать или сбивать с толку собеседников. Таким образом, через рассказываемые истории люди формируют свой опыт и раскрывают часть своей идентичности, классифицируя своих персонажей, позиционируя себя по отношению к ним, своим собеседникам и ситуации повествования. На уровне общества нарративы позволяют сформировать чувство принадлежности к социуму, транслировать идеологии и даже мобилизовать группы людей. В работах Риссмана это называется политической работой (англ. *political work*). Исходя из всего вышесказанного, именно анализ нарративов, по мнению автора работы, позволяет проследить, остается ли дискурс, поощряемый школьной системой, релевантным для рассказчика в будущем или

же он со временем отстраняется от навязанных моделей. Для решения этой задачи автор ставит перед собой следующие вопросы: (1) в какой степени идеализированные когнитивные модели, предлагаемые школьными книгами, отражаются в разговорах с респондентами; (2) какие идеологемы, построенные книгами, появляются в повествованиях; (3) как развивалась концептуализация когнитивной модели мексиканцев у разных поколений опрошенных; (4) какую позицию они занимают относительно официального дискурса, транслирующего эту модель?

В главе I излагаются основные принципы и подходы, применяемые в критическом анализе дискурса. Дается и само определение дискурса – в данной работе под этим термином понимаются речевые (дискурсивные) практики, сформированные групповыми идеями. Кроме того, важно отметить, что дискурс выражается не только посредством языка, но и различными семиотическими и мультимодальными системами. Дискурсы в свою очередь формируют идеологии – системы убеждений и ценностей, которые приобретаются, разделяются, используются и изменяются членами группы. Идеологии состоят из ряда «аксиом», которые считаются естественными и логичными в обществе, однако не являются личными и не исходят из опыта отдельного человека, а распространяются одним или несколькими «авторитетами». Идеологии конкретизируются через отдельные пропозиции, называемые идеологемами. Другим важным понятием в области критического анализа дискурса является понятие идентичности, ему автор уделяет особенное внимание. Так, в главе подробно описывается возникновение и развитие понятия, начиная с работ Декарта XVII в. до трактовок современных философов, социологов и когнитивистов. В данном исследовании автор больше заинтересован в изучении понятия групповой, в частности национальной, идентичности. В связи с этим идентичность рассматривается как явление а) социокогнитивное; б) многомерное; в) взаимодействующее; г) динамическое; д) дискурсивное; е) категоризирующее и сравнительное; ж) идеологическое. Будучи идеологическим, построение идентичности может являться актом проявления власти, поскольку гегемонистские группы могут довольно свободно строить свою собственную идентичность и в то же время навязывать идентичность маргинальным группам или отрицать ее.

Также в главе обзревается наиболее популярные теоретические инструменты для анализа изображений. Книги, анализируемые в работе, направлены на детей в возрасте около шести лет, поэтому они содержат большое количество иллюстраций, дополняющих текстовую информацию. В качестве теоретического основания, совместимого с междисциплинарным подходом автора к исследованию, была выбрана социальная семиотика Гюнтера Кресса и Тео ван Левена, которые считаются пионерами в области мультимодальности.

Глава II полностью посвящена когнитивной лингвистике. Хотя социокогнитивная теория ван Дейка подтверждается аналогичными работами в социальной психологии, в ней отсутствует объяснение того, как именно социальные представления из дискурса формируются и закрепляются в сознании. Автор упоминает другие теории, легшие в основу его исследования, более подробно описывающие различные процессы построения смысла, которые человек имеет в своем распоряжении, чтобы концептуализировать свою реальность.

В главе III разъясняются основные методологические принципы, применяемые в анализе текстов школьных учебников, а также подробно описывается анализируемый корпус, собранный из 16 книг, выпущенных для четырех поколений первоклассников с 1960 по 1997 г. Для изучения школьного дискурса первого поколения (с 1960 по 1971 г.) были выбраны три учебных пособия: «Мой учебник для первого класса», «Моя рабочая тетрадь для первого класса» и книга для учителя для данной серии (*Mi libro de primer año, Mi cuaderno de trabajo de primer año, el Instructivo para el maestro*). В этой серии книг содержится большое количество текстов и изображений национальных героев Мексики, цель их, согласно дополняющим их инструкциям из книги для учителя, сформировать понимание и уважение к мексиканской культуре. Следующее поколение школьников, поступившее в первый класс в 1972 г., получило уже гораздо больше бесплатных пособий, из которых все, кроме учебника математики, были внесены в анализируемый корпус: «Упражнения по испанскому, первый класс», «Книга для вырезаний, первый класс», «Социальные науки, первый класс», «Естественные науки, первый класс» (*Español Ejercicios, Primer Grado; Español Recortable, Primer Grado; Ciencias*

Sociales, Primer Grado; Ciencias Naturales, Primer Grado). Учебник математики единственный из вышеперечисленных не включал элементы, прямо или косвенно описывающие мексиканскую идентичность. Для репрезентации дискурса школьных учебников третьего поколения, обучавшихся в 1980–1993 г., были выбраны «Мой учебник для первого класса» в двух частях и «Моя книга для вырезаний» в двух частях (Mi libro de primero. Parte I; Mi libro de primero. Parte II; Mi libro de primero recortable. Parte I; Mi libro de primero recortable. Parte II.). Переиздание 1989 г. вышло с обновленными иллюстрациями, однако непосредственно содержания книг изменения не коснулись. Последнее анализируемое поколение учебников, изучаемое школьниками с 1994 по 2008 г., вышло в свет в период реформы образования. Их структура и наполнение были пересмотрены, а книги, полученные первоклассниками в 1997 г., полностью отличались от тех, что получили их сверстники годом ранее. Такое глобальное изменение позволяет ярче увидеть, как изменялось понимание мексиканской идентичности с течением времени. Как указывает автор, в ходе дальнейшего исследования, уже на этапе интервью, можно было легче отличить представителей этого поколения от предыдущих. Для анализа, как и раньше, были отобраны учебники для первого класса за исключением пособия по математике: «Интегрированный учебник, первый класс», «Интегрированный учебник, первый класс. Книга для вырезаний», «Испанский, первый класс. Упражнения», «Испанский, первый класс. Книга для вырезаний», «Испанский. Чтение, первый класс» (Libro Integrado. Primer grado; Libro Integrado. Primer grado. Recortable; Español. Primer grado. Actividades; Español. Primer grado. Recortable; Español. Lecturas. Primer grado.).

Главы с четвертой по седьмую посвящены непосредственно анализу учебников для каждого поколения отдельно (1960–1971; 1972–1979; 1980–1993; 1994–2008, соответственно). Необходимым элементом каждой главы становится введение, описывающее исторический и политический контексты данного отрезка времени.

Содержание бесплатно распространяемых учебников во многом было продиктовано социальным, историческим и политическим контекстами. Так, книги для первого поколения создавались в период холодной войны. Перед правительством Лопеса Матеоса стояла задача создать «двойной дискурс», который, с одной

стороны, оправдывал бы революционный режим в стране, а с другой – помогал бы поддерживать добрососедские отношения с США. Политика, проводимая государством в это время, привела Мексику к индустриализации и экономическому росту, однако сфера образования находилась в серьезном упадке. Одновременно с ростом рождаемости, количество неграмотных жителей возросло до 38% населения. На уровне правительства было принято решение о реформе и приоритизации образования. Были открыты новые школы и образовательные центры, курсы по подготовке учителей, принято решение о создании бесплатных учебников, которые были бы доступны всем школьникам вне зависимости от их социального происхождения. Для создания этих учебников была образована Национальная комиссия по бесплатным учебникам (la Comisión Nacional de Libros de Texto Gratuitos, далее CONALITEG). Именно эта комиссия в дальнейшем отвечала за содержание учебных пособий. Был выпущен декрет, где основными целями создаваемых учебников провозглашались гармоничное развитие личности, подготовка детей к практической жизни, воспитание в них сознания солидарности, ориентир на гражданские добродетели и любовь к Родине, «подпитывая полным фактом великие исторические факты, которые заложили основу демократического развития нашей страны» (с. 67). В текстах книг создается идеализированная когнитивная модель мексиканской идентичности. Для этого в пособиях постепенно излагаются когнитивные модели, составляющие ее: **гражданственность, семья, культура, территория, родина, национальная история, фенотип и другой**. Модель гражданственности создается через персонаж учебника Луиса, демонстрирующего лидерские качества и готовность прийти друзьям на помощь. Идеи **гражданственности**, совместной работы и взаимопомощи также транслируются через первое и третье лицо множественного числа глагола: «Я думаю, что если мы все тебе поможем, то каждый из нас сможет немного побыть хозяином этих игрушек» (*здесь и далее перевод наш. – Е. М.*). Также гражданственность транслируется через идеи кооперации, уважения, героизма, самопожертвования: «Ученики не испугались. Они готовились защищать свою Родину. Когда враг прибыл, он был удивлен. Эти дети стоили больше, чем многие солдаты. Они предпочли умереть, чем сдать свой флаг» (*выделено автором*). Интересным кажется способ соз-

дания модели семьи. Так, **папа** предстает дистанцированной, но героической фигурой. В текстах слово «папа» часто стоит в непосредственной близости от слов **«работа»**, **«деньги»**, **«покупать»** и другими, связанными с традиционно маскулинной деятельностью. В то же время **мама** часто ассоциируется с понятиями **«забота»** и **«обслуживание»**: «Мой папа сражается за меня и думает обо мне», «Мама подает мне завтрак». Однако наиболее важным для создания идеализированной модели мексиканской идентичности предстают модели **фенотипов «мы»** и **«другой»**. Создаются модели других: **испанец**, **североамериканец**, **индеец**. **Мы** сравнивается и в каком-то смысле противопоставляется этим трем моделям других. Модель **мексиканец** отделяется от вышеперечисленных моделей других и опирается на другие модели: **родина**, **территория**, **культура**, **национальная история**.

Если учебники первого поколения можно было назвать «книгами Родины», то учебники второго поколения – «книгами игрушек». Период экономического роста подошел к концу, Мексика преодолевала трудности встраивания в общемировую экономику. Правительство того времени взяло курс на демократизацию общества и предпринимало попытки отстраниться от жестокости и репрессивности предыдущего правительства. Это было время сильнейшей экономической зависимости Мексики от США. В то же время правительство пыталось укрепить солидарность и наладить отношения с соседними странами третьего мира: Гватемалой, Никарагуа, Коста Рикой и Гондурасом. Одной из целей этих действий было создание среди граждан мнения о правительстве страны как о радикально-прогрессивном и открытом для всего нового. Для изменения школьных программ CONALITEG пригласил учителей начальной школы со всей страны. Новая программа предполагала, что на первом и втором годах обучения дети должны были ознакомиться с основными социальными явлениями вокруг себя, а уже на третьем и четвертом годах изучались история, география и культура Мексики. Все рисунки в учебниках стали цветными, появились фотографии. Когнитивные модели представлены в этих книгах в порядке значимости: **культура**, **семья**, **гражданственность**, **фенотип**, **другой**, **страна**, **национальная история**. Как мы видим, модели гражданственности и родины уступили место модели культуры, которая выражалась в упоминании и изображении

детских игрушек, еды, предметов быта. Чаше стали встречаться такие слова, как *играть*, *развлекаться*. «Что делает ребенок? Ребенок играет с лошадкой». Появляется также модель **детство**, которая выражается через уменьшительно-ласкательные суффиксы *tamita* (*мамочка*), рисунки, изображающие детей, темы текстов «Niños y niñas» («Мальчики и девочки»). На смену модели кооперации, транслировавшейся через множественное лицо первого числа, приходит концепция **субъективности** и единственное число первого лица глаголов. Модель **семья** часто соседствует с моделями **развлечение, счастье, любовь**. Модель **папа** остается связанной с моделями **деньги, работа**, но также оказывается связана с **развлечением**, в то время как модель **мама** связывается с моделью **образование** и передачей культурной информации: «Как называются эти огоньки», – спросил я. «Они называются звездами», – сказала мама». Модель **гражданственности** не исчезла из учебников, однако стала транслироваться при помощи моделей **дом, чистота, школа, пунктуальность, личная гигиена, уважение**. Мексиканская идентичность отражается через следующие идеологемы: «Мы, мексиканцы, имеем некоторые общие физические характеристики, но есть и различия», «существуют более приемлемые в обществе черты: белая кожа, городская одежда», «особенности сельских жителей далеки от идеала». Концепции **мы** и **другие** описываются через следующие идеологемы: «Испанский язык – наш язык», «другие отличаются от нас, потому что говорят на другом языке», «существуют другие, которые отличаются от нас физически», «существуют языки и культуры более важные, чем остальные».

У третьего поколения школьников появились «интегрированные книги». В истории Мексики этот период (1980-е годы) ознаменовался крупнейшим экономическим кризисом, финансовым коллапсом и 100–140% инфляцией. Этот кризис отразился и на системе образования: в этом десятилетии лишь половина детей окончила начальную школу. Школы закрывались, так как учителя были вынуждены искать другую работу после сокращения зарплат на 50%. В это же время было принято решение «пересобрать» школьные учебники, не сильно затрагивая их содержание. Это было сделано исходя из идеи о том, что дети воспринимают информацию крупными связанными блоками, так, как встречаются с ней

в реальности. Поэтому пособия по испанскому языку, естественным и социальным наукам, математике и другим предметам были объединены в единые «интегрированные книги». Когнитивные модели, представляющие идеализированную когнитивную модель мексиканской идентичности в этих книгах, следуют в таком порядке: **фенотип, культура, семья, гражданственность, другой, страна, национальная история**. Стоит отметить, что учебник для первого класса начинается с темы «Я ребенок», где на первой странице под заголовком «Дети» представлены фотографии детей преимущественно со смуглой кожей, темными глазами и волосами, в городской одежде. Однако далее в главе появляются изображения и более светлокожих детей. Модель **культуры** в этом поколении представлена также обширно через модели **традиционные праздники, мексиканская еда, музыка, образование и язык**. Также модель **культуры** показывается через понятия **радость, развлечение, сообщество**. Модель **семьи** также претерпевает небольшие, но крайне важные изменения. **Папа** теперь наравне с мамой изображается в процессе заботы о ребенке, а одна из идеологов гласит: «папа меня обучает и, как и мама, несет ответственность за мое физическое состояние, но в меньшем объеме». Модель **гражданственности** выражается еще слабее и сводится к моделям **чистота, личная гигиена, помощь родителям**. Еще меньше внимания уделяется модели **индеец**: если в учебниках предыдущих поколений коренное население Мексики упоминалось в текстах, подписях к фото, а люди в традиционных костюмах часто изображались на фотографиях и рисунках, то теперь их репрезентация ограничивается несколькими фотографиями без существенных комментариев к ним.

Последнее поколение учебников, анализируемых в исследовании, можно по праву назвать учебниками нового тысячелетия. В буквальном смысле, потому что эти учебники использовались в 1993–2008 гг., в переносном – так как они разительно отличаются от своих предшественников в идеологическом плане и создают собственную модель мексиканской идентичности. В истории Мексики это был период нелиберальных изменений в политике, цифровой революции и новой реформы системы образования. Школьное образование стало обязательным для всех слоев населения, а учебники снова были разделены по предметам и переписаны.

CONALITEG больше не отвечал за создание школьных учебников, ответственность за учебные пособия перешла к частным издательствам. Приоритетными стали считаться чтение, письмо и говорение, математике уделялась четверть расписания с первого по шестой класс. Основной темой естественно-научных дисциплин стала защита окружающей среды, в программе было отведено место физической культуре и изобразительному искусству. Общее количество учебных часов было увеличено с 650 до 800. В книги для чтения для начальной школы впервые включили произведения других стран, такие, как «Бременские музыканты», «Кот в сапогах», «Робинзон Крузо», хоть и без упоминания страны происхождения. В учебниках для первого класса представлены следующие когнитивные модели: **фенотип, гражданственность, семья, история, другой, страна, культура**. Наибольшие изменения коснулись модели **фенотип**: если раньше учебники предлагали фотографии и более-менее реалистичные рисунки, изображающие человека вообще и представителей разных национальностей в частности, то в учебниках нового поколения появилось много карикатурных изображений людей. Таким образом, на уровне визуального оформления учебники практически не предлагали детям никакого типичного фенотипа мексиканца. Такие нарисованные «человечки» могли бы представлять жителя любой страны мира. Модель **гражданственности** все также преподносится через универсальные истины о **здоровье и личной гигиене**. Тут же часто применяется модальный глагол *deber* (*должен*), особенно в форме первого лица множественного числа, включающий таким образом читателя в действия, которые необходимо совершить: «Мы должны заботиться о растениях и животных», «мы все живые существа и живем на одной планете». Также впервые упоминается, хотя и не напрямую, понятие **толерантности**: «Разнообразие обогащает нас. Люди разные. У нас разные обычаи, рост и цвет кожи. Мы действуем, чувствуем и думаем по-разному. Когда есть разные мнения, разговоры обогащаются, открываются новые идеи и находятся лучшие решения для всех». Чаще всего прослеживается модель **семья**, которая теперь тесно сопряжена с моделью **ответственность**. Впервые эти две модели встречаются на страницах с Правилами дорожного движения, где фигура побольше, очевидно, представляющая модель **отца**, переводит через дорогу ребенка. Модель **отца** оказыва-

ется связана с понятиями **защита**, **обучение**, модель **матери** – с **рождением** и **заботой о детях**. При этом и модель **отца**, и модель **матери** примерно одинаково связаны с моделями **болезнь**, **школа**, **питание** в текстах учебников, хотя на рисунках чаще изображается именно мама, ухаживающая за ребенком. Особое внимание в учебниках уделяется отдельно истории и культуре Мексики. Им посвящены отдельные разделы с текстами и иллюстрациями.

В главе VIII предлагается широкий обзор теоретических подходов и моделей, которые внесли решающий вклад в изучение нарративов как в теоретическую дисциплину с собственными методологиями в области социальных наук. Автор исходит из подходов, которые касались анализа повествования как типа текста, начиная с нарратологии, *story grammar*, социокогнитивной теории ментальных моделей и до появления «естественной нарратологии». Также описывается нарративный поворот, который в социальных науках привел к распространению теорий и исследований в области анализа повествований в различных областях. Автор также отмечает идеи некоторых других исследователей в данной области, которые не просто рассматривали нарратив в закрытом виде, но и проявляли большой интерес к историям, выходящим за рамки канонического повествования. Также они ссылаются на основные идеи социоинтеракционного подхода Де Фина и Георгакопулоу, рассматривающие как микроуровень, так и макроуровень повествования как дискурсивную практику, взаимосвязанную с другими социальными практиками, что имеет большое значение для этого исследования.

Так как нарративы, анализируемые в исследовании, были взяты из интервью, внимание автора уделяется также и непосредственно самому интервью как инструменту для отбора повествований и критическим замечаниям и возможным ограничениям для применения данного инструмента. Несмотря на то что существующая критика в адрес интервью закрепила его восприятие в сознании многих исследователей как искусственный контекст для сбора данных, автор цитирует работы Мишлера, Де Фина, Ковена и некоторых других, которые заявляют интервью как ситуацию реального общения, разработанную и определяемую контекстом. Повествования являются действенным способом изучения личности.

В главе IX представлены тексты 20 интервью (по пять интервью с представителями каждого из четырех поколений), описывается их структура и объясняется, каким образом автор подбирал вопросы для респондентов. Хотя порядок задаваемых вопросов мог отличаться, все беседы затрагивали пять основных тем: (1) краткое пояснение целей интервью; (2) общие вопросы для установления контакта (например: «Помните ли вы свою начальную школу?»); (3) обзор учебника; (4) тексты про почитание флага; (5) тексты про празднование Дня независимости Мексики; (6) мексиканские легенды; (7) история Мексики; (8) дополнительные вопросы; (9) образ Родины.

Главы с X-й по XIII-ю посвящены непосредственно анализу повествований из текстов расшифровок интервью с целью выявить, каким образом респонденты относятся к официальному дискурсу, который был одобряем во времена их обучения в школе. Результаты, полученные в ходе проведенного анализа, описываются в главе XIV.

В целом каждое поколение школьных учебников отражает цели, поставленные в планах и программах, вытекающих из образовательных реформ, а также идеологию правительства, в котором они были разработаны. Книги 1960–1971 гг. создавались с целью укрепления национальной идентичности, поощрения любви к Родине и гражданских ценностей, способствующих солидарности в обществе. Идеализированная когнитивная модель мексиканской идентичности того времени строится в основном на когнитивных моделях **семья, гражданственность и родина**. В этих книгах устанавливается прототипический и идеализированный фенотип человека и определяются две фигуры, представляющие модель другого: испанец-конкистадор XVI в. и индейцы, коренные народы Мексики, составляющие модель инаковости и наделенные отрицательными характеристиками. Опрошенные респонденты, обучавшиеся по этим пособиям, продолжают настаивать на одинаковом весе этих моделей и характеризуют инаковость теми же терминами, что и их школьные учебники.

В книгах второго поколения фокус сместился на когнитивную модель культуры. В своих повествованиях респонденты практически не касались темы гражданских ценностей, однако вопреки когнитивным моделям, продвигаемым в их школьных учебниках,

много говорили о Родине и значимости для них церемонии чествования флага.

В книгах третьего поколения снова явно присутствует тема любви к Родине. Это подтверждается и нарративами опрошенных, которые рассказывали о важности для них гражданских церемоний. Снова появляется модель другого, однако этот образ дезинтегрирован в книгах, и респонденты не могут его описать.

Когнитивные модели книг четвертого поколения создают совершенно новую идеализированную модель мексиканской идентичности. В нарративах опрошенных повторяются идеи о разнообразии, глобализации и уважении к национальной культуре, которые широко представлены в учебниках для начальной школы.

Таким образом, можно сделать вывод, что бесплатные учебники оказали существенное влияние на создание идеализированной когнитивной модели мексиканской идентичности среди населения страны. Стоит отметить, однако, что эти книги являлись не единственным инструментом идеологии, хотя их влияние на сознание граждан оказалось действительно велико.

*Е.В. Майорова,
Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)*

ПРИКЛАДНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ПЕРЕВОД, ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

УДК: 81'33

DOI: 10.31249/ling/2022.04.04

Потапов В.В., Матвеева А.Е.¹

РАЗВИТИЕ КОРПУСНОЙ ЛИНГВИСТИКИ КАК НАУКИ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ОБЩУЮ ТЕОРИЮ ЯЗЫКА. (Обзор)

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Московский государственный лингвистический университет*

Аннотация. В обзорной статье представлен материал по вопросу становления и развития корпусной лингвистики как активно развивающейся фундаментальной и прикладной области знания. Одним из главных ее объектов является сам языковой корпус, так как именно в нем содержится потенциал решения конкретных лингвистических задач. Более того, именно при помощи корпуса научное сообщество может получить достоверную информацию об актуальных языковых изменениях и использовании того или иного варианта слова / словосочетания, определить наиболее точно соответствующую терминологию и т.д. Значительное внимание уделено трем подходам в исследовании языкового массива данных, в соответствии с которыми корпусная лингвистика пытается вобрать в себя всю металингвистическую информацию. Речь идет о периферийных языковых феноменах, количественных данных и роли интроспекции. Современная корпусная лингвистика не стоит на месте, научное сообщество определяет

¹ © Потапов В.В., Матвеева А.Е., 2022.

новые приоритеты: именно поэтому стоит уделять особое внимание новым достижениям, новым подходам и методам.

Ключевые слова: корпусная лингвистика; языковой корпус; корпусный анализ; критерии; лингвистическое исследование.

В современном мире корпусная лингвистика является быстро развивающимся направлением, так как на основе корпусов можно получить разнообразные данные, начиная от частотности словоформ и заканчивая определением уровня владения языком с опорой на синтаксические параметры. С возникновением корпусных методов появились терминологические базы данных, что помогает переводчикам решить многие профессиональные задачи, например, в статье В.В. Потапова представлен материал о процессе работы с параллельными корпусами с применением новых интегрированных подходов [Потапов, 2022]. В становление корпусной лингвистики большой вклад внесли такие лингвисты, как С. Аткинс [Atkins, Clear, Ostler, 1993], Е.Е. Голубкова [Голубкова, 2019], Ч. Майер [Meyer, 2004], В.В. Мамонтова [Мамонтова, 2007], В.А. Плунгян [Плунгян, 2008], Р.К. Потапова [Потапова, Потапов, 2018; Потапова, Потапов, Джунковский, 2019; Potapova, Potapov, 2019], Дж. Синклер [Sinclare, 1991] и др.

В статье К.П. Чилингаряна представлено становление корпусной лингвистики в диахронии, выходя за рамки теоретического знания о языке, так как именно прикладной аспект стал основным в XX и XXI вв. [Чилингарян, 2021]. С быстрым развитием информационных технологий появилась потребность в оптимизации языкового материала, в связи с этим корпусная лингвистика, хоть и прошла сравнительно небольшой путь, однако стала одним из главных источников изучения языка, а непосредственно сам корпус – фундаментом современной науки о языке. Автор, опираясь на различные источники, определяет корпус как совокупность данных. Несмотря на тот факт, что именно американская структурная лингвистика заложила основы в данном направлении, сам термин появился лишь только в 1980-е годы. Концепция корпуса в первой половине XX в. имела определенные признаки: (а) образцы устных или письменных данных; (б) изучение только тех живых языков, которые ранее не имели письменной документации; (в) значимость фиксации устных образцов; (г) концентрация вни-

мания на фонетическом и (морфо)фонологическом уровнях; д) невозможность оперировать большим количеством данных.

В 1960–1970-е годы данная концепция подверглась определенной критике. С появлением новых компьютерных технологий на первое место вышел аспект репрезентативности корпуса. Полностью же добиться репрезентативности, по мнению Е.А. Красиной и Н.В. Перфильевой, практически невозможно в силу сложности образов и структуры ассоциативных рядов [Красина, Перфильева, 2018].

К.П. Чилингарян подчеркивает значимость первых корпусов, которые появились в 1960-е годы, построенных на базе английского языка (SEU, Brown Corpus, LOB и Norwegian Computing Centre for the Humanities). Эти исследования и корпуса дали толчок для создания более детальных информационных баз, но уже для классификации не только письменных образцов, но и устных, которые не были транскрибированы ранее. Так, появился новый проект «Survey of Spoken English», а позже и новый корпус LLC (London-Lund Corpus of Spoken English). В специальной научной литературе термин «корпусная лингвистика» закрепился после работы [Corpus Linguistics, 1984].

В 1990-е годы на становление корпусной лингвистики как самостоятельной дисциплины повлиял ряд работ западных лингвистов, особенно Дж. Лич [Leech, 1992]. Российские лингвисты также поддерживают значимость корпуса в лингвистике, например, В.А. Плунгян подчеркивает необходимость корпуса, поскольку в этом случае процесс освоения языковых компетенций происходит быстрее [Плунгян, 2008]. К этому же временному периоду формируется и научный понятийный аппарат.

Становлению корпусной лингвистики способствовал ряд факторов [Чилингарян, 2021, с. 204–205]: (а) необходимость сбора и изучения данных языковых средств в речевой деятельности как носителями языка, так и не являющимися таковыми; (б) неоднозначность понятия и его применения; (в) с развитием сети Интернет появились электронные корпуса; (г) технологии информатизации текста; (д) количественные данные в определенных аспектах; (е) необходимость создания новых глоссариев, тезаурусов, словарей, позволяющих работать с различными видами текста.

Обобщив различные определения, автор статьи выделяет основополагающие критерии для корпуса, а именно: текст должен быть в электронном виде; размер корпуса должен достигать 100 млн слов, однако для специальных целей возможно и меньше; корпус несет открытый характер; аутентичность данных; основной критерий отбора текстов (лингвистическая и / или экстралингвистическая задача); репрезентативность; прерогатива не только исследовательских центров, но и коммерческой направленности; мультилингвальность; необходимость разметки для анализа; возможность классификации полученных данных. В статье предлагается также подборка наиболее актуальных и известных корпусов на сегодняшний день, в числе которых можно обнаружить: The Bank of English, British National Corpus, Corpus de Referencia del Espanol Contemporaneo, Corpus Diacronico del Espanol.

Важнейшим аспектом в формировании понятийного аппарата корпусной лингвистики является вопрос о типологизации корпусов. Можно выделить следующие типы корпусов: *письменные, устные и смешанные*, где предпочтение отдается первым. Однако это не единственный критерий для классификации, также важным фактором является количество используемых языков: *одноязычные, двуязычные, многоязычные*. И последним критерием является разметка: корпус может как быть *размеченным*, так и *не быть таковым*.

Автор приходит к выводу, что корпус – это динамическая развивающаяся система, помогающая описывать и анализировать языковой материал, несмотря на то что невозможно собрать все образцы использования того или иного языка полностью. В настоящее время это уникальный в своем роде ресурс для лингвистического исследования, который имеет явные преимущества перед другими методами. Корпусная лингвистика доказала и докажет еще не раз свою перспективность для лингвистической теории и практики.

Статья М.В. Копотева посвящена подходам к изучению языка на основе корпуса и первым итогам влияния корпусной лингвистики на общую теорию языка [Копотев, 2021]. На современном этапе развития знаний о языке на первый план выходят *корпусная и экспериментальная лингвистика*, где первая, несмотря на свой «возраст», смогла расширить границы изучения лингвис-

тики, предложила новые методы анализа и, как следствие, внесла свой вклад в общую теорию языка.

В работе термин *корпусная лингвистика* представлен как раздел языкознания, использующий корпусы и методы корпусного анализа для проведения исследования, а термин *корпус* (набор текстов) как ее главный объект. Автор акцентирует внимание на том, что на практике создание корпуса, соответствующего всем параметрам, задача весьма сложная. Однако, невзирая на определенные трудности, современные лингвисты располагают рядом простых инструментов для создания собственных корпусов.

Предлагается новый взгляд на подходы к корпусным исследованиям [Копотев, 2021, с. 92]. Три типа исследований автор иллюстрирует примерами.

1. Анализ, использующий корпус, практически ничем не отличается от классического сбора данных (примеров), так как не предполагается глубокий количественный анализ (это продолжение традиции лингвистики прошлого столетия). Новым в этом отношении является редко привлекающие внимание ученых конструкции, имеющие оттенок «маргинальности», как выражается сам автор статьи, и «нечастотности», хотя многие лингвисты относят подобные выражения (например, «дурак дураком») к фразеологическим оборотам и, следовательно, считают их лексическими единицами. Анализ собранных примеров (в 3088 примерах обнаружено 1596 уникальных существительных – *синтаксические фраземы*) выявил семейство конструкций, которые находятся в деривативных отношениях. На основе проведенного исследования постулируется, что работа с языковым корпусом позволяет сократить временные затраты и получать валидные научные результаты.

2. Анализ, основанный на корпусе, характеризуется как количественный подход. По мнению автора, количественные методы использовались задолго до корпусной лингвистики, однако сейчас эти данные и статический анализ являются *обязательными* инструментами современной лингвистики.

В работе анализируется уровень владения иностранным языком (на примере русского) при определенной сложности *синтаксиса текста* (см., например: [Синтаксис текста, 1979]) на основе корпуса из 46 807 слов (2915 предложений), для обработки которого были выбраны определенные параметры: средняя длина

предложения, максимальная и минимальная глубина вложения групп, виды предложений, обороты, типы придаточных предложений, клаузы и составные союзы. Первоначально была составлена матрица корреляций, затем при помощи теста ANOVA было выявлено шесть параметров, которые могут хорошо показывать уровень владения языком, еще три параметра, отображающих данный уровень слабо, и еще три, которые нельзя считать надежными. Автор статьи обращает внимание на тот факт, что этот подход позволяет создавать даже узкоспециализированные наборы данных и применять инструменты статистического анализа для более доказуемой гипотезы и более тонких закономерностей.

3. Анализ, направляемый корпусом, состоит в минимальном или полном исключении заданных теоретических положений, где задача ученого заключается в создании алгоритма обработки данных, а результатом его будет анализ явлений. По мнению автора, исследователь должен будет только интерпретировать полученные данные и корректировать теорию при необходимости. Примером такого подхода является направление «дистрибутивная семантика» (примеры моделей: word2 vec, BERT). Очевидность результата такого подхода заключается в степени семантической близости лексем, которые можно численно измерить.

В своем проекте CoCoCo М.В. Копотев использует надкорпусный подход, который позволяет выявить ряды устойчивых выражений с предлогами или без предлогов, управляемыми существительными [Копотев, 2021, С. 97]. В статье автор приводит первые 50 отсортированных примеров, по ним уже можно выявить некоторые закономерности (падежи, лексико-семантические группы). Делается вывод, что фразеологические конструкции не изолированы, а опираются на свободные конструкции как в диахронии, так и в синхронии. В дихотомии «язык – речь» роль речевых связей в современной лингвистике возрастает. В этом случае важным и необходимым становится описание всех параметров языковых единиц, которые находятся во взаимосвязи. В этой ситуации востребованными становятся новые подходы, предлагаемые корпусной лингвистикой.

В заключение следует подчеркнуть, что анализ представленных работ вызван необходимостью создания, изучения и интерпретации значительных языковых массивов. Среди методов кор-

пусной лингвистики можно выделить: *теоретико-лингвистические, статистические и методы информационных технологий*. Современная корпусная лингвистика активно продолжает поиск новых методов и подходов в исследовании различного рода языковых явлений. Следует подчеркнуть, что в настоящее время внимание лингвистов направлено на анализ особенностей терминологических баз данных применительно к узкоспециализированным направлениям, например, для выявления сходств и различий, обусловленных смысловой интерпретацией параллельных языковых примеров в какой-либо области знаний и разработки автоматизированных систем перевода с ориентацией на полученные факты.

Список литературы

- Голубкова Е.Е.* Использование лингвистических корпусов при решении семантических проблем // Методы когнитивного анализа семантики слова: компьютерно-корпусный подход / под ред. В.И. Заботкиной. – Москва : Издательский Дом ЯСК, 2019. – С. 39–80.
- Коптев М.В.* О некоторых следствиях корпусной лингвистики для общей теории языка // Филологический класс. – 2021. – Т. 26, № 2. – С. 90–102.
- Красина Е.А., Перфильева Н.В.* Семантические параметры количественных единиц в разнотипных языках // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2018. – № 1 (54). – С. 126–136.
- Мамонтова В.В.* Корпусная лингвистика и лингвистические корпусы // Язык. Текст. Дискурс : научный альманах Ставропольского отделения РАЛК. – Ставрополь : Изд-во ПГЛУ, 2007. – Вып. 5. – С. 259–266.
- Плунгян В.А.* Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики // Русский язык в научном освещении. – 2008. – № 16 (2). – С. 7–20.
- Потапов В.В.* Лингвокогнитивный подход к созданию автоматизированной системы перевода на основе специализированных параллельных терминологических баз данных. (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. Реферативный журнал. – 2022. – № 2. – С. 37–43.
- Потапова Р.К., Потапов В.В.* Речевые базы данных как часть мультимодальных корпусов в Интернете // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия Гуманитарные науки. – 2018. – Вып. 6, № 797. – С. 99–116.
- Потапова Р.К., Потапов В.В., Джунковский А.В.* К опыту глубинного аннотирования поликодовых Интернет Big Data (применительно к Digital Humanities) // Мягкие измерения и вычисления. – 2019. – Т. 22, № 9. – С. 40–43.
- Синтаксис текста / отв. ред. Г.А. Золотова. – Москва : Наука, 1979. – 368 с.

**Развитие корпусной лингвистики как науки
и ее влияние на общую теорию языка**

- Чилингарян К.П.* Корпусная лингвистика: теория vs методология // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2021. – Т. 12, № 1. – С. 196–218.
- Atkins S., Clear J., Ostler N.* Corpus design criteria // *Literary and Linguistic Computing*. – 1993. – Vol. 8, № 4. – P. 1–16.
- Corpus linguistics: recent developments in the use of computer corpora in English language research / J. Aarts, W. Meij (eds.). – Amsterdam : Rodopi, 1984. – 229 p.
- Leech G.* Corpora and theories of linguistic performance // *Directions in Corpus linguistics. Proceedings of Nobel Symposium 82 (Stockholm, 4–8 August, 1991)* / J. Svartvik (ed.). – Berlin ; New York : Mouton de Gruyter, 1992. – P. 105–122.
- Meyer Ch.F.* *English Corpus Linguistics: an introduction*. – New York : Cambridge University Press, 2004. – 164 p.
- Potapova R., Potapov V.* Some elaboration methods for written and spoken multilingual databases // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – 2019. – № 3. – С. 71–91.
- Sinclare J.* *Corpus, concordance, collocation*. – Oxford : Oxford University Press, 1991. – 191 p.

Раренко М.Б.¹

**ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ И ПРОБЛЕМА ИХ ПЕРЕДАЧИ
В ПЕРЕВОДЕ
(Обзор)²**

*Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)*

Аннотация. В обзоре рассматривается имя собственное как объект лингвистического изучения. Приводятся классификации имен собственных по значению. Анализируются стратегии перевода имен собственных, в том числе в составе фразеологических единиц. Подчеркивается сложность перевода имен собственных с одного языка на другой в силу их глубокой погруженности в национальную культуру.

Ключевые слова: имя собственное; ономастическая единица; оним; классификации онимов; перевод имен собственных.

Обзор научной литературы показал, что перевод имен собственных – одно из актуальных направлений лингвистических исследований на современном этапе. С расширением контактов и продолжающейся интенсивной глобализацией передача имен собственных приобрела новое звучание.

¹ Раренко М.Б., Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, 2022.

² Материал подготовлен в рамках государственного задания по теме «Лингвокультурные аспекты цивилизационных противоречий»: <http://inion.ru/ru/science/temy-nir/lingvokulturnye-aspekty-tsivilizatsionnykh-protivorechii>

Имя собственное (синонимичные термины: «оним», от др.-греч. ὄνομα, ὄνυμα – имя, название; ономастические единицы, проприальная лексика) – это слово, основное назначение которого – «называть определенные объекты внутри известных классов вещей» [Теория и методика ..., 2007, с. 37]. К трем главным способам образования онимов относятся: 1) онимизация апеллятива (например, фамилия Червяков образована посредством прибавления суффикса -ов к апеллятиву червяк; фамилия Константина Ивановича Кочевского образована от прилагательного кочевой); 2) заимствование имени собственного из другого языка (антропоним Жозефина Иосифовна Милан); 3) трансонимизация (переход онима из одного разряда в другой) (переход фамилии Чехов (эпонима) в топоним Чехов – название города, расположенного в Московской области недалеко от усадьбы Мелихово, где жил и работал великий русский писатель) (более подробно см.: [Спачиль, 2021, с. 7]).

Имена собственные представляют собой многочисленный и разнообразный пласт лексики, в связи с чем в теоретической ономастике существует множество самых различных классификаций онимов. Наиболее употребительными в настоящее время являются предметно-номинативная и функционально-семантическая, а также классификация, в основе которой лежит деление онимов на естественно возникшие и искусственно созданные [Суперанская, 1969, с. 22].

Предметно-номинативная классификация основана на экстралингвистическом разделении онимов на разряды, группы и подгруппы в зависимости от того, какой объект они обозначают, например антропоним – любое собственное имя, которое может иметь человек; агоним – любое имя собственное, связанное со святостью, святынями; агеоантропоним – имя собственное, предназначенное для номинации святого (личности, особо чтимой в той или иной религии); артионим – название произведения искусства; астроним – собственное имя отдельного небесного тела, в том числе звезды, планеты; библионим – название, заглавие любого письменного произведения; геортоним – наименование праздника; ктематоним – наименование предмета материальной или духовной культуры; теоним – собственное имя божества в любом пантеоне; топоним – собственное имя любого географического объекта; урбаноним – вид топонима, собственное имя любого

внутригородского топографического объекта; хрононим – собственное имя отрезка времени; эргоним – собственное имя делового объединения людей, в том числе союза, организации, учреждения, корпорации, предприятия, общества, заведения, кружка (более подробно см.: [Спачиль, 2021, с. 10]).

Отмечается, что особую группу собственных имен составляют прецедентные собственные имена, которые «представляют собой особую разновидность монореферентных онимов, при употреблении которых в коммуникативном процессе осуществляется апелляция в первую очередь не к денотату (обозначаемому объекту), а к набору его экстралингвистических признаков, на основе которых формируется понятие о нем» [Спачиль, 2021, с. 14]. В свете вопроса о переводе имен собственных особый интерес представляет, на наш взгляд, деление онимов на естественно возникшие и искусственно созданные (автор классификации А.В. Суперанская, см.: [Суперанская, 1969, с. 22]). Естественно возникшие онимы сложились в социуме историческим путем, от древних прозвищ (апеллятивных имен), например: Максим – от лат. *maximus* – «величайший»; Евгений – от греч. *eugenēs* – «благородный»; Ольга – от сканд. *Hélga* – «святая»; Федот – от греч. *theodotos* – «данный богами». Искусственно созданные онимы в свою очередь делятся на две группы: «имена употребляющиеся в реальной действительности, наряду с естественными, сложившимися именами» и «имена книжные» [Суперанская, 1969, с. 22]. В качестве примера искусственных онимов, употребляющихся в реальной действительности, можно назвать так называемые личные имена советского происхождения, пик популярности которых пришелся на период с 1917 по 1940 г. Среди них, в частности, встречались неологизмы-акронимы (Идлен – Идеи Ленина; Динэра – Дитя новой эры), иноязычные личные имена (Эрнст – в честь лидера немецких коммунистов Эрнста Тельмана; Роза – в честь Розы Люксембург) и онемизированные апеллятивы. В особую группу входят имена книжные – это «имена и фамилии героев литературных произведений, названия мест действия» [Суперанская, 1969, с. 22] (более подробно см.: [Спачиль, 2021]).

А.В. Суперанская называет три отличительных признака, позволяющих разграничить имя собственное (ИС) и имя нарицательное: «Основные отличительные признаки собственного имени за-

ключаются в том, что: 1) оно дается индивидуальному объекту, а не классу объектов, имеющих черту, характерную для всех индивидов, входящих в этот класс; 2) именуемый с помощью ИС объект всегда четко определен, отграничен, очерчен; и 3) имя не связано непосредственно с понятием и не имеет на уровне языка четкой и однозначной коннотации» [Суперанская, 1973, с. 324].

Имя собственное можно рассматривать как национальный и социальный знак. «В речи эта граница определяется при помощи экстралингвистических знаний, которые являются необходимыми для правильного употребления и понимания имен. В состав экстралингвистического аспекта значения имени входят и особые условия существования имени в обществе, и культурно-исторические ассоциации, и степень известности объекта и его имени. Национальное поле имени способствует более точному восприятию имен, более четкой их соотнесенности с определенной языковой подсистемой» [Спачиль, 2021, с. 12]. Учеными замечено, что «национально-культурная специфика активно проявляется в словах с ярко выраженной коннотацией, понятиях, относящихся к безэквивалентной лексике, к которым можно отнести ИС. Проблема национально-культурного компонента значения слова, олицетворяющего взаимозависимость языка и культуры, широко обсуждается в последние годы (см. работы Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова, В.В. Дубичинского, В.Н. Телия, А.Д. Шмелева и др.)» [Спачиль, 2021, с. 12].

Имена собственные в художественных произведениях сегодня все чаще привлекают внимание специалистов-филологов, поскольку выполняют особую характеристическую, индивидуализирующую и типизирующую, – социально-психологическую, философско-идеологическую, эстетическую, стилистическую и иные функции, связанные с конкретным авторским заданием. На рубеже XX–XXI вв. утвердилось понимание, что к имени собственному, попадающему в художественный текст, необходим особый подход, ведь здесь оно обретает качественно новые характеристики и начинает играть новую роль. Тем самым формируется новый статус онима, перерастающего в обобщенно-художественный знак, получающего символизирующую значимость. Прагматический потенциал имени связан с его возможностью выступать знаком авторского отношения к персонажу и отношений

персонажей между собой, способностью создавать определенную атмосферу.

Академик В.В. Виноградов в работе «Задачи стилистики» писал: «Вопрос о подборе имен, фамилий и прозвищ в художественной литературе, о структурных их своеобразиях в разных жанрах и стилях, об их образных и характеристических функциях – не может быть проиллюстрирован немногими примерами. Это очень большая и сложная тема стилистики художественной литературы» [Виноградов, 1963, с. 37–38]. В литературном произведении ИС играют ведущую роль в создании «семантической композиции» художественного текста наряду с другими средствами стиля [Фонякова, 1980, с. 112]. Основной функцией личных имен собственных становится стилистическая (в отличие от дифференциальной, являющейся доминирующей для имен собственных в речи) (более подробно см.: [Спачиль, 2021]).

Имя собственное может рассматриваться как показатель внешних и внутренних параметров человека [Спачиль, 2021]. Представления о внешности человека во взаимосвязи с его внутренним миром – ядро каждой национальной культуры. Они формируются исторически из многих источников – преданий, легенд, былин, народных песен, сказок, произведений искусства, художественной литературы – и фиксируются в языке, его лексике и фразеологии, в значениях слов и фразеологических единиц. Оценки внешности предстают как комплекс ассоциативных связей, соотносимых с выражением и внешним проявлением психоэмоционального склада личности. Прозвища обладают особыми экспрессивно-выразительными функциями. Основной мотивировкой при образовании оценочно-характеристических прозвищ являются физические и моральные свойства и возможности человека. В рассказе А.И. Куприна «Штабс-капитан Рыбников» человека с черной трагической бородой и изжеванным лицом называли «Патологический случай». У Дж. Голсуорси Франтик Черрел заслужил свое прозвище именно за «привычки заправского денди»: He who had been 'Cuffs' Cherrell (for so the name Charwell is pronounced) to his cronies at Harrow and Cambridge in the 'sixties, the Reverend Cuthbert Cherrell in his two London parishes, Canon Cherrell in the days of his efflorescence as a preacher, and Cuthbert Porthminster for the last eighteen years, had never married (John Galsworthy, End of the Chap-

ter). Ч. Диккенс в романе «Большие надежды» называет Бентли Драмла Пауком из-за его «прыщавости, нескладности, надутости». “Who's the Spider?” “The spider?” said I. “The blotchy, sprawly, sulky fellow.” “That's Bentley Drummle,” I replied (Ch. Dickens, *Great Expectations*). – Кто этот Паук? – Паук? – переспросил я. – Такой прыщавый, нескладный, надутый. – Это Бентли Драмл, – отвечал я. В чеховской «Драме на охоте» при помощи изменения форм имени главной героини показано изменение ее характера, ее внутреннего мира: Оленька становится Олей, а затем и Ольгой [Спачиль, 2021].

Имя собственное может указывать на происхождение. Так, социальная дифференциация личных имен наблюдается в английском обществе. Существует группа имен, пользующихся популярностью у всех классов и сословий. Это имена John, Michael, Peter, Anne, Mary, Joan, Katherine, Mark, William и др. Одновременно существуют имена, характерные для высшего общества. Несмотря на то что многие из них вышли из употребления, они по-прежнему, несут в себе оттенок изысканности и претенциозности: Algernon, Frederick, Caroline, Edward и др. [Спачиль, 2021].

Все вышеуказанное свидетельствует о том, насколько принципиальным является вопрос передачи имен собственных при переводе с одного языка на другой: «...признавая у имен собственных наличие сигнификативного лексического значения, мы также соглашаемся и с тем, что они могут обладать значением коннотативным, отражающим национально-культурную специфику, факты внеязыковой действительности. Учет этого обстоятельства важен для переводчика, поскольку позволяет ему передать имена собственные в переводе наиболее качественно, с минимальными искажениями национальных и исторических особенностей текста» [Спачиль, 2021, с. 84].

Основными приемами перевода имен собственных в настоящее время признаются: 1) прямой перенос в исходной форме в текст перевода («Bill Gates – один из основателей компании Microsoft»); 2) ономастическое соответствие – приближенное воссоздание в принимающем языке фонографической оболочки исходного слова: а) (практическая) транскрипция – принцип фонетического подобия («Билл Гейтс – один из основателей компании Майкрософт»; «Newton» – «Ньютон» (нынешняя историческая

традиция)); б) транслитерация – принцип графического подобия («Newton» – «Невтон» (старая историческая традиция)); в) транспозиция – принцип этимологического (традиционного) соответствия («Степан» – «Stephen, Steve, Steven»); 3) комментирующий перевод – ономастическое соответствие, дополненное комментарием в примечании или приложении («I just don't see what's so marvelous about Sir Laurence Olivier, that's all» – «He понимаю, что особенного в этом Лоуренсе Оливье» (прим. пер.: знаменитый английский актер)); 4) уточняющий перевод – ономастическое соответствие, дополненное поясняющим словом (словами) непосредственно в тексте («Siva» – «бог Шива»); 5) описательный перевод – передача значения онима нарицательным словом или словосочетанием («...in a reverent, Stuart Hibberd voice» – «...подражая подкупающему голосу радиодиктора»); 6) функциональная замена (преобразующий, уподобляющий перевод) – использование в качестве соответствия онима, отличного от исходного (когда комментирующий, уточняющий или описательный перевод может усложнить восприятие текста), т.е. подбор эквивалента, вызывающего у читателя те же ассоциации, что и оним в оригинальном тексте («Proper little Marchbanks you are!» – «Да ты у нас просто Дон Жуан!» прим.: Юджин Марчбэнкс – любвеобильный герой пьесы Джорджа Бернарда Шоу «Кандида»); 7) калькирование – дословный перевод («Richard the Lion Heart» – «Ричард Львиное Сердце») [Спачиль, 2021, с. 86–87].

В целом в современном переводоведении выделяются две основные переводческие стратегии передачи онимов: форенизация (отчуждение) и доместикация (одомашнивание). Форенизация представляет собой процесс приближения читателя к оригиналу. В принимающий текст перевода вносятся новые типы лексических единиц – благодаря этому читатель обогащает свой кругозор через контакт с иностранной культурой. Главные приемы передачи онимов – практическая транскрипция и транслитерация. Доместикация трактуется как процесс приближения иностранного оригинала к читателю. Исходный текст адаптируется в соответствии с культурными стандартами принимающего языка и предназначен для читателей, которые предпочитают беглое и поверхностное чтение углубленному знакомству с культурой другого языкового коллектива.

Д.И. Ермолович разработал «стратегию передачи имен собственных» [Ермолович, 2001, с. 32]: 1) убедиться, что данная лексема – имя собственное (не имя нарицательное); 2) установить класс предметов, к которому относится данный оним; 3) установить национально-языковую принадлежность онима; 4) удостовериться в наличии или отсутствии традиционных соответствий для данного имени собственного в принимающем языке; 5) принять переводческое решение, учитывая все компоненты формы и содержания онима, характер перевода и целевой аудитории [Ермолович, 2001, с. 34].

В.Ю. Варзапова и В.М. Садовский в статье «Передача имён собственных при переводе художественного текста» обращают внимание на лингвистическую специфику имени собственного, его взаимосвязь с контекстом художественного произведения.

Авторы отмечают, что «имя собственное в художественном тексте соотносится с искусственно созданными объектами, поэтому рассматривать его нужно лишь в контексте произведения и никак иначе, ибо в ином случае имя собственное потеряет свое значение» [Варзапова, Садовский, 2021, с. 9]. Имена собственные в художественных текстах во многих случаях могут быть «говорящими» или интертекстуальными, что осложняет их передачу при переводе. Перевод «говорящих» имен особенно труден, так как на той игре слов, что они порождают, могут быть завязаны важные моменты произведения, без правильной передачи которых огромный пласт изначально заложенного смысла может просто потеряться. Следовательно, переводной текст не будет производить того эмоционально-эстетического воздействия, что исходный текст художественного произведения (более подробно см.: [Варзапова, Садовский, 2021, с. 9–12].

В статье Л.Ю. Косенко «Китайские имена собственные в оригинале и переводе» рассмотрены проблемы передачи китайских имен собственных на иностранные языки. Отмечается, что у китайцев имеется свой строгий порядок написания фамилии и имени.: первой указывается фамилия, обычно состоящая из одного иероглифа, после – имя состоит из одного или двух иероглифов и всегда пишется с прописной буквы. Л.Ю. Косенко подчеркивает, что в китайском фонетическом алфавите с 1979 г. перестали использовать дефис для обозначения границы китайских слогов в

именах собственных, что привело к неопределенности в переводе китайской литературы. Рассматривая такие имена, как 李鹏 Lǐpéng Ли Пэн, 亚历山大·弗莱明 Yálishāndà·Fúláimíng Александр Флеминг, 艾萨克·牛顿 Àisàkè·Niúdùn Исаак Ньютон, 孟德尔 Mèngdé'ěr Мендель, 丘吉尔 Qiūjǐ'ěr Черчилль, можно заметить, что между фамилией и именем ставится знак «•».

При переводе китайских имен нужно уметь точно распознавать имя собственное в повествовании. Сложнее переводить, замечает автор статьи, европейские имена, потому что нужно найти в тексте имя собственное и понять его «китайское» звучание. Опираясь на фонетическую созвучность, китайская транскрипция иностранных имен разрешает воссоздать оригинал: Энгельс 恩格斯 Ēngésī, Стивенсон 斯蒂芬森 Sīdīfēnsēn, Гоголь 果戈理 Guǒgēlǐ, Дикенс 狄更斯 Dīgèngsī, Сэлинджер 塞林格 Sāilíngé. При переводе с русского на китайский язык нужно применять таблицу транскрипции зарубежных наименований китайскими иероглифами.

Следует принимать во внимание, что китайские имена не имеют каких-либо формальных орфографических или грамматических признаков, разделяющих женские и мужские имена, но разделение имен по полу есть и основывается оно на значении. Смысл иероглифов в мужских именах символизирует мужественность, величественность, доблесть, ум, а в женских именах – изящество, красоту, названия цветов, драгоценных камней, бабочек и птиц. При переводе имен нужно помнить, что иероглифы 娅 Yà, 芭 bā, 玛 mǎ, 娜 nà, 利 lì, 沙 shā, 娃 wá, 蕾 lěi, 秀 xiù, 妮 nī, 琳 lín, 珍 zhēn, 蘿 luó, 黛 dài, применяются только в женских именах. Иероглифы 棟 dòng, 楠 nán используются в начале слова, 亥 hài, 姜 jiāng – в конце слова.

При переводе китайских топонимов следует обращаться к географическим справочникам. Если отсутствует общепринятый эквивалент, название надо транскрибировать согласно принятым правилам практической транскрипции для данного языка.

А.А. Лужных в статье «Проблемы и способы перевода английских фразеологических единиц, содержащих имена собственные» отмечает, что фразеологические единицы, содержащие имена собственные, можно классифицировать по следующим группам: 1) фразеологические единицы, в состав которых входят библейские имена собственные (англ. «a doubting Thomas» – русск. «Фо-

ма неверующий»); 2) фразеологические единицы, в состав которых входят имена собственные, связанные с реальными событиями в мировой истории или мифологией (англ. «to cross the Rubicon» – русск. «перейти Рубикон», т.е. «сделать решающий шаг»; 3) фразеологические единицы, в которых имя собственное связано с бытом, литературой и фольклором определенного языка (англ. «Bloody Mary» – русск. «Кровавая Мэри»; англ. «reeping Tom» – русск. «чересчур любопытный человек»); 4) фразеологические единицы, содержащие топонимы (англ. «Kentish fire», «Harley Street», «Donnybrook Fair», «to fight like Kilkenny cats», «Gretta Green marriage» и пр.).

Для достижения максимальной адекватности при переводе фразеологизмов, в том числе, в состав которых входят имена собственные, с английского языка на русский используются следующие способы перевода: 1) аналог, т.е. такой русский устойчивый оборот, который по значению адекватен английскому, но частично или полностью отличается от него по образной основе (англ. «When Queen Ann was alive» – русск. «в былые времена», «при царе Горохе»); 2) эквивалент, т.е. имеющий в русском языке адекватный фразеологический оборот, совпадающий с английским оборотом по смыслу и по образной основе (англ. «Augean stables» – русск. «Авгиевы конюшни»); 3) описательный перевод, т.е. перевод путем передачи смысла английского оборота свободным словосочетанием (англ. «to fight like Kolkenny cats» – русск. «бороться не на жизнь, а на смерть»). Описательный перевод имеет недостатки, часто приводит к потере образности и выразительности фразеологической единицы: англ. «the (real) Simon Pure» – русск. «человек собственной персоной, не подставное лицо» и является многословным: англ. «old Tom» употребляется для номинации подслащенных сортов джина.

В заключение следует подчеркнуть, что перевод имен собственных представляет переводческую проблему, требует от переводчика не только хорошего знания языка, но и культурологическую подготовку, широкий кругозор, умение принимать нестандартные решения.

Список литературы

- Варзапова В.Ю. Передача имен собственных при переводе художественного текста / В.Ю. Варзапова, В.М. Садовский // Тенденции развития науки и образования. – 2021. – № 75–5. – С. 9–12. – DOI: 10.18411/lj-07-2021-162. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46405285> (дата обращения: 10.06.2022).
- Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. – Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1963. – 255 с.
- Ермолович Д.И. Имена собственные на стыке языков и культур. – Москва : Р. Валент, 2001. – 199 с.
- Косенко Л.Ю. Китайские имена собственные в оригинале и переводе // Современные научные исследования и разработки. – 2018. – Т. 1, № 11 (28). – С. 365–367.
- Лужных А.А. Проблемы и способы перевода английских фразеологических единиц, содержащих имена собственные // Стратегии и тренды развития науки в современных условиях. – 2018. – Т. 1, № 1 (4). – С. 58–65. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32774379> (дата обращения: 10.06.2022).
- Спачиль О.В. Имя собственное в литературном переводе : учеб. пособие / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Кубанский государственный университет. – Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2021. – 172 с.
- Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. – Москва : Наука, 1973. – 366 с.
- Суперанская А.В. Структура имени собственного: фонология и морфология. – Москва : Наука, 1969. – 206 с.
- Теория и методика ономастических исследований / Суперанская А.В., Сталтмане В.Э., Подольская Н.В., Султанов А.Х. – Москва : ЛКИ, 2007. – 256 с.
- Фонякова О.И. Коннотации имен собственных в словаре писателя // Проблемы филологических исследований. – Ленинград : ЛГУ, 1980. – С. 109–111.

Раренко М.Б.¹

**ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ КАК ОБЪЕКТ
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
(Обзор)²**

*Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)*

Аннотация. В обзоре рассматривается проблема языковой интерференции, которая по-прежнему остается в центре внимания лингвистов. Языковая интерференция, проявляющая себя на всех языковых уровнях – фонетическом, грамматическом, лексическом, – рассматривается, как правило, в связи с преподаванием иностранных языков и переводом с одного языка на другой. В современном глобализирующемся мире явления интерференции приобретают новое звучание.

Ключевые слова: интерференция; лексические трансформации; перевод; язык.

Языковая интерференция – феномен, заключающийся в том, что один контактирующий язык испытывает влияние другого языка, это приводит к нарушению языковых норм (более подробно см.: [Алимов, 2004]). Причины языковой интерференции могут быть разными. «Лингвистическая интерференция представляет

¹ Раренко М.Б., Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, 2022.

² Материал подготовлен в рамках государственного задания по теме «Лингвокультурные аспекты цивилизационных противоречий»: <http://inion.ru/ru/science/temy-nir/lingvokulturnye-aspekty-tsivilizatsionnykh-protivorecii>

собой вмешательство элементов одной языковой системы в другую, которое может быть как конструктивным, так и деструктивным. До 50-х годов 20 в. интерференция рассматривалась исключительно как отрицательное влияние ранее усвоенных навыков на последующее приобретение новых в условиях двуязычия. Однако в настоящее время интерференция рассматривается не только как отрицательное, но и как положительное влияние, которое может проследиваться в сфере навыков, умений, знаний и даже памяти. Так, при изучении иностранных языков знание механизмов словоизменения (спряжения, склонения и т.д.) в родном языке облегчает в определенной степени овладение соответствующими механизмами одного иностранного языка, а в последующем и другого. В данном случае имеет место положительная (конструктивная) интерференция» [Селенкова, Кызылова, 2015, с. 173].

Сам термин «интерференция» был введен учеными Пражского лингвистического кружка, однако широкое распространение получил лишь после выхода в свет монографии У. Вайнрайха «Языковые контакты».

Проблема интерференции рассматривается часто в аспекте преподавания иностранных языков, где под ней понимаются ошибки в речи на иностранном языке, вызванные влиянием родного. В теории перевода проблема интерференции рассматривается как нарушение норм переводящего языка под влиянием исходного. Отмечается, что «в переводческой деятельности к явлению интерференции нужно подходить осознанно, его нужно подробно изучать, избегая при этом отрицательной интерференции и используя положительную» [Селенкова, Кызылова, 2015, с. 173].

Языковая интерференция может проявляться на разных языковых уровнях. В отечественной и зарубежной литературе чаще всего говорят об отрицательной фонологической (фонетической), грамматической и лексикосемантической интерференции. Морфологическая интерференция затрагивает практически все части речи и обусловлена категориальными различиями и другими особенностями существительных, глаголов, местоимений, прилагательных, наречий, числительных, союзов, предлогов и междометий в языке оригинала и языке перевода (более подробно см.: [Селенкова, Кызылова, 2015]), при этом чаще интерференции подвергаются глаголы, которые в каждом языке обладают собственной системой

категорий и находятся под контролем определенных правил. Нарушение этих правил, связанное с отклонением от норм языка, нередко является следствием интерференции. Например, в языках часто наблюдаются случаи несовпадения управления глаголов: «зависеть от» – «to depend on/upon»; «войти в (комнату)» – «to enter (the room)» и пр. Немецкие глаголы с приставкой *be-* требуют прямого дополнения, тогда как в русском языке их эквиваленты косвенного: «den Raum betreten» – «войти в помещение», «die Fragen beantworten» – «ответить на вопросы» и пр.

Значительные проблемы представляет собой синтаксическая интерференция, если наблюдаются различия в синтаксисе между языком оригинала и языком перевода. Сложности при переводе вызывают, например, придаточные предложения: условные, времени, дополнительные (согласование времён), а также инфинитивные конструкции – сочетание глаголов, обозначающих физическое восприятие, с инфинитивом: «Ich sah ihn kommen». – «I saw him come in». – «Я увидел (видел), как он пришел».

Под влиянием родного языка переводчики нередко переносят в текст на иностранном языке правила пунктуации другого языка (родного для них), а при переводе на русский язык знаки препинания часто копируются из оригинала.

Проблема пунктуационной интерференции подробно рассмотрена в статье Е.В. Кашкиной и Т.В. Гиляровской «Пунктуационная интерференция при переводе (на примере французского языка марокканских билингвов)». Проведенный авторами сопоставительный анализ текстов свидетельствует о том, что «в современном литературном произведении на французском языке автора арабского происхождения отражаются как черты разговорного дискурса, т.е. французского языка предместий, так уже и некоторые особенности национальной вариантности» [Кашкина, Гиляровская, 202, с. 150]. В целом, как отмечают авторы, письменная речь в романе Ф. Гэн «Туда-сюда» приближена к стандарту метрополии. «В тексте произведения Ф. Гэн наблюдаются явления вариативности французского языка за счет специфической пунктуации, в которой прослеживается влияние арабского языка. Это отсутствие запятых между однородными членами, отклонения в оформлении прямой речи и в написании заглавной буквы, несовпадение содержания и интонации высказывания и конечного знака препинания, которым

чаще всего выступает многоточие, всего 173 случая в небольшом литературном произведении. Однако явление отклонения от синтаксических и пунктуационных норм пока носит скорее окказиональный характер. В основном оно проявляется в избыточной или неверной расстановке знаков препинания, что вынуждает переводчика следовать пунктуационным правилам русского языка. Например, в переведенном тексте, по сравнению с авторским, количество использованных многоточий уменьшено почти втрое, что сглаживает напряжение повествования и эмоциональные особенности характера героини. Избыточное использование многоточия можно рассматривать как авторский пунктуационный знак, выбор которого может быть обусловлен неустоявшимися правилами пунктуации родного арабского языка, когда точность грамматического оформления в устной речи, к чему стремится автор, не несет такой смысловой нагрузки, как в письменной речи. Желание общения, одиночество героини и попытка настроить диалог, в том числе с читателем, уже самого автора от лица героини находит свое пунктуационное воплощение в наименее используемом в родном языке Фаизы Гэн знаке – многоточии. Изучение употребления многоточия как авторского пунктуационного знака в исследуемом материале, степени влияния на его использование родного языка автора в связи с его переводом может стать логическим продолжением данного исследования. В качестве итога также следует отметить разнообразие пунктуационной интерференции в рассматриваемом произведении и ее значимость для ознакомления студентов» [Кашкина, Гиляровская, 202, с. 150].

Лексическая интерференция – проникновение лексики одной языковой системы в другую, что обычно приводит к буквализму. В статье «Лексические трансформации как способ преодоления интерференции при переводе научных текстов по математике» Н.Л. Потапова рассматривает лексическую интерференцию, возникающую при переводе с одного языка на другой, на примере математических текстов. В центре внимания автора статьи – лексические трансформации, возникающие в процессе замены переводимой лексической единицы словом или словосочетанием, которое реализует сему данной единицы исходного языка (ИЯ). Автор определяет лексические трансформации как «отклонение при переводе от словарных соответствий, которое заключается в

замене отдельных лексических единиц исходного языка на лексические единицы переводного языка, не являющиеся их эквивалентами» [Потапова, 2020, с. 122]. К использованию лексических трансформаций при переводе прибегают когда: 1) в двух языках значение одного слова определяется разными признаками (например, англ. «*simply*» *connected* и русск. «односвязный» (а не *простосвязанный); англ. «*cross product*» и русск. «векторное произведение» (а не *переходный продукт), англ. «*value of a vector*» и русск. «модуль вектора» (а не *ценность вектора) и пр.); 2) смысловый объем слова в двух языках неодинаков (например, англ. «*volume*» имеет целый ряд значений, среди которых: «том», «громкость», «объем» (мат.)). В русском языке каждому значению соответствует отдельное слово, которое будет выбираться в зависимости от контекста; 3) в двух языках сочетаемость слов различается (англ. словосочетание «*principal root*» в математических текстах соответствует русск. «арифметическое значение корня» (а не *главный или принципиальный корень), русск. «обобщенные функции» на английском языке обозначаются как «*distributions*», англ. «*rough classification*» как русск. «приблизительная классификация» (а не *грубая классификация) и пр.). Несмотря на выделенные Я.И. Рецкером семь разновидностей лексических трансформаций: дифференциация значений; конкретизация значений; генерализация значений; смысловое развитие; антонимический перевод; целостное преобразование; компенсация потерь в процессе перевода, на практике чаще всего приемы трансформаций совмещаются. Автор статьи отмечает, что «все лексические трансформации основываются на формально-логических отношениях между понятиями. Приемы логических трансформаций базируются на таких формально-логических категориях, как подчинение, противоречивость, перекрещивание, внеположенность» [Потапова, 2020, с. 123]. Частным случаем лексической интерференции можно считать проблему «ложных друзей переводчика», когда он использует неверную лексическую единицу, ошибочно принимая ее за интернационализм. К печально известным «ложным друзьям переводчика» при переводе с английского языка на русский относятся такие, например, единицы, как: «*velvet*» – «бархат» (а не *вельвет), «*extravagant*» – «расточительный» (а не *экстравагантный) и пр. (более подробно см.: [Дмитриенко, 2021]).

Вопрос языковой интерференции, как показывает обзор специальной литературы, по-прежнему актуален для современных лингвистических исследований, особенно в свете процессов глобализации, в частности миграции населения и необходимости освоения вновь прибывшими языка их «новой» родины.

Список литературы

- Алимов В.В.* Интерференция в переводе: на материале профессионально ориентированной межкультурной коммуникации и перевода в сфере профессиональной коммуникации : дис. ... д-ра филол. наук. – Москва, 2004. – 260 с.
- Дмитриенко Е.В.* Проблема «ложные друзья переводчика» как следствие межъязыковой интерференции при обучении переводу // Полиязыковая среда современного образования : материалы межвузовских конкурсов научных постеров и научно-исследовательской практики магистрантов, Новосибирск, 01 апреля – 31 декабря 2020 года. – Новосибирск : Новосибирский государственный технический университет, 2021. – С. 30–31. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48020189> (дата обращения: 10.06.2022)
- Кашкина Е.В., Гиляровская Т.В.* Пунктуационная интерференция при переводе (на примере французского языка марокканских билингвов) // Научный журнал «Современные лингвистические и методико-дидактические исследования». – 2020. – Вып. 4 (48). – С. 142–153.
- Потапова Н.Л.* Лексические трансформации как способ преодоления интерференции при переводе научных текстов по математике // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А: Гуманитарные науки. – 2020. – № 2. – С. 122–125. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42783248> (дата обращения: 10.06.2022)
- Селенкова И.Е., Кызылова Г.А.* Интерференции при письменном переводе // Язык науки и техники в современном мире : материалы IV Международной научно-практической конференции. – Омск : Омский государственный технический университет (Омск), 2015. – С. 173–176.

Раренко М.Б.¹

**ПЕРЕВОД МЕТАФОР
(Обзор)²**

Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН)

Аннотация. Перевод метафор – одна из актуальнейших проблем современной теории перевода. Несмотря на существующие разнообразные классификации способов перевода метафор, разработанные как отечественными, так и зарубежными исследователями, универсальный способ их перевода с выбором оптимального принципа перевода не выработан, поскольку метафора оказывается глубоко погруженной в культуру и вопрос перевода зависит от множества факторов.

Ключевые слова: перевод; теории перевода метафор; образ; добавление; опущение; структурное преобразование; функциональная замена; традиционное соответствие; ономастическая метафора; переводческое пространство; гармония/дисгармония; реметафоризация; угасание метафоры; деметафоризация.

Вопрос о переводе метафор по-прежнему актуален для теории и практики перевода. Т.И. Яковенко, А.М. Шайхалиева в ста-

¹ Раренко М.Б., Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, 2022.

² Материал подготовлен в рамках государственного задания по теме «Лингвокультурные аспекты цивилизационных противоречий»: <http://inion.ru/ru/science/temy-nir/lingvokulturnye-aspekty-tsivilizatsionnykh-protivorecii>

тье «Способы перевода метафор в зарубежной теории перевода» отмечают, что изучением метафоры занимаются разные ученые. К проблеме перевода метафоры обращаются как отечественные, так и зарубежные исследователи.

Несмотря на большое количество классификаций и подходов к переводу метафор, универсальный способ их перевода с выбором оптимального принципа перевода не выработан. Одна из наиболее популярных сегодня теорий перевода метафор предложена Питером Ньюмарком (Университет Суррея, Великобритания), который выделяет семь процедур перевода метафоры: 1) воспроизведение одного и того же образа в целевом языке при условии, что изображение имеет сопоставимую частоту и валенту в соответствующем регистре (способ подходит для перевода односложных, универсальных метафор: «*ray of hope*» – «луч надежды»; «*golden hair*» – «золотые волосы» и пр.); 2) замена образа в целевом языке на образ в языке перевода (стратегия уместна, если метафора употребляется в культуре целевого языка или не конфликтует с его культурой: «*When in Rome, do as Romans do*» (букв. «Живешь в Риме – живи как римлянин») аналогична русской поговорке «С волками жить – по-волчьи выть»); 3) перевод метафоры с помощью сравнения (процедура переводит метафору в форму сравнения, но при этом сохраняет образ: метафора «серебристый вопль» имеет эквивалент в английском языке «*like a silvery scream*»); 4) перевод метафоры как сравнения вместе с ее смыслом (или метафора + смысл) – это компромиссная процедура, сочетающая коммуникативный и семантический переводы, адресованные как неспециалисту, так и опытному читателю: «*tout un vocabulaire moliéresque*» переводится на английский как «*a whole repertoire of medical quackery such as Molière would have*»); 5) метафора может быть преобразована в смысл (процедура применима в любом типе текста и предпочтительна, когда замена образа с исходного языка на целевой является очень широкой с точки зрения смысла или регистра: английская фраза «*I'll be as good as gold*» по-русски соответствует фразе «все обещаю», а не *я буду хорош(а) как золото); 6) удаление метафоры вместе со смысловой составляющей, если она избыточна; 7) метафора передается на другом языке вместе с ее смыслом (чаще всего в литературных произведениях для достижения экспрессивности): «*The tongue is a fire*» = «Огонь разрушает все, о чем мы говорим, а

также разрушает вещи» или «spring of green rustlings» = «возродилась весна – вся в зеленых шорохах и приглушенных звуках» (более подробно см.: [Яковенко, Шахалиева, 2021]).

Еще один исследователь принципов перевода метафоры с одного языка на другой – Раймонд ван де Брук – видит задачу в попытке создать модели, в соответствии с которыми наблюдаемые явления могут быть описаны. Раймонд ван ден Брук подчеркивает возможность обобщения перевода метафоры и предлагает три способа перевода метафоры в качестве альтернативы идеальному воспроизведению метафоры в целостности и сохранности: 1) перевод «sensu stricto» (перевод в узком смысле, когда содержание и средство передачи смысла в исходном языке (SL) переводятся в целевой язык (TL)): если средства передачи смысла в SL и TL совпадают, то метафора в TL будет идиоматичной, а если средства передачи смысла в SL и TL различаются, то метафора в TL может быть либо семантической аномалией, либо смелой инновацией; 2) замещение (модель применима к тем случаям, когда средства передачи смысла в SL могут быть замещены другими средствами передачи смысла в TL с более или менее похожим содержанием); 3) перифраза (метафора в SL перефразируется каждый раз, когда она передается неметафорическим высказыванием в TL, т.е. метафора при переводе превращается просто в «комментарий») (более подробно см.: [Яковенко, Шахалиева, 2021]).

Как видно, теории Ньюмарка и ван де Брука основаны на традиционном понимании метафоры как фигуры речи, как языкового выражения, которое заменяется другим выражением (с буквальным значением) и основной функцией которого является стилистическое украшение текста.

Согласно когнитивному подходу к метафоре («метафора понимается как когнитивный процесс, который концептуализирует сознание и мысли людей лингвистически сходным или различным образом в языках» [Яковенко, Шахалиева, 2021, с. 205]), перевод метафоры – это межкультурный процесс, поэтому адекватно перевести метафору сложно. В целом практические правила перевода, предложенные исследователями когнитивной лингвистики, аналогичны традиционным: замена (метафора в другую метафору), перефразирование (метафора в смысл), сравнение или удаление.

Н. Мандельблит рассматривает две техники перевода метафор: 1) «similar mapping conditions», или условия аналогичного метафорического проецирования (стратегия применима в случае отсутствия концептуального сдвига между метафорами двух языков); и 2) «different mapping conditions», или условия другого метафорического проецирования (стратегия применима при наличии концептуального сдвига между метафорами двух языков). Таким образом, если исходный язык (SL) и целевой язык (TL) имеют схожие условия отображения, то перевод метафоры с исходного языка выполняется подбором эквивалентной метафоры в целевом языке; если исходный язык следует условиям другого метафорического проецирования по сравнению с целевым языком, перевод метафоры будет проблематичным, и в этом случае метафора целевого языка передается через сравнение, перифразу, сноску, объяснение или опущение (более подробно см.: [Яковенко, Шахалиева, 2021]).

А. Дейгнан, Д. Габрис и А. Сольска предложили четыре варианта (типа) перевода метафоры: 1) same conceptual metaphor and equivalent linguistic expression (аналогичная концептуальная метафора и ее эквивалентное лингвистическое выражение), который используется когда метафоры в исходном и целевом языках полностью совпадают: русск. «серебристый шелест» – англ. «silvery rustle»; 2) same conceptual metaphor but different linguistic expression (аналогичная концептуальная метафора и ее иное лингвистическое выражение), когда метафорический перенос в языках очень похож, но выражается с помощью других слов и / или выражений: русск. «на розовом всплеске» – англ. «in the pink waves»; 3) different conceptual metaphors used (использование иной концептуальной метафоры); 4) words and expressions with similar literal meaning but different metaphorical meaning (слова и выражения с аналогичными прямыми значениями, но разными метафорическими значениями): русск. «бесцветный голос» – англ. «flat voice» (более подробно см.: [Яковенко, Шахалиева, 2021]).

Проанализировав предложенные зарубежными теоретиками перевода стратегии перевода метафор с одного естественного языка на другой, авторы статьи приходят к выводу, что «зарубежная теория перевода создает необходимую базу для сопоставления метафор в русском и английском языках. Поскольку метафора фор-

мируется социокультурными убеждениями и установками конкретной культуры, мы придерживаемся когнитивного подхода к переводу метафоры, где они должны рассматриваться как когнитивные конструкции, представляющие примеры того, как люди концептуализируют свой опыт, установки и практики и записывают их. Поскольку метафоры связаны с различными культурными областями, это означает, что переводчик должен искать похожий или идентичный когнитивный эквивалент при переводе. Чем больше культуры исходного языка и целевого языка передают опыт аналогичным образом, тем легче переводчику переводить. Но поскольку человеческий реальный опыт не всегда похож, и метафоры фиксируют этот опыт, задача переводчика становится более сложной при переводе этих метафор на языки, относящиеся к разным культурам. Трудность передачи метафор заключается не в предположении, что языки не могут предоставить эквивалентные выражения для своих метафор, а в том факте, что им не хватает аналогичных метафор, относящихся к одной и той же концептуальной области» [Яковенко, Шахалиева, 2021, с. 206–207]), при этом наиболее применимой авторы считают теории перевода метафоры, предложенные А. Дейгнан, Д. Габрис и А. Сольска.

Л.З. Зиязетдинова и Н.В. Волкова в статье «Специфика передачи когнитивной метафоры в переводах романов Ф.М. Достоевского с русского на английский язык» представили результаты исследования двух текстов перевода произведения Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» с целью выявления и классификации, используемых в них когнитивных метафор (всего было исследовано 68 метафор) с последующим анализом уже применяемых и предпочтительных способов перевода.

В качестве материала исследования использовался оригинальный текст романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» и его переводы на английский язык, выполненные Констанс Гарнетт и Ричардом Пивиаром в тандеме с Ларисой Волохонской. В результате использования метода сплошной выборки было рассмотрено 68 метафор. Авторы статьи следовали традиционной классификации приемов перевода метафор, предложенной Т.А. Казаковой: 1) полный перевод применяется для метафорических единиц в том случае, если в исходном и переводящем языках совпадают как правила сочетаемости, так и традиции

выражения эмоционально-оценочной информации, употребленные в данной метафоре; 2) добавление/опущение используется в тех случаях, когда мера подразумеваемости подобия в исходном и переводящем языках различна и требуется либо экспликация подразумеваемого в исходном тексте смысла (прием добавления), либо, напротив, импликация словесно выраженного в исходном тексте (прием опущения); 3) функциональная замена применяется в случаях лексического или ассоциативного несоответствия между элементами метафоры в исходном и переводящем языках; 4) структурное преобразование применяется при различии традиций грамматического оформления метафоры в исходном и переводящем языках; 5) традиционное соответствие употребляется в отношении метафор фольклорного, библейского, античного происхождения, когда в исходном и переводящем языках сложились разные способы выражения метафорического подобия; 6) параллельное именование метафорической основы используется при переводе текстов, построенных на распространенной метафоре, когда по межъязыковым условиям требуется замена или структурное преобразование метафоры, а по характеру передаваемой информации исходный образ необходимо сохранить.

Согласно данным, представленным в статье, дословный перевод метфор у К. Гарнетт составляет 21% от всех выполненных, у Р. Пивиар и Л. Волохонской – 50,6%; функциональная замена у К. Гарнетт составляет 48,2%, у Р. Пивиар и Л. Волохонской – 22,1%; структурное преобразование у К. Гарнетт составляет 12,3%, у Р. Пивиар и Л. Волохонской – 18,2%; добавление/опущение у К. Гарнетт составляет 13,6%, у Р. Пивиар и Л. Волохонской – 3,9%; традиционное соответствие у К. Гарнетт составляет 5%, у Р. Пивиар и Л. Волохонской – 5,2%.

Таким образом, авторы приходят к выводу, что при переводе метафор в тексте романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» «варианты перевода значительно различаются», а переводчики «проявляют значительный творческий потенциал, уходя от буквального соответствия и при этом не искажая сущности оригинала. Перевод оказывается достаточно эффективным и позволяет переводчику адекватно передать смысл исходного фрагмента» [Зиязетдинова, Волкова, 2017, с. 148].

В статье З.К. Магамедкеримовой и Ю.А. Крутовой «Способы перевода метафор в англоязычных художественных текстах на примере романа У.С. Моэма» подчеркивается, что «в практике перевода особую сложность представляет перевод метафор художественных текстов, так как в них метафора используется для реализации эстетической, а не номинативной функции» [Магамедкеримова, Крутова, 2017, с. 186], при этом «сложнейшим для переводчика является сохранение образов, созданных автором, которые скрываются в одном из видов троп – метафоре» [Магамедкеримова, Крутова, 2017, с. 186]. Проанализировав перевод Г. Островской художественного текста С.У. Моэма «Театр» с целью изучения перевода метафор, авторы пришли к выводу, что переводчик использует следующие способы ее (метафоры) перевода: 1) полный перевод, при котором сохраняется семантика и структура метафоры: «Julia with half an ear listened to the list Margery read out» – «Джулия вполуха слушала список, который читала Марджори»; «heavily painted lips» – «густо накрашенные губы»; 2) замена на уровне лексического оформления – использование слов с другим семным составом, но схожим смыслом в рамках данного контекста: «Michael thought we were getting a bit ragged» – «Майкл решил, что мы немного разболтались»; 3) замена на уровне морфологического оформления, т.е. использование слов, имеющих схожее лексическое значение, но относящихся к другому лексико-грамматическому классу: «I want to run my theatre in as business-like» – «Я хочу поставить наш театр на такие же деловые рельсы»; 4) добавление/опущение лексических единиц, оформляющих образ (поскольку один и тот же образ в двух языках может выражаться с большей или меньшей степенью разъяснения, это приводит к необходимости добавлять или опускать слова, создающие его): «There was a twinkle in his eyes» – «В глазах у него заплясали чертики» (+ добавление «заплясали»); 5) реметафоризации, т.е. замена исходной метафоры, употребленной автором, другой метафорой: «The weight off his mind» – «У него гора с плеч свалилась»; «Before you could say knife» – «Не успеешь и глазом моргнуть»; 6) деметафоризации, т.е. избавления от метафоры при переводе: «His admiration made them feel a little larger than life-size» – «Его восхищение заставило их почувствовать себя еще более значимыми».

Проведенный анализ способов перевода метафор приводит авторов к выводу, что «большинство метафор в переводах романов передаются методом полного перевода и лексической замены», что объясняется тем, что «переводчику необходимо передать читателю подлинные чувства героев, а также явственно и детально передать характеристику героев, созданную автором», однако «в некоторых случаях переводчик прибегает к соединению методов перевода» [Магамедкеримова, Крутова, 2017, с. 189] (например, «aloof on her mountain top she considered the innumerable activities of men» – «вдали от всех, на вершине своей славы, она рассматривала кишащий у ее ног, далеко внизу, людской муравейник»).

«Переводы метафор также можно разделить на две группы: структурно-эквивалентные и структурно-неэквивалентные. К первой группе относится перевод метафорических высказываний метафорическими высказываниями. Например, *She saw Waddington light a cigarette. A little smoke lost in the air, that was the life of man* – Уоддингтон закурил. Дымок сигареты растаял в воздухе – вот она, человеческая жизнь» [Магамедкеримова, Крутова, 2017]. Метафора переведена с сохранением структуры. Вторая группа представлена сравнениями, структура которых отлична от структуры оригинала: «*It towered, the stronghold of a cruel and barbaric race, over the river*» – «она повисла над рекой, как твердыня жестокого владыки варварского племени» [Магамедкеримова, Крутова, 2017, с. 189].

С.И. Кан и С.Г. Улитина в статье «Способы перевода ономастической метафоры в художественном дискурсе» рассматривают проблему метафоризации онимов в художественном тексте, что приводит к порождению юмористического эффекта. Таким образом, предметом исследования является ономастическая метафора, представленная прозвищным именем или прецедентным именем. Материалом для анализа послужили тексты на английском и китайском языках и их переводы на китайский и русский языки.

Отмечается, что «ономастическая метафора является неиссякаемым источником наименований человека», а «в процессе перевода возникает естественная необходимость сохранения метафоричности оригинала, что создает определенные переводческие трудности» [Кан, Улитина, 2021, с. 107]. Обратившись к концепции переводческого пространства как когнитивной модели пере-

вода, авторы проследили, какие преобразования претерпевает метафора в переводном дискурсе: насколько возможна реметафоризация, в каких случаях происходит «угасание» метафоры или имеет место деметафоризация. Материалом для анализа послужили два типа текстов: с одной стороны, юмористические рассказы П.Г. Вудхауса в оригинале и переводе на китайский язык, с другой – китайские народные сказки, содержащие ономастическую метафору в оригинале и переводе на русский язык.

В центре исследовательского интереса – имена собственные-антропонимы, представленные прозвищными именами и прецедентными именами – ономастические антропонимы, широко представленные в рассказах П.Г. Вудхауса. Отмечается, что именно метафоризация данных онимов приводит к порождению комического эффекта.

Ономастическая метафора рассматривается в работе как когнитивный маркер комического. «Имя собственное признается современными учеными и как национальный, и как социальный языковой знак, т.е. обладает национально-культурной спецификой, что представляет несомненный интерес для теории перевода. Необходимо отметить, что специфика китайского языка находит отражение в семантике, форме и функционировании антропонимов» [Кан, Улитина, 2021, с. 108].

Авторы в своем исследовании исходят из следующих положений: 1) в китайской культуре человек на протяжении своей жизни имеет несколько антропонимов: родовая фамилия, клановая фамилия, первое имя, детское молочное имя, школьное имя, второе имя, прозвище, посмертное имя, хромовое имя; 2) антропонимы не содержат гендерных различий, как в европейских языках. При этом женские имена обычно обозначают название цветка, драгоценных камней, бабочек и пр. Мужские имена обозначают мужество, силу, доблесть и т.д.; 3) фамилия является неизменной частью антропонима, а выбор имени зависит от фамилии; 4) имя выступает индикатором социальной принадлежности человека; 5) многие имена имеют прозвища, которые являются более свободными по форме. Например, прозвища могут быть представлены редким иероглифом, причудливо произноситься, иметь эксцентрическую семантику (более подробно см.: [Кан, Улитина, 2021, с. 108–110].

Отмечается, что «с позиций когнитивной метафоры человеческое мышление и познание по своей сути метафорично, так как процесс метафоризации позволяет человеку выражать новые, ранее неизвестные понятия, сквозь призму известных понятий, используя с этой целью знакомые образы и ассоциации и формируя новые ассоциативные связи в сознании человека» [Кан, Улитина, 2021, с. 109], «когнитивная природа метафоры в какой-то степени аналогична когнитивной природе перевода: в сознании переводчика формируются как образы и ассоциации исходного текста, так и создаются новые ассоциативные цепочки, которые, с одной стороны, соотносятся с исходной культурой, с другой стороны, оказываются приемлемыми в целевой культуре» [Кан, Улитина, 2021, с. 109]. Таким образом, «достижение качественного – гармоничного – перевода становится возможным, если переводчику удастся осуществить синергию множества гетерогенных смыслов, формируемых в его полях – текстоцентричных и субъектоцентричных. К текстоцентричным полям автор относит содержание текста, а также энергетическое и фатическое поля. К субъектоцентричным относятся поля субъектов переводческой коммуникации: автора, переводчика, реципиента» [Кан, Улитина, 2021, с. 109]. «При гармоничном переводе ономастической метафоры также имеет место лингвокультурная адаптация» [Кан, Улитина, 2021, с. 109].

Давая персонажу имя в виде прозвища, писатель использует несоответствие между иллюзией и контекстом употребления. При переводе это несоответствие может быть нейтрализовано, что приводит к исчезновению комического эффекта. Прозвища представляют собой номинации, которые даются человеку на основе характерных черт, особенностей его поведения, внешних проявлений. Прозвища характеризуются прозрачной семантикой, высокой степенью эмоционально-экспрессивной оценочности, преимущественно негативными коннотациями. Прозвища по своей природе метафоричны, а в художественном дискурсе их метафоричность усиливается благодаря фантазии автора. Прозвища рассматриваются как разновидность ономастической метафоры (более подробно см.: [Кан, Улитина, 2021, с. 110]).

Как показало исследование, при переводе с английского языка на китайский возможны три вектора перевода антропонимов, относящихся к ономастической метафоре: 1) реметафориза-

ция как результат синергии и гармонизации смыслов, которая приводит к воссозданию комического эффекта оригинала; 2) «угасание» метафоры и появление стертой метафоры, что приводит к снижению комического эффекта в переводном дискурсе; 3) деме-тафоризация, в результате которой возникает дисгармоничный перевод, означающий исчезновение комического эффекта [Кан, Улитина, 2021, с. 110].

При переводе с китайского языка на русский авторы наблюдали другой процесс: китайские имена передавались с помощью приема транскрипции, что не позволяло сохранить их метафоричность, так как для русскоязычного читателя никаких ассоциаций и образов транскрибированное имя собственное не вызывает. Но метафоричные значения исходного имени переносились в контекст, за рамки имени собственного. Данный процесс авторы обозначили как экстраметтафоризация, или имплицитная метафоризация имени собственного.

Подводя итоги, авторы отметили, что «исследование ономастической метафоры в русском, английском, китайском языках представляется многообещающим, поскольку открывает новые возможности по созданию, осмыслению и переосмыслению имен в переводном художественном тексте» [Кан, Улитина, 2021, с. 111].

Таким образом, перевод метафор представляет переводческую проблему, решить которую пока не представляется возможным. Переводчики в каждом конкретном случае исходят из своих представлений об уместности, адекватности, точности и гармоничности перевода.

Список литературы

- Зиязетдинова Л.З., Волкова Н.В. Специфика передачи когнитивной метафоры в переводах романов Ф.М. Достоевского с русского на английский язык // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. – 2017. – № 4 (44). – С. 138–149.
- Кан С.И., Улитина С.Г. Способы перевода ономастической метафоры в художественном дискурсе // Русистика без границ. – 2021. – Т. 5, № 2. – С. 107–112. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46395978> (дата обращения: 10.06.2022)
- Магамедкеримова З.К., Крутова Ю.А. Способы перевода метафор в англоязычных художественных текстах на примере романа У.С. Моэма // Социаль-

но-гуманитарные проблемы образования и профессиональной самореализации. Социальный инженер – 2017 : сборник материалов Всероссийской конференция молодых исследователей. – 2017. – С. 186–189.

Яковенко Т.И., Шайхалиева А.М. Способы перевода метафор в зарубежной теории перевода // Гуманитарные и социальные науки. – 2021. – № 4. – С. 200–208. – DOI: 10.18522/2070-1403-2021-87-4-200-208. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=46619129> (дата обращения: 10.06.2022).

КОММУНИКАЦИЯ. ДИСКУРС. РЕЧЕВЫЕ ЖАНРЫ

УДК: 81'37

DOI: 10.31249/ling/2022.04.08

Опарина Е.О.¹

МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ОБРАЗ КАК СРЕДСТВО КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ В ДИСКУРСАХ (Обзор)²

Институт научной информации по общественным наукам

Российской академии наук (ИНИОН РАН)

Аннотация. В данном обзоре метафора рассматривается как средство концептуализации предметного и не предметного мира, действующее в разных дискурсах естественного языка. В центре внимания – спортивный, административный и пословичный дискурсы, поликодовые экранные тексты. Исследуется также демегафоризация библейских текстов, представленная как современная стратегия перевода, направленная на упрощение текста Нового Завета в практических целях.

Ключевые слова: концептуальная метафора; концептосфера языка; дискурсы; фразеологизмы; паремии; экранные тексты (TikTok); переводы библейских текстов.

¹ Опарина Е.О., Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, 2022.

² Материал подготовлен в рамках государственного задания по теме «Лингвокультурные аспекты цивилизационных противоречий»: <http://inion.ru/ru/science/temy-nir/lingvokulturnye-aspekty-tsivilizatsionnykh-protivorecii>

Вступление

Метафора признается в современной лингвистике неотъемлемым средством вербализации внешнего мира и внутреннего мира человека. Языковые метафоры, имеющие разную степень образности, функционируют в разных дискурсах языка. Группы языковых метафор появляются и развиваются в языке, отображая свои ментальные прототипы – концептуальные метафоры, создающие семантические модели для языковых метафорических образцов.

Основная часть

Метафоры активно реализуют свой семантический потенциал в спортивном дискурсе [Седова, 2021; Финк, 2021].

Н.К. Седова [Седова, 2021] анализирует образные лексические и фразеологические единицы, используемые в статье, посвященной спортивной тематике, а именно: финальному матчу чемпионата Европы по футболу (чемпионат был назначен на 2020 г., но из-за эпидемии COVID-19 был отложен на год), проведенного летом 2021 г. Статья «Italy crush England's dreams after winning Euro 2020 on penalties» была опубликована на сайте газеты «The Guardian». Сопоставляя данные с результатами изучения других фрагментов англоязычного спортивного дискурса, Н.К. Седова делает вывод, что метафора занимает важное место в формировании спортивных концептов. При этом устанавливается, что создаваемые в дискурсе метафорические концепты имеют различный уровень сложности, а общепринятые метафорические модели (домены) становятся основой как ранее зафиксированных, так и новых значений терминологических и нетерминологических языковых единиц.

Новые номинации возникают в дискурсе по принципу тематических кластеров. В качестве примеров Н.К. Седова приводит метафорические кластеры, основанные на домене «духовная деятельность». Так, метафорические концепты принадлежащего к этому домену кластера «искусство» выражаются как в нетерминологических, так и в терминологических единицах, как узуальных, так и окказиональных. Например: *to lack inspiration* – «отсутствие вдохновения»; *interval* – «перерыв между таймами», букв. «ан-

тракт» (вместо зафиксированной в словарях и принятой в спортивном дискурсе единицы *half-time*); *enter Jorgingo* – «входит Жоржиньо» (по аналогии с обозначением выхода героя на сцену в пьесах). Для описания действий футболистов на поле используются также метафорические концепты, принадлежащие к домену «социальная деятельность»: *to deny sb.* – «отразить чей-л. пенальти» (букв. «отвернуться от кого-л.»); *to feed sb.* – «отдать кому-л. пас» (букв. «накормить кого-л.»); *to hog the ball* – «не уступать мяча» (букв. «кабанить мяч» [Седова, 2021, с. 248]. Таким образом, изучение метафорических единиц в жанре статьи как части спортивного дискурса подтверждает высокий когнитивный и номинативный потенциал метафорических моделей.

Метафорические обороты, используемые в спортивном дискурсе, проявляют две тенденции развития: во-первых, они распространяются в другие дискурсы, например в политический; во-вторых, аналогичные по метафорическим моделям обороты получают распространение в ряде языков. Данные утверждения Ж. Финк аргументирует на примере оборотов, основанных на метафорическом концепте «героизм» в английском и южнославянских языках [Финк, 2021]. Героизм предполагает полную самоотдачу и самоотверженность со стороны человека или группы людей и прежде всего связывается с ситуациями войны и борьбы. Спортивные состязания рассматриваются как вид борьбы, поэтому агонистические метафоры давно являются частотными в спортивном дискурсе. К сравнительно новым фразеологизмам принадлежит активно применяемый в американском варианте английского языка оборот *leave it all / leave everything* – «отдать все силы», букв. «оставить все». Оборот конкретизируется в зависимости от того, о каком именно виде спорта идет речь: *on the field* – «на поле», *on the ice* – «на льду», *on the court* – «на корте» и др. В американских текстах фразеологизм перешел в политический дискурс: «*He's left everything on the field when it comes to this bill*» – «Он приложил все силы, когда дело коснулось этого законопроекта» (о поведении Д. Трампа по отношению к проекту закона о здравоохранении в США) [там же, с. 310].

В английском языке активно употребляется другой фразеологизм с аналогичным значением: *play one's heart out* – букв. «играть, оставляя сердце снаружи (на поле)».

Отмечается, что оборот с соматизмом *сердце* широко применяется для концептуализации смысла 'самоотверженная борьба в спорте' в южнославянских языках, например в хорватском: *igrati sa srcem* – букв. «играли с сердцем». Используется также фразеологизм, основанный на метафорической модели *ostaviti sve na (na terenu / parketu)* – «оставить все (на поле / паркете)» [Финк, 2021, с. 311]. Ж. Финк подчеркивает, что данный оборот используется не только журналистами в СМИ, но также тренерами и самими спортсменами, оценивая свою и командную игру.

Новые устойчивые обороты, основанные на метафоре, возникли в разных языках мира в результате пандемии коронавируса. Е.В. Бодрова и Л.Н. Чурилина в исследовании административного дискурса выявляют только одну метафорическую модель, на которой базируются метафорические фраземы «ковидного словаря», а именно «Пандемия коронавируса – это война» [Бодрова, Чурилина, 2021, с. 59]. Среди таких фразем – *фронт борьбы с коронавирусом, на передовой пандемии, штаб по борьбе с инфекцией, коронавирус нанес удар, на передовой пандемии, коронавирус бьет прицельно* и др. [там же]. Как можно видеть, эти фраземы являются только относительно новыми. Их основу составляют уже ставшие узуальными устойчивые коллокации, уподобляющие борьбу с болезнью войне: *фронт борьбы с болезнью, болезнь бьет по организму, болезнь наносит удар* и др. Е.В. Бодрова и Л.Н. Чурилина полагают, что возможности семантической трансформации лексем и появления на их основе новых метафорических сверхсловных единиц ограничиваются характером административного дискурса. Данный дискурс менее креативен, чем спортивный, в котором более активно реализуется потенциал метафорических моделей [Бодрова, Чурилина, 2021; Седова, 2021].

Пословицы и поговорки занимают важное место в интерпретации мира, обращая особое внимание на социальные нормы и фиксируя в своей семантике и прагматике (эксплицитно или имплицитно) культурные установки и предпочтения данной культуры [Абакумова, 2021]. Роль паремий в сохранении и выражении картины мира носителей языка делает их особым дискурсом, который получает развитие в современном языке. О.Б. Абакумова поддерживает точку зрения многих исследователей, согласно которой

ядерным элементом паремий является мотивирующий образ, основанный чаще всего на метафоре [Абакумова, 2021, с. 8].

В статье О.Б. Абакумовой выявляются метафорические концептуальные модели, на которых основаны русские и английские пословицы о правде. Распространенной является модель пространственной метафоры, которая построена на нескольких оппозициях: «верх / низ», «прямо / криво», «далеко / близко», «наружу / внутрь» (ее смысл – «правда открыта»), «центр / периферия». Русские и английские пословицы по ряду позиций совпадают в оценках ситуаций, однако существуют и различия. Например, пословицы, актуализирующие оппозицию «верх / низ», в обоих языках выражают сходные предпочтения. Правде приписываются правильность и надежность, что ассоциирует ее с «верхом» и соединяет с религиозно-духовным кодом культуры: *Правда у Бога, а кривда на земле; [Правду]... затопчи в грязь, а она все равно наружу вылезет*; англ. *Truth will out* – «Правда выйдет наружу / наверх»; *Truth is God's daughter* – «Правда – дочь Бога» [Абакумова, 2021, с. 8]. При этом русские пословицы акцентируют открытость правды, необходимость для человека быть искренним, а английские утверждают сокровенность правды и советуют общаться наедине: *Пропaday, кривда, выходи, правда, наружу!*; англ. *Face to face, the truth comes out* – «Правда выясняется лицом к лицу» [там же].

Сходный принцип актуализируется также во временной, биологической, онтологической, социоморфной и гастрономической моделях. Поэтому говорить о сходстве пословичных картин мира в двух языках, а в ряде моделей даже о предпочтении оценки в одном языке, можно только относительно.

В картине мира естественных языков большую роль играют образы, основанные на цветообозначениях. Цветообозначения имеют устойчивые символические смыслы, которые входят в концептосферу языка. Они характеризуются широкой сферой функционирования в дискурсах и способностью развивать значения. Динамика их значений проявляется преимущественно в фразеологизмах. Т.В. Сивова исследует фразеологизмы с цветовыми символами современного русского языка на материале Национального корпуса (НКРЯ), отражающего словоупотребление разных дискурсов – общего, газетно-публицистического, рекламного и интернет-

дискурса, которые сопоставляются с данными английских дискурсов [Сивова, 2021].

Семантический потенциал цветового символа *черный* прослеживается в статье Т.В. Сивовой на примере устойчивого оборота *черная вдова* и его модификаций. Помимо первоначального терминологического значения в биологии «вид пауков» фразеологизм имеет узуальные значения: 1) «женщина, убившая либо доведшая до смерти собственного мужа, как правило, не одного, а нескольких» и 2) «террористка-смертница» [там же, с. 280]. В современных дискурсах семантика и сферы употребления оборота еще более расширяются. Например, в комиксах (*Черная вдова* – персонаж серии комиксов Marvel «*Тревожные истории. Первое появление Черной вдовы*»); в брендинге: в косметике и парфюмерии, по ассоциации с персонажем комиксов (палитра для макияжа «*UTRA Beauty Marvel X Black Widow*»); в часовой промышленности (*Компания Ladoire Geneve представила коллекцию «Черная Вдова» [...]*); в вооружении (жаргонное название противопехотной мины *Black Widow*). Известно такое же название звезды-пульсара, которое используется астрономами в английском и русском языках [Сивова, 2021, с. 281–282].

В современных языках формируются устойчивые обороты с существительным *вдова* + прилагательные *белый, красный, зеленый, серый*, которые имеют широкую сферу функционирования: «*Зеленая вдова – та, которая живет без мужа летом, когда все кругом зеленеет*»; алкогольный коктейль «*Зеленая вдова*»; *Green Widow* – прозвище фигурантки уголовного дела в США, организовавшей убийство мужа. Возникают также контаминационные колористические обозначения, как *Black Widow Green* (марка рыболовных снастей) [там же, с. 283–284].

В религиозном дискурсе метафора играет особую роль: «это средство освоения той реальности, которая не дана нам в ощущениях, это нить, связывающая материальный и духовный мир» [Яковенко, 2021, с. 196]. Следовательно, обилие образов, в том числе метафорических, в библейских текстах является оправданным и они выполняют когнитивную функцию – через них означаются явления, которые не могут иметь прямых наименований. Вместе с тем, как отмечает Е.Б. Яковенко, со второй половины XX в. в межъязыковых переводах англоязычных библейских тек-

стов активно происходят отказ от метафор, их замена прямыми обозначениями или более простыми тропами. Деметафоризация перевода часто сочетается с другими способами симплификации, такими, как упразднение территориальных и культурных реалий, ограничение лексики и упрощение синтаксиса. В результате в переводах выявляются разные степени симплификации, как в вариантах перевода отрывка из стиха Matt 7:6. В Библии короля Иакова он имеет следующий вид: «...*neither cast your pearls before swine*» – «Не бросайте жемчуга вашего перед свиньями» (в русском языке на этой основе возник фразеологизм *метать бисер перед свиньями* [Яковенко, 2021, с. 199]. В ряде современных переводов происходит замена лексем на более распространенные синонимичные: *swine* на *pig* и *cast* на *throw*, *pearls* на *jewels* или *fine stones*, но при том определенная эквивалентность текста сохраняется. Однако замена предиката-прохибитива на вопросительно-восклицательное предложение вместе с лексическими трансформациями приводит к изменению модальности и более серьезному искажению смысла фрагмента: «*Who would... throw pearls in front of wild pigs?*», букв. «Кто стал бы бросать жемчуг перед дикими свиньями?» (перевод мой. – Е. О.).

Процесс симплификации Е.Б. Яковенко считает намеренной стратегией библейского перевода, нацеленной на создание «усредненного» текста, который может приобрести наднациональный характер и быть воспринят лицами разных культур и с разным уровнем образования. Подобные нивелированные тексты лишены литературных достоинств и связи с ранними культурно значимыми переводами, однако они имеют преимущество при использовании в миссионерской практике [там же].

Заключение

Таким образом, исследование подтверждает, что концептуальные метафорические модели обладают высоким семантическим потенциалом, который реализуется в разных дискурсах языка. Известно, что метафорические модели в значительной степени формируют традиционный пласт мировосприятия, отображенный в узуальных лексемах, фразеологизмах и паремиях. Однако они также определяют мотивацию новых языковых единиц – намено-

ваний, возникающих в новых условиях предметных и не предметных реалий.

Список литературы

- Абакумова О.Б.* Концептуальные метафоры в пословицах о лжи и правде // Славянская филология и паремиология: Национальное и интернациональное. Стабильное и изменчивое : К 70-летию со дня рождения проф. В.И. Коваля : сборник науч. статей / отв. ред. Ничипорчик Е.В. ; Гомел. гос. ун-т им. Ф. Скорины, Фразеол. комиссия при Междунар. комитете славистов. – Гомель, 2021. – С. 7–12.
- Бодрова Е.В., Чурилина Л.Н.* Эпоха коронавируса в коллокациях : (на материале административного дискурса) // Славянская филология и паремиология: Национальное и интернациональное. Стабильное и изменчивое : К 70-летию со дня рождения проф. В.И. Коваля : сборник науч. статей / отв. ред. Ничипорчик Е.В. ; Гомел. гос. ун-т им. Ф. Скорины, Фразеол. комиссия при Междунар. комитете славистов. – Гомель, 2021. – С. 57–60.
- Седова Н.К.* Концептуально-метафорическая репрезентация события в одном из жанров англоязычного спортивного дискурса // Вестник Моск. гос. лингв. ун-та. Гуманитарные науки. – Москва, 2021. – Вып. 13 (855). – С. 245–251.
- Сивова Т.В.* Черная вдова в цветовой концептосфере русского языка // Славянская филология и паремиология: Национальное и интернациональное. Стабильное и изменчивое : к 70-летию со дня рождения проф. В.И. Коваля : сборник науч. статей / отв. ред. Ничипорчик Е.В. ; Гомел. гос. ун-т им. Ф. Скорины, Фразеол. комиссия при Междунар. комитете славистов. – Гомель, 2021. – С. 279–285.
- Финк Ж.* О новейших спортивных неологизмах со значением самоотверженности // Славянская филология и паремиология: Национальное и интернациональное. Стабильное и изменчивое : к 70-летию со дня рождения проф. В.И. Коваля : сборник науч. статей / отв. ред. Ничипорчик Е.В. ; Гомел. гос. ун-т им. Ф. Скорины, Фразеол. комиссия при Междунар. комитете славистов. – Гомель, 2021. – С. 309–315.
- Яковенко Е.Б.* Деметафоризация современных англоязычных библейских переводов как путь к интернационализации // Вестник Моск. гос. лингв. ун-та. Гуманитарные науки. – Москва, 2021. – Вып. 6 (848). – С. 193–202.

УДК: 81'42

DOI: 10.31249/ling/2022.04.09

Опарина Е.О.¹

**ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА КОНСТРУИРОВАНИЯ
ЖАНРОВЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ТЕКСТОВ
(Обзор)**

*Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук*

Аннотация. В рассматриваемых работах исследуется роль языковых единиц в формировании текстов, относящихся к разным жанрам и функциональным сферам – к художественной литературе, в том числе к поэтическим текстам, к коммерческой рекламе и современному фельетону. Инструментом создания жанровых характеристик оказываются не только лексические средства, которые наиболее тесно связаны с внеязыковыми условиями и культурно-историческими процессами, но также особенности грамматического уровня. Роль языковых единиц в конструировании жанровой специфики текстов анализируется на примере отдельных языков и в межъязыковом переводе.

Ключевые слова: жанры текстов; языковые характеристики жанров; немецкоязычный фельетон; рекламные тексты; современные сказки; художественные / поэтические тексты; перевод; этническое самосознание.

¹ Опарина Е.О., Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, 2022.

Введение

В обзоре анализируются лексические и грамматические средства, участвующие в конструировании особенностей текстов, принадлежащих к разным жанрам. Жанры являются развивающимся феноменом, и формирующие их языковые средства постоянно обновляются в новых экстралингвистических условиях. Поэтому изучение данного вопроса является актуальным, особенно с учетом процесса взаимодействия лингвокультур, который интенсифицировался в результате развития новых технологий и глобализации.

Основная часть

Общие языковые признаки проявляются в специфическом жанре современной бытовой сказки в разных лингвокультурах. В статье О.С. Костарновой жанрообразующие характеристики современных бытовых сказок исследуются на материале русской, английской и итальянской лингвокультур [Костарнова, 2021]. В центре исследования О.С. Костарновой – общие для жанра и имеющие языковое выражение феномены, а именно: интертекстуальность, номадизм и гендерный фактор.

Явление номадизма означает существование ряда «кочующих» мотивов и сюжетов. Интертекстуальность проявляется в общности и сходстве ценностных ориентиров современных вариантов бытовой сказки, в трансфере сюжетных мотивов и культурных смыслов, а также в диалогичности текстов сказок. Интертекстуальность используется авторами современных сказок как средство адаптации старых сюжетных мотивов к современным реалиям и представлениям: «...завелся в этом царстве страшный-престрашный зверь под названием инфляция. Раньше эта инфляция жила далеко-далеко...» [там же, с. 64].

Гендерная маркированность является яркой особенностью современных сказок. При этом для русских и итальянских сказок характерно традиционное распределение гендерных ролей, которое выражается в употреблении номинаций, относящихся к бинарным оппозициям «женщина – мужчина», «муж – жена»: «Обрадовались муж и дети ее возвращению. [...] А баба вспомнила про подарок медведя и достала кузовок...» [Костарнова, 2021, с. 68].

Для английских современных бытовых сказок в большей степени характерна нейтрализация гендерных обозначений за счет обобщенных понятий, отсылок к профессии, межличностным отношениям или возрасту: *every child* – «каждый ребенок», *her friends* – «ее друзья», *his family* – «его семья». Таким образом, жанровые особенности современных бытовых сказок имеют свои вербальные способы воплощения. Сам характер жанровой специфики зависит от лингвокультурных особенностей языкового сообщества [Костарнова, 2021, с. 69].

Вопрос о роли языковых средств в конструировании жанровой специфики текстов приобретает особое значение при межъязыковом переводе, так как в этом случае должны учитываться не только требования эквивалентности текста, но также структурные и лингвокультурные характеристики языка перевода [Митягина, Клиникова, 2021; Никуличева, 2019].

В работе Д.Б. Никуличевой тема перевода художественных текстов связывается с грамматическими и лексическими особенностями исходного языка [Никуличева, 2019]. Исследование проводится на материале переводов текстов датской прозы и драматургии XX в. на русский язык. Д.Б. Никуличева обосновывает понятие когнитивного сюжета, определяя его как абстрактную ментальную структуру, производную от особенностей языковой категоризации и воспроизводимую в данной лингвокультуре. В качестве когнитивного сюжета, чрезвычайно значительного для датской лингвокультуры, рассматривается «сюжет отстраненного наблюдателя» [там же, с. 231], который определяет взаимоотношения персонажей, позицию нарратора и особенности развития событий в произведении.

В современной датской литературе сюжет отстраненного наблюдателя является воспроизводимым и смыслообразующим: он формирует идею отстраненности повествователя от действующих лиц или действующих лиц друг от друга. Перевод тестов датской художественной литературы на русский язык позволяет выявить связь эффекта отстраненности с особенностями временных форм и пространственных указателей датского языка. Так, формы претерита или плюсквамперфекта усиливают дистанцирование описываемого события от момента речи, в то время как в русских переводах передача претерита несовершенным видом глагола, наоборот, уси-

ливают эмпатичность. Категория таксиса (согласования времен), отсутствующая в русском языке, также создает в датском эффект дистанцирования, когда прошлое, настоящее и будущее героя повествования отличаются от восприятия соответствующих временных пластов повествователем. Кроме того, дистанцирование выражается в датском языке употреблением пространственных указателей, прежде всего наречием *der* – «там, туда», которое разделяет пространство повествователя и пространство субъекта повествования, но в русском переводе оказывается лишним: «*Han kigger om mod haven. Men han går ikke derind*» – «Он оборачивается и поглядывает на сад. Но так и не входит внутрь» [Митягина, Клиноква, 2021; Никуличева, с. 235].

Таким образом, ряд специфических особенностей грамматической категоризации в датском языке формирует когнитивный сюжет отстраненного наблюдателя, который является смыслообразующим для современной художественной литературы. В русских переводах он не воспроизводится полностью и последовательно, так как русский язык в меньшей степени обладает грамматическими ресурсами для выражения эффекта отстраненности [Никуличева, 2019].

В.А. Митягина и Ю.С. Клиноква исследуют закономерности выбора языковых единиц в переводе англоязычных рекламных текстов в сфере программного обеспечения [Митягина, Клиноква, 2021]. Материалом послужили тексты, расположенные на сайтах компании Adobe на английском, французском, немецком и русском языках.

В информационной сфере реклама активно пользуется стратегией интернационализации, что делает рекламный текст «пригодным для встраивания в рекламный дискурс целевой лингвокультуры, ориентируясь при этом главным образом на международные стандарты и тенденции» [там же, с. 94]. Однако в рекламных текстах действует прагматическая установка эффективного воздействия на иноязычного адресата. Следовательно, наравне с интернациональными элементами, которых много в отрасли программного обеспечения, присутствуют элементы, направленные на адаптацию к носителю языка перевода. Общая закономерность перевода с английского языка на другие европейские состоит в том, что наименования программного обеспечения не меняют

формы (*PDF, 3D, Creative Cloud, Photoshop, iPad*), при этом трансформации подвергаются синтаксические конструкции, прежде всего способы встраивания терминологических наименований в иноязычный текст. Например, в вопросно-ответных фразах, распространенных в данном жанре, во французском и немецком языках вводятся личные местоимения в тех фрагментах, где английский и русский языки обходятся без их экспликации: *Questions? We have answers. – Возникли вопросы? У нас есть ответы. – Vous avez des questions? nous avons des réponses! – Hast du Fragen? Wir haben die Antworten* [Митягина, Клиноква, 2021, с. 99]. Изменения конструкций обусловлены нормативными требованиями языков или узусом. Как правило, исходный английский текст оказывается более лаконичным, чем переводные. На уровне лексики адаптации могут подвергаться терминологические номинации из других научных областей или общенаучного характера, такие, как названия единиц измерения; также может отсутствовать информация, которая не является первостепенной для адресата – носителя языка перевода.

Таким образом, перевод рекламных текстов осуществляется через сочетание приемов интернационализации и адаптации, что направлено на глобализацию сферы программного обеспечения, с одной стороны, и на достижение эффективного воздействия – с другой.

В языковых средствах проявляется динамика жанров СМИ, зависящая от изменений современного информационного общества. Е.А. Северина анализирует изменения, наблюдаемые в жанре немецкоязычного фельетона [Северина, 2021]. Материалом для анализа послужили 20 фельетонов, опубликованных в немецкоязычных изданиях. Для современного фельетона характерны различные композиционно-речевые формы, в которых доминирующую роль играют определенные языковые средства. Всего выделены четыре композиционно-речевые формы: дескриптивная, реферативная, нарративная и аргументативная.

Для дескриптивной формы главной целью является передача обобщенных фактов, поэтому она характеризуется наиболее краткой подачей информации. Лаконичность изложения реализуется в превалировании пространственных связей, описывающих ситуацию в определенный момент, над временными. Отсюда частое ис-

пользование обстоятельств места, топонимов, наличие статических глаголов. Реферативная форма дает более полное описание ситуации, представляя ее с разных позиций, однако опять же в статике. Вводятся обобщающие и систематизирующие композиционные компоненты, повторы и единицы, которые выражают переходы от одной темы к другой.

В нарративной речевой форме события передаются в динамике и автор включается в повествование как действующее лицо. Ключевая роль отводится хронологии событий, поэтому увеличивается количество обстоятельств времени, придаточных времени, указаний на даты и других маркеров темпоральности. Например: «*Erinnern Sie sich noch an die Zeit vor genau einem Jahr?*» – «Вы помните, что это было ровно год назад?» [Северина, 2021, с. 155]. Нарративная композиционно-речевая форма сближает жанр фельетона с художественной литературой и другими публицистическими жанрами.

Аргументативная форма немецкоязычного фельетона отличается логической организованностью изложения. Для подтверждения фактов вводятся ссылки на известные адресатам источники, такие как интернет-ресурсы; для установления диалога с адресатом авторы нередко приводят данные личного характера: «*Nach meinem Studium in Kommunikationswissenschaft und BWL...*» – «После моей учебы в сфере коммуникации и бизнес-администрирования...» [там же, с. 156]. Также в современном немецкоязычном фельетоне заметны заимствования тактик и стратегий научных направлений. Кроме того, переход фельетона в Интернет способствует слиянию разных функциональных стилей. Е.А. Северина рассматривает выявленные особенности современного немецкоязычного фельетона как знак его гибридизации [Северина, 2021, с. 157].

Лексические и фразеологические единицы служат маркерами культурно-национального самосознания. Как отмечали многие лингвисты, в том числе А. Вежбицкая, между пластами культуры языкового сообщества и лексикой языка существует тесная связь.

Вопрос о роли языковых средств в формировании жанровых особенностей обретает дополнительные аспекты по отношению к художественным текстам, которые строятся по принципам поэтического языка, имеющего особую семантику и сочетаемость. О.В. Соколова исследует прием «иноязычия» как приема, исполь-

зуемого в русской поэзии неоавангарда (вторая половина XX в.) для остранения языка, его отличия от привычной повседневной формы [Соколова, 2019].

Стратегия остранения является одной из ключевых для поэтического языка: в манифесте раннего русского авангарда «Искусство как прием» В.Б. Шкловского поэтический язык определялся как «чужой», чужеродный», позволяющий поэту вести диалог с языком и вывести его восприятие из автоматизма [там же, с. 262]. Способы остранения поэтического языка анализируются до настоящего времени в работах отечественных и зарубежных исследователей (М.М. Бахтин, А.А. Реформатский, М.Н. Эпштейн, Ж. Делез и др.). Для русского неоавангарда ведущим приемом является поиск праязыка и протослова, который восходит к экспериментам раннего авангарда со «звездным» языком. «Согласно В. Хлебникову, воссоздание утраченной культурно-исторической целостности человечества возможно только через конструирование заумного языка, являющегося одновременно и праязыком, и “грядущим мировым языком в зародыше”» [там же, с. 264]. Обращенность к другим стадиям развития языка происходит через прямое обращение к истории языка или «метафорическое» переосмысление существующих форм – древнерусского, праславянского, диалектов.

Другими приемами являются использование иноязычных элементов как знаков других семиотических кодов или остранение собственного языка, например, через его сближение с фонетически сходными формами других языков: *«ай ja ja ja ja ja j // да ладно ай»* [Соколова, 2019, с. 265].

В отличие от концепций поэтического билингвизма или мультилингвизма, подразумевающего любые формы введения других языков в поэтические тексты и дискурсы, иноязычие фокусируется на остранении собственного языка, что повышает эффективность его воздействия в поэтической коммуникативной ситуации.

Тексты художественной литературы стремятся отразить национальную и культурную специфику. Р.И. Проклов прослеживает роль лексики и устойчивых словосочетаний в формировании национальной идентичности на примере бразильского романа, написанного в первой трети XX в. Роман «Печальная судьба Поликарпо Куарезмы» был создан известным бразильским писателем Афонсо

Энрике де Лима Баретто в 1911 г.; его действие относится к 1889–1930 гг., т.е. к начальному периоду Первой Бразильской Республики. Роман стал для бразильской литературы прецедентным текстом и, более того, до настоящего времени является разновидностью «национальной интертекстуальной энциклопедии» [цит. по: Проклов, 2021, с. 129]. Такие характеристики произведения делают его надежным источником, позволяющим выявить группы лексических реалий, которые непосредственно участвовали в становлении этнического самосознания бразильцев и были для него наиболее важными. Р.И. Проклов подробно рассматривает две лексико-семантические группы этноспецифических единиц, которые были выделены методами непосредственной выборки и с помощью специализированного программного обеспечения для обработки естественного языка: 1) «природная» группа – наименования географических реалий и эндемиков; 2) группа общественно-исторических реалий. Отмечается, что первая группа значительно превосходит по количественному составу вторую. В ее числе – ландшафтные наименования, флора, фауна, названия сельскохозяйственных культур, природных ископаемых, т.е., все, что формировало природную среду Бразилии. Установлено, что наибольшее количество единиц приходится на сельскохозяйственную тематику и животный мир: *saguinus* – «тамарины», *cutias* – «агути», *batatas-doces* – «картофель», *as mangas* – «плоды манговых деревьев», *aipins* – «сладкий маниок» и др.

Культурные реалии представлены в меньшей степени. В данной группе присутствуют названия событий бразильской истории, народных песен и танцев, праздников, названия художественных и историографических произведений, гастрономических блюд, имена известных людей, связанных с историей страны. Заметно очень малое количество единиц, относящихся к фольклору (за исключением *modinha* – «модинья») и искусству (за исключением нескольких наименований архитектурных сооружений и топонимов). Это свидетельствует об отсутствии в описываемый период устоявшихся культурных практик, относящихся к данной сфере и возникших на бразильской почве. Р.И. Проклов отмечает значительный набор историографических текстов, ставших прецедентными для бразильской культуры, однако большинство из них восходит к колонизаторскому наследию, как *Pigafetta* – Пигафетта

(хроники путешествия Магеллана). Также формируется пласт номинаций, обозначающих складывающуюся бразильскую этничность и ее признаки: *caboclo* – «кабоккло» (человек смешанного происхождения, среди предков которого европейцы и представители коренного населения Бразилии), *lingua do tupi-guarani* – «язык тупи-гуарани» (язык группы коренных племен Бразилии) [Проклов, 2021]. В целом исследование языковых единиц романа позволяет сделать вывод, что в начале XX в. представления бразильцев о собственной культурно-национальной идентичности только формировались, однако связанные с данной темой вопросы уже осознавались обществом и стали предметом художественного осмысления в жанре романа [там же, с. 137].

Заключение

Таким образом, в конструировании жанровой специфики значительную роль играют языковые единицы различных уровней, но прежде всего – лексические. При этом они выполняют разные функции: выражают культурные коннотации, свойственные языку; формируют этническое самоосознание, образуя группу специфичных реалий. Они также способствуют динамике жанров, как было показано на примере современного немецкоязычного фельетона. В переводе лексические единицы и устойчивые словосочетания создают интернациональную терминологию в новых технологических областях. «Остраненная» лексика также играет одну из ведущих ролей в современном направлении неоавангардизма, продолжая традиции русского авангарда начала XX в.

Список литературы

- Костарнова О.С.* Жанровые характеристики бытовой сказки (на материале современных русских, английских и итальянских сказок) // Вестник Моск. гос. лингв. ун-та. Гуманитарные науки. – Москва, 2021. – Вып. 6 (848). – С. 59–71.
- Митягина В.А., Клишкова Ю.С.* Прагматика перевода в интернационализации рекламы // Вестник Моск. гос. лингв. ун-та. Гуманитарные науки. – Москва, 2021. – Вып. 6 (848). – С. 93–104.
- Никуличева Д.Б.* Когнитивные сюжеты, задаваемые грамматикой, и сложности их перевода // Понимание. Интерпретация. Когнитивное моделирование : сборник научных трудов в честь 70-летия В.З. Демьянкова / отв. ред. вы-

- пуска Ковшова М.Л. – Тамбов : Издат. дом «Державинский», 2019. – С. 231–239. – (Когнитивные исследования языка ; вып. 36).
- Проклов Р.И.* Лексические средства формирования этнического самосознания в бразильском романе первой трети XX века : (на материале романа «Печальная судьба Поликарпо Куарезмы») // Вестник Моск. гос. лингв. ун-та. Гуманитарные науки. – Москва, 2021. – Вып. 6 (848). – С. 126–138.
- Северина Е.А.* Гибридные характеристики современного немецкоязычного фельетона // Вестник Моск. гос. лингв. ун-та. Гуманитарные науки. – Москва, 2021. – Вып. 6 (848). – С. 148–158.
- Соколова О.В.* Поэтический язык как «чужеземный»: иноязычие в современной русской поэзии // Понимание. Интерпретация. Когнитивное моделирование : сборник научных трудов в честь 70-летия В.З. Демьянкова / отв. ред. выпуска Ковшова М.Л. – Тамбов : Издат. дом «Державинский», 2019. – С. 262–269. – (Когнитивные исследования языка ; вып. 36).

**ПОЛИМОДАЛЬНЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ ДИСКУРСА /
отв. ред. О.К. Ирисханова. – Москва : Издательский Дом ЯСК,
2021. – 448 с. – (Studia Philologica)
(Реферат)**

Ключевые слова: лингвистика текста; дискурс; поли-
модальность; мультимодальность.

В коллективной монографии представлено два взаимосвязанных подхода к исследованию феномена полимодальности (мультимодальности): изучение полимодального дискурса и применение полимодальных технологий для дискурсивного анализа. Таким образом, полимодальность впервые показана одновременно как свойство дискурса и как исследовательская установка. На материале русского, английского и немецкого языков анализируются устный и письменный дискурсы в разных проявлениях – устные описания произведений живописи, театральные постановки, кино-дискурс, романы, социальные плакаты. Исследования выполнены с когнитивных позиций, и взаимодействия разных модальностей (речи и жестов, речи и видеоряда, текста и изображения) изучаются с точки зрения когнитивных механизмов (де)фокусирования, концептуальной интеграции, резонанса, фиктивной коммуникации, лежащих в основе согласования разных семиотических систем дискурса.

Во введении отмечается, что за последние годы полимодальность, или мультимодальность, превратилась в одну из наиболее актуальных тем для целого ряда направлений научной и прикладной деятельности – от медицины и транспортной логистики до искусствоведения и науки о языке. Появились такие термины, как мультимодальная перевозка, мультимодальная терапия, полимодальный психолог, полимодальный дискурс, мультимодальная (полимодальная) лингвистика.

Если в балете, музыке, театральном искусстве и психологии полимодальность завоевала прочные позиции, то в науке о языке она только набирает обороты, не сформировав пока еще самостоятельной и относительно гомогенной области исследования. Одна из проблем, стоящих перед лингвистами, изучающими полимодальность, заключается в разработке таких методов анализа материала, которые, сочетая в себе количественные и качественные подходы, были бы применимы ко всему диапазону исследуемых средств и позволяли бы увидеть все тонкости совместной адаптации разных семиотических ресурсов в едином пространстве дискурса.

Именно поэтому в данной монографии полимодальность рассматривается с двух позиций – как свойство естественной коммуникации и как технология анализа дискурса.

С точки зрения полимодальности дискурса лингвистические исследования в целом следуют двум векторам: вектору устного дискурса, в котором рассматривается взаимодействие речи и просодии, речи и жестов, речи и видеоряда; вектору письменного дискурса, где в поле зрения исследователей попадают как сами тексты и их графическая аранжировка, так и иллюстрации (рисунки, фотографии, диаграммы и пр.).

Отвечая этой тенденции, логика представления глав в данном исследовании строится на двух измерениях дискурса – устном вербально-жестовом и вербально-изобразительном. Причем последнее измерение касается как письменных, так и устных форм дискурсивной деятельности – кинодискурса, романа с иллюстрациями, социального плаката. Для каждого типа дискурса предлагаются собственные методы полимодального анализа.

Каждая из глав представляет отдельное исследование, однако все работы связаны не только семиотической разновидностью изучаемых видов дискурса, но и тем, что авторы опираются на когнитивные принципы и методы анализа языкового и неязыкового материала. Общая цель, таким образом, состоит в том, чтобы выявить закономерности совместного употребления коммуникативных ресурсов, относящихся к разным модальностям (речи и жестов, речи и видеоряда, текста и рисунка), определить вклад каждой модальности в построении значений в дискурсе, а главное – показать, что в основе полимодальных дискурсивных явлений лежат

определенные когнитивные процессы и механизмы: распределения внимания, резонанса, метафоризации, концептуальной интеграции.

Монография состоит из четырех разделов, в каждом представлено несколько глав.

Раздел I «Полиmodalность как исследовательская установка» – одновременно обзорный и установочно-методологический. В нем формулируются методологические основания двух развиваемых коллективом авторов подходов к «измерению» полиmodalности в дискурсе – полиmodalности как феномена естественной коммуникации и как исследовательской технологии.

В главе I «Полиmodalность как исследовательская установка» (О.К. Ирисханова) показаны возможности изучения полиmodalности в дискурсах разного типа в контексте развития науки и на современном этапе, который характеризуется установкой на поли-, мульти-, кросс- и интеркоммуникацию. Полиmodalность представлена как способность соединять в одном коммуникативном акте знаки разных семиотических и сенсорных планов. Обобщая направления и проблематику полиmodalных исследований дискурса, автор обнаруживает не только сходства, но и специфику разных дискурсивных modalностей, проявляющуюся в их семиотической природе, когнитивных характеристиках, коммуникативных функциях, а также в выборе методов их исследования.

Автор полагает, что при всех своих различиях термины *мультиmodalность*, *полиmodalность*, *поликодovость* и пр. не являются взаимоисключающими. Фактически они применимы к одному и тому же материалу (т.е. к письменным и устным текстам – монологическим и диалогическим), однако каждый из них смещает акцент на определенные дискурсивные аспекты.

В настоящей монографии в качестве зонтичного термина применяется термин *полиmodalность* (полиmodalный дискурс), который используется как синоним термину *мультиmodalность* (мультиmodalный дискурс). Оба понятия указывают на способность сочетать в едином акте коммуникации несколько modalностей (т.е. знаковых систем и каналов коммуникации). Таким образом, в монографии в целом применяется расширенное понимание полиmodalности/мультиmodalности, которое включает в себя и мультиканальность.

В главе 1.2. «Полиmodalность как технология исследования» (М.И. Киосе) полиmodalность представлена как технология исследования коммуникации, где показатели одной modalности (например, визуальной), используются для анализа другой modalности (например, речевой), что позволяет делать выводы об особенностях конструирования коммуникативных систем и функций modalностей. Полиmodalная технология исследования задеиствует методики триангуляции, преимущества которых демонстрируются в главе, поэтому она претендует на большую объективность, чем многие другие технологии и методы когнитивного анализа.

Еще одной сильной стороной разрабатываемого метода является его опора на данные статистического анализа, полученные в ходе как корпусного анализа, так и анализа данных в отношении сближаемой нелингвистической modalности. Для его реализации в зависимости от типа переменных (дискретные и недискретные) и типа выборок (параметрические и непараметрические) применяются разные варианты анализа, в большинстве случаев с применением статистических пакетов для обработки данных. Для обработки данных корпусного анализа чаще всего мы имеем дело с дискретными переменными. Для обработки результатов корпусного анализа используются, например, такие пакеты конкордансеров, как Word-Smith Tools, AntConc и др. При аннотировании текстов можно использовать как стандартные средства Microsoft Office, так и другие программы ELAN, UAM Corpus Tools и др. При обработке данных экспериментального анализа мы сталкиваемся с недискретными переменными – это диапазоны реакций испытуемых (время распознавания, продолжительность реакций). В некоторых случаях обработка может ограничиваться дескриптивной статистикой, например, нахождением средних значений; однако в большинстве случаев требуется процедура аналитической статистики, связанная с обнаружением сопряженности значений двух или более переменных или факторов.

Возможность использования статистических данных для реализации полиmodalного анализа позволяет говорить о том, что трудноуловимые лингвокогнитивные процессы и механизмы могут быть «измерены», что способствует преодолению ограниченности их интроспективного и описательного анализа. Результаты,

таким образом, являются более достоверными, а значит, получают большую прикладную ценность.

Еще одно неоспоримое достоинство полиmodalного метода лигвокогнитивного анализа заключается в том, что он имеет важную объяснительную силу не только в отношении двух сближаемых семиотических систем – лингвистической и перцептивной. Полученные статистические данные об особенностях синхронизации параметров и показателей двух систем могут быть применены для анализа параметров реализации общих когнитивных механизмов других семиотических систем.

Автор считает, что вышеизложенные результаты найдут свое применение при анализе комплексных систем коммуникации, например поликанальной, поликодовой, полиmodalной в самом широком плане.

В разделе II «Вербально-жестовое измерение modalности» и разделе III «Вербально-изобразительное измерение полиmodalности» представлены отдельные методики, процедура и результаты проведенных исследований, нацеленных на изучение полиmodalного дискурса в условиях вербально-жестовой и вербально-изобразительной коммуникации.

В главе 2.1 «Речь и жесты в описательном дискурсе» (О.Н. Прокофьева, О.К. Ирисханова, М.И. Киосе) изучаются возможности синхронизации речи и жестов в устном описательном дискурсе. В ходе исследования используется многоэтапная процедура анализа, включающая подготовительный эксперимент и последующую комплексную (параметрическую, статистическую) обработку полученных вербальных и жестовых данных. Для установления ведущего типа синхронизации языка и жестов авторы применяют методику векторного анализа вербальных и жестовых дискурсивных профилей.

Авторы совмещают два подхода к исследованию полиmodalности: с одной стороны, объектом исследования является полиmodalный дискурс – устная речь, сопровождаемая спонтанными жестами (см. главу 1.1), с другой – проводится полиmodalный анализ, который построен на применении смешанной триангуляции, включающей окулографический анализ поведения говорящих на этапе, предшествующем порождению устной речи (см. главу 1.2).

Таким образом, в сам анализ материала добавляется еще одна модальность – перцептивно-зрительная.

В целом в данной главе рассматриваются особенности синхронизации речи и жеста при конструировании фрагментов описательного дискурса. Для их исследования проведен и обработан материал комплексного эксперимента, включающего окулографический компонент и последующее речевое описание рассмотренных в ходе окулографической фазы изображений. Был собран и аннотирован с учетом параметров фокусирования собственный подкорпус данных из 1) окулографических карт распределения внимания и 2) видеозаписей с зафиксированными речью и жестами участников. Проблема изучения характера синхронизации решается с привлечением дискурсивных профилей речи или жеста, которые представляют собой многомерные векторы относительных показателей параметров. Анализ векторных профилей выявил две возможности синхронизации: первая предполагает адаптацию модальностей, при которой будет превалировать дублирование одной и той же информации в речи и жестах, вторая – комплементарность модальностей, при которой дублирование будет выражено в меньшей степени. Применительно к описательному дискурсу, в конструировании которого участвуют речевая и жестовая модальности, наиболее характерной оказалась адаптация модальностей.

В главе 2.2. «Речь и жесты в дискурсе драмы» (Е.Г. Логинова, А.А. Ржешевская) особенности взаимоадаптации речи и жеста в дискурсе драмы анализируются в контексте множественной перспективизации и семиотического резонанса. Устанавливаются разновидности кросс-модальных сценариев семиотического резонанса в дискурсе драмы, предполагающие две схемы развития исходной коммуникативной ситуации с позиции жестового употребления: усиление смысловых проекций и установление дополнительных смысловых проекций за счет жестовой модальности.

Достаточно детально авторы рассматривают специфику театральное жеста как одного из наиболее значимых коммуникативных ресурсов в сценическом воплощении пьесы. Представляются особенности вербальных указаний на жестовое поведение персонажей в драматургическом тексте и суммируются возможности реализации жестовой модальности в сценических интерпретациях пьес (А. Вампилов, А. Казанцев, Н. Садур).

В главе 3.1 «Поэтика кинодискурса в полиmodalном измерении» (И.В. Зыкова) исследуется роль вербальной modalности в создании кинематографической метафоры. В ходе анализа вербальной, визуальной и звуковой modalностей метафор отечественных комедий автор проводит реконструкцию модели поэзиса киновосприятия в художественной реальности. В результате выявляются два основных типа кинематографических метафор – моновербальные кинометафоры и поливербальные кинометафоры (и ряд их подтипов), а также устанавливаются полиmodalные стратегии их конструирования в дискурсе.

Автор представляет новый подход к изучению поэтики кинодискурса и кинематографической образности, в котором ключевыми являются такие взаимосвязанные понятия, как «кинематографическая перформативность», «лингвистическая креативность» и «поэзис киновосприятия». Разработка данных понятий ложится в основу предлагаемой методологии системного анализа кинометафор, основанных на языковых единицах и конструирующих поэтику комедийного фильма. Выявляются полиmodalные стратегии создания кинометафор и их лингвокреативный потенциал. Показано, что применение предлагаемой методологии позволяет реконструировать поэзис киновосприятия как процесс «создания» кинометафоры реципиентом в ходе просмотра фильма. Полученные результаты позволяют расширить представление о креативных возможностях языка в полиmodalном построении образной системы как комедийного кинопроизведения, так и кинодискурса как такового.

В главе 3.2 «Поэтика художественного текста в полиmodalном измерении» (Е.И. Карпенко) рассматриваются виды взаимодействия вербальной и невербальной modalностей в художественном тексте. Исследование проводится с акцентом на литературные тексты, в которых вербально «визуализируются» значимые элементы иконографических топосов. В качестве когнитивного механизма, обеспечивающего иконографическое прочтение литературного текста, рассматривается концептуальная интеграция эквивалентных элементов вербального текста и произведения изобразительного искусства. Устанавливается, что наиболее часто в литературный нарратив интегрируются наглядные элементы иконографических

топосов (поза, жесты, предметы), несущие не только иконическую, но и символическую смысловую нагрузку.

В главе 3.3 «Полиmodalность фиктивной коммуникации в дискурсе социальной рекламы» (Н.В. Алексеенко) выявляются полиmodalные маркеры фиктивной коммуникации и устанавливается их взаимосвязь в данном типе дискурса с учетом когнитивных механизмов перспективизации и концептуальной интеграции, участвующих в реализации данного явления. Анализ демонстрирует, что в трех обнаруженных типах фиктивной коммуникации – вербально-интерактивной, визуально-интерактивной и полиmodalно-интерактивной – используются разные способы вовлечения зрителя в фиктивное взаимодействие с персонажем плаката через визуальные и вербальные средства, что приводит к совмещению разнонаправленных перспектив данных участников фиктивного диалога.

Раздел IV «Полиmodalные технологии исследования дискурса. Метод айтрекинга» демонстрирует методики использования полиmodalности как технологии исследования для анализа особенностей функционирования одной из modalностей – вербальной. Для изучения такого типа взаимодействия modalностей используется окулографическое оборудование.

В главе 4.1 «Полиmodalные технологии исследования процесса запоминания иноязычных лексических единиц» (А.И. Измалкова, И.В. Блиникова) рассматривается применение полиmodalной технологии исследования когнитивных процессов на примере задачи запоминания незнакомых иноязычных лексических единиц вне контекста. На основе анализа основных подходов к проблеме запоминания иноязычных лексических единиц в психологии делается вывод о связи результата запоминания с использованием вербальной и образной систем памяти. Приводятся результаты серии эмпирических исследований запоминания иноязычных лексических единиц, проведенных с использованием метода окулографии. В двух предварительных сериях демонстрируется эффект визуальных характеристик стимулов на восприятие иноязычной лексики, отражающийся в показателях окулометрии. Выдвигается гипотеза о связи результата воспроизведения с использованием когнитивных стратегий запоминания, предполагающих акцент на разные modalности (визуальную, акустическую или их взаимодействие), которая находит подтверждение в заключительном ис-

следовании. Выделяются характерные паттерны движений глаз испытуемых при использовании «графической», «фонематической» и «ассоциативной» когнитивных стратегий.

В главе 4.2 «Полиmodalные технологии изучения текстовой образности» (М.И. Киосе) демонстрируется методика проведения полиmodalного анализа лингвистических категорий на материале исследований с включенным окулографическим компонентом. В качестве примера реализации технологии представлена пошаговая процедура решения задачи, которая заключается в том, чтобы ответить на вопрос: почему человек в некоторой ситуации выбирает для реализации коммуникативного намерения одну из многочисленных, но на первый взгляд слабо отличающихся образных предикативных конструкций типа *Вася – пень* и *Вася как пень*? Задача решается путем привлечения когнитивно-функционального, корпусного и когнитивно-психологического (окулографического) этапов анализа. В исследовании последовательно определяются основные типы образных предикативных конструкций и общий для них когнитивный механизм конструирования (здесь это механизм перспективизации); устанавливаются корпусные показатели частотности языкового оформления конструкций с учетом возможных техник реализации механизма; проводится окулографическая верификация выделенных техник.

Е.А. Казак,

*Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)*

**РЕЧЕВАЯ КОММУНИКАЦИЯ В СЕТЕВЫХ СТРУКТУРАХ:
МЕЖДУ ГЛОБАЛЬНЫМ И ЛОКАЛЬНЫМ:
сб. науч. трудов / РАН, ИНИОН, Отд. языкознания ;
отв. ред. Потапов В.В., Казак Е.А. – Москва, 2022. – 280 с.
(Реферат)**

Ключевые слова: Интернет; язык Интернета; интернет-коммуникация; интернет-пользователь; интернет-мем; цифровизация; социальные сети.

В сборнике рассматриваются инновационные процессы, происходящие в Интернете и иных электронных средствах массовой коммуникации, которые привели к возникновению нового подхода к пониманию общественной жизни как существующей в условиях глобального информационного пространства.

Анализируются причины обращения к интернет-коммуникации, ее особенности и отличия от традиционного прямого общения.

Особое внимание уделяется исследованию методов общения в сетевых структурах, при которых передача информации происходит с использованием различных форм ее обмена и представления.

Сборник состоит из трех разделов: «Последствия воздействия интернет-коммуникации на интернет-пользователей», «Проблемы теории интернет-коммуникации», «Прикладные аспекты интернет-коммуникации».

Статья Р.К. Потаповой, В.В. Потапова «Аддитивная трансформация личности в эпоху цифровой коммуникации» посвящена обсуждению ряда актуальных проблем, охватывающих особенности каузальной связи между валеологическими ценностями молодого поколения интернет-пользователей и факторами интернет-влияния на когнитивные, нейрофизиологические и психофизиологические изменения показателей функционального состояния мозга. При этом затрагиваются различные аспекты связи интернет-коммуни-

кации с восприятием цифровых средств передачи информации. Рассматривается феномен нехимической зависимости (аддикции) молодого поколения интернет-пользователей. Современная интернет-коммуникация рассматривается авторами по аналогии с ломбард-эффектом как поликодовый «шум», влияющий на изменение когнитивных, нейрофизиологических и психофизиологических показателей параметров состояния человека. Формулируется гипотеза «вербальной деградации» юных интернет-пользователей, ведущей к оскудению словарного запаса русского языка и упрощению синтактико-семантических конструкций, постепенному частичному переходу от синтетизма русского языка к аналитизму, своего рода возврату к передаче информации с помощью рисунков, условных знаков и т.д. Затронутые в статье проблемы и их обсуждение помогают «высветить» *реперные точки* влияния интернет-коммуникации на здоровье и картину мира молодого поколения.

Исследования особенностей процесса интернет-коммуникации проводились в течение длительного временного периода и ранее. Однако именно в последнее время обрела особую актуальность проблема изучения эффекта воздействия современной цифровой информационно-коммуникационной среды Интернета на когнитивные и нейрофизиологические характеристики пользователей этой среды. Данная проблема приобрела особое значение в связи с лавинообразным ростом различных видов подобного воздействия, что, как свидетельствуют многочисленные факты, приводит к неконтролируемым отрицательным последствиям применительно к когнитивному и нейрофизиологическому профайлингу пользователей Интернета. В данном случае представлен валеологический аспект современного состояния интернет-социума. При этом специфика данного воздействия связана прежде всего с восприятием поликодового интернет-контента, что обуславливает необходимость применения в исследовании междисциплинарных методов и подходов.

А.А. Атабекова в статье «Коммуникация в социальных сетях в период пандемии коронавируса: тенденции и социальная значимость анализа», проведя краткий обзор тематики академического анализа общения в социальных сетях в условиях распространения коронавирусной инфекции, отмечает следующее.

Общение в социальных сетях в условиях пандемии коронавируса является объектом изучения разных направлений научного анализа. Ученые рассматривают социальные сети как пространство распространения инфодемии, формирования общественного мнения и социальных настроений, представления и продвижения политических лидеров и партий, социокультурной и геополитической стигматизации коронавируса. Тематика научных публикаций подтверждает, что коммуникация в социальных сетях в условиях текущей пандемии стала существенным элементом государственного управления в интересах развития и стабилизации общества, реализации маркетинговых стратегий в бизнесе, отражением реакции языкового сознания личности на феномен COVID-19.

Изложенное выше позволяет говорить о социальной значимости исследований коммуникативных процессов в социальных сетях. Речевое (часто визуально поддержанное) общение в интегральной форме отражает состояние общества в целом; в вербальной форме представляет вопросы, которые волнуют граждан государства, их социально-культурные, экономические и политические ожидания; обеспечивает деятельность государственных и общественных структур по оперативному взаимодействию с членами общества посредством цифровых технологий.

Изучение данных различных направлений академического анализа общения в социальных сетях представляется актуальным для стабильного развития современного общества в международном и национальных измерениях. Анализ тематики и интерпретация коммуникативных тенденций в социальных сетях способствует определению тех инструментов, мер, ресурсов, которые государству необходимо использовать и предоставить своим гражданам для укрепления их социального благосостояния, стабильного развития, комплексной защищенности каждого члена общества перед лицом глобальных вызовов современности.

В статье О.В. Дедовой «Актуальные направления интернет-лингвистики: язык в Интернете vs Интернет в языке» обсуждаются языковые изменения, обусловленные масштабным распространением интернет-коммуникации. Указывается, что влияние Интернета на язык многопланово и в настоящее время не может рассматриваться только с точки зрения своих негативных последствий (как «порча языка»). Происходящие сдвиги объективны, они вы-

званы сменой носителя письменного текста и появлением новых каналов коммуникации, в результате чего развивается так называемый язык *Интернета*. Актуальными задачами интернет-лингвистики являются выявление специфики формирующихся жанров с учетом инновационных категорий электронного текста (**язык в Интернете**), а также изучение лексических и лексикографических аспектов неологических номинаций данной сферы (**Интернет в языке**). Помимо этого Интернет стал важнейшим источником лингвистической информации, что не может не учитываться современными научными исследованиями.

Проблематика, связанная с описанием различных аспектов воздействия интернет-коммуникации на современные языки, является чрезвычайно актуальной в настоящее время. Сейчас уже очевидно, что последствия коммуникативной революции, связанной со сменой материального носителя письменного текста, многоплановы и глобальны. Воздействие интернет-коммуникации на языковые процессы не ограничивается смещением стилистических границ, нарочитой неграмотностью, нарушением равноуровневых правил и т.д. В данной статье автор рассматривает различные аспекты происходящих сдвигов.

М.Ю. Сидорова в статье «Субъект и субъектность в интернет-коммуникации: 20 лет спустя» отмечает, что, поскольку особенности субъектного плана в интернет-коммуникации (анонимность, конструирование виртуальных личностей, карнавализация и т.п.) были предметом изучения лингвистов и психологов с самого начала ее распространения, актуальной является задача анализа текущих процессов в области интернет-коммуникации, затрагивающих субъектность. Эти процессы обнаруживают как преемственность с предыдущими стадиями, так и новации, обусловленные и внутренними причинами, в первую очередь диверсификацией форматов общения и получения информации, и внешними, как например, активизация использования интернет-коммуникации в бизнес- и учебных целях, необходимость государственного контроля над цифровыми личностями при сохранении прав последних и т.п. Также они сопровождаются усилением автономии текста по отношению к исходному автору, обстоятельствам создания и первичной аудитории; активным взаимодействием онлайн-овых и офлайн-овых способов коммуникации; обострением языковой реф-

лексики пользователей над субъектностью в сфере общения при меньшем внимании к субъектности в сфере получения информации; и другими явлениями, связывающими изменения в коммуникативной деятельности человека с изменениями в его мышлении и внеречевом поведении.

В конце XX – начале XXI в., на заре лингвистического изучения интернет-коммуникации, исследовательские векторы ориентировались в двух направлениях:

во-первых, необходимо было с **синхронной** позиции «ухватить» актуальные языковые процессы, развивавшиеся в интернет-среде, соотнести их с общими закономерностями развития сознания и коммуникации, включить в русскую лингвокультурную парадигму;

во-вторых, было интересно сделать прогнозы развития новой коммуникационной сферы на будущее – как самой по себе, так и относительно ее взаимодействия с другими коммуникативными форматами, в частности, с непосредственным устным общением, письменной и печатной коммуникацией, телевизионными и радио СМИ, предугадать степень и формы сближения или расхождения культуры виртуальной с культурой реальной.

Реализации некоторой части этих задач была посвящена монография 2006 г. Сидорова М.Ю. «Интернет-лингвистика. Русский язык: межличностное общение». Спустя фактически 20 лет (учитывая, что в книгу вошли материалы, собиравшиеся и исследовавшиеся с конца 1990-х годов) автор полагает, что имеет смысл взглянуть на современную интернет-коммуникацию через призму ряда наблюдений и прогнозов, сделанных в то время. Иными словами, реализовать третий темпоральный вектор исследования интернет-коммуникации, ставший возможным с течением времени, – взгляд назад, позволяющий соотнести особенности сегодняшнего Интернета с тем, что мы фиксировали и прогнозировали в эпоху, когда русскоязычное общение в широком электронном пространстве еще делало свои первые шаги. Попытка такого соотнесения делается в этой статье.

Статья О.И. Максименко «Язык Интернета: динамика развития» посвящена анализу состояния языка Интернета за период 2019–2021 гг. Рассматриваются основные тенденции формирования лексики русскоязычного и англоязычного сегментов Сети на

языковом материале социальных сетей Twitter, Facebook, «ВКонтакте», проверяется валидность существования данной лексики по онлайн-словарям Oxford Dictionary, Merriam Webster, Urban Dictionary. Отмечается размытость границ языка, функционирующего в сети, и речевого общения за ее пределами. Постулируется, что язык Интернета перестает быть только языком сети.

Глобальная сеть Интернет за полвека (условная дата возникновения 1969 г.) превратилась в неотъемлемую составляющую жизни социума. Интернет, изначально создаваемый как система хранения и передачи данных, стал наиболее активно используемым средством коммуникации, где каждый, независимо от социальных рамок, может выражать свое мнение, обучаться, читать литературу, смотреть фильмы, находить единомышленников, самовыражаться, зарабатывать на жизнь и просто быть услышанным.

Общение в Интернете осуществляется в условиях массовой коммуникации особого рода – коммуникации, не имеющей привычных социальных, временных и фактических границ. Популярность и доступность интернет-технологий способствует появлению новых возможностей и способов коммуникации, формирует новую сферу информационного взаимодействия, приводит к возникновению новых видов общественных отношений. В условиях интернет-коммуникации понятие времени приближено к реальности: пользователь воспринимает собеседника как находящегося «здесь и сейчас», поэтому пренебрежение многими языковыми нормами в целом не играет роли, что и определяет так называемую письменную разговорную речь, поскольку в условиях интерактивной сетевой коммуникации темп речи приближен к ее устной форме. Отождествление сетевого общения с общением вживую является главной особенностью интернет-коммуникации.

С.А. Кучина в статье «Электронный художественный текст: основные понятия, критерии фикциональности, лингвосемиотическая специфика» рассматривает феномен электронного художественного текста (ЭХТ) с точки зрения его лингвосемиотической специфики, выявляются ключевые компоненты структуры ЭХТ, формулируются основные принципы связности его вербальных и невербальных элементов. Категория фикциональности в электронных художественных текстах получает специфическую реализацию. Мультимодальная природа ЭХТ приводит к расширению

пространственно-временных координат фиктивного мира, актуализация хронотопа ЭХТ осуществляется не только с помощью вербальных средств, но и за счет аудиовизуальных, графических и анимационных компонентов. Коммуникативно-функциональный подход к анализу вербальных компонентов ЭХТ обеспечивает оптимальную технику выявления коммуникативной стратегии автора.

Цифровая революция на рубеже XX–XXI вв., обозначившая переход от аналоговых технологий к цифровым, позволила раскрыть потенциал технологически новых форм представления информации не только с точки зрения решения утилитарных задач, но и в рамках реализации эстетических интенций пользователей сети Интернет. Активно сменяющие друг друга поколения сетевых сервисов (Web 1.0, Web 2.0) позволяют всем нам активно общаться в режиме реального времени, генерировать динамический контент вместо статичных страниц сайтов, при этом в процессе эстетического осмысления новых технологических возможностей рождаются вторичные жанровые формы электронной коммуникации, в том числе в электронной литературе (например, электронные художественные тексты на основе твиттер-ботов).

В настоящее время уже ни у кого не возникает сомнения в существовании цифрового искусства, живописи, литературы и пр. Появление новых эстетических объектов требует их научного осмысления и систематизации знаний в этой области.

Моисеенко Л.В. в статье «Интернет-мем как новая модальность социальной интеракции» исследует интернет-мемы как единицы виртуального пространства с большим потенциалом социальной интеракции. На материале испанского языка решается задача определения коммуникативного события, которое подвергается интерпретации посредством мемов, выделения семиотических кодов, составляющих концептуальное содержание мема, определения алгоритма декодирования информации в интернет-меме.

Автор приходит к заключению, что в интернет-мемах находят отражение ключевые события жизни страны и мира, которые получают различную интерпретацию в зависимости от принадлежности к конкретной виртуальной группе, в зависимости от возрастной и гендерной категорий и др. Алгоритм декодирования, основанный на теории концептуальной интеграции, состоит в когнитивной операции взаимного наложения двух и более исходных

пространств для формирования блэнда, позволяющего декодировать концептуальное содержание.

И.А. Гусейнова в статье «Скрытые угрозы» современной немецкоязычной интернет-коммуникации» отмечает, анализ публикаций, а также авторские наблюдения за развитием коммуникативно-дискурсивного пространства в условиях цифровых трансформаций свидетельствуют о том, что дигитализацию гуманитарного пространства, интернационализацию различных видов институционального дискурса, стремление к сохранению при помощи различных языковых средств своей национально-культурной идентичности следует рассматривать в качестве ключевых последствий глобализации. Применительно к языковым процессам, происходящим в информационно-телекоммуникационной сети Интернет необходимо подчеркнуть сдвиг в сторону визуализации вербального контента, широкому употреблению лексем, типичных для устного разговорного дискурса, а также для ситуаций бытовой коммуникации. Уход от *lingua franca* в виртуальной среде способствует, с одной стороны, сохранению уникальных культурных и языковых характеристик конкретных этносоциумов, и служит маргинализации определенных социальных групп общения – с другой. Языковое оформление опосредованной коммуникации позволяет установить социолингвистические параметры целевых групп общения, определить их предпочтения и вкусовые пристрастия, очертить круг их возможных реальных интересов. Данные параметры целевых аудиторий позволяют в дальнейшем управлять социальным поведением целых сообществ через регулярное обновление и актуализацию привлекательного для них содержания. Таким образом, при освоении виртуального пространства учитываются не только технологические возможности телекоммуникационной сети Интернет, но и социолингвистические параметры целевых аудиторий. При этом ключевую роль играют возраст, пол и социокультурные характеристики участников виртуальной коммуникации. Управление социумами осуществляется на различных уровнях языка путем применения разнообразных социокоммуникативных практик. Управление осуществляется путем постепенной замены вербального компонента визуальным или аудиовизуальным. Управление социумами происходит на содержательном уровне путем выделения коммуникативных групп с учетом их интересов и потребно-

стей, на композиционно-речевом уровне через использование определенных жанров или жанровых систем, которые включают в себя корпуса текстов, посвященных одной и той же тематике и одновременно учитывающих социолингвистические параметры участников коммуникантов – молодежные социальные сети, родительские сети, сети, предназначенные для лиц старшего поколения, и т.п. Управление осуществляется на институциональном уровне путем формирования коммуникативных сообществ по совокупности признаков и профессиональной принадлежности.

Н.А. Ахренова в статье «Интернет-коммуникация: от личного письма до информационной войны» представляет ретроспективное описание эволюции коммуникации, которая путем долгих эволюционных преобразований сместилась в медиум Интернета и образовалась новая форма коммуникации – интернет-коммуникация. Анализ проводится с опорой на труды ведущих философов, лингвистов, учитывая ключевые постулаты теории коммуникации. Опираясь на труды классиков, автор делает выводы об изменениях, произошедших за последние два десятилетия, что превратило интернет-коммуникацию в один из ключевых механизмов манипулирования сознанием и формирования общественного мнения.

В сборнике также опубликованы статьи Г.Е. Кедровой «Особенности интернет-опосредованной коммуникации в социальных сетях в мультикультурном полиэтническом мультиязыковом виртуальном сообществе», М.В. Хитиной «Исследование русскоязычного Интернета с помощью разных методов и программ», Л.Р. Комаловой, Д.А. Кулагина «Восприятие вербализованной агрессии в контексте и вне контекста сообщений социальной интернет-сети “Твиттер”», Д.И. Гордеева, Д.В. Филлипова, А.И. Рей «Специфика интернет-коммуникации в социальных сетях сообществ Севера России», Г.М. Вишневской, А.А. Прохоровой «Интернет-коммуникация в профессиональном общении на иностранном языке: аспекты теории и практики», И.В. Курьяновой, С.Н. Лопаткина «Глобальное цифровое пространство как способ и средство совершения преступлений».

Е.А. Казак,

*Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)*

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК: 81-006.3

DOI: 10.31249/ling/2022.04.10

Трошина Н.Н.¹

ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОВОЙ КРИТИКИ И ЯЗЫКОВОЙ РЕФЛЕКСИИ В СОВРЕМЕННОЙ НЕМЕЦКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ²

*Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук*

Аннотация. Языковая критика, т.е. способность индивида – носителя языка выразить свое отношение к спорным случаям в речевой практике, рассматривается как феномен лингвокультуры в его взаимосвязи с языковой рефлексией как способностью человека к осознанному выбору языковых вариантов в своей речевой деятельности. Языковая вариативность, влияющая на нормативные характеристики языковых единиц, трактуется как явление системное.

Дается характеристика двух научных подходов к феномену языковой критики – структурно-дескриптивного и дискурсивного.

Ключевые слова: языковая критика; языковая рефлексия; лингвокультура; стереотипы; «порча языка»; структурно-дескриптивная парадигма; дискурсивная парадигма;

¹ Трошина Н.Н., Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, 2022.

² Материал подготовлен в рамках государственного задания по теме «Лингвокультурные аспекты цивилизационных противоречий»: <http://inion.ru/ru/science/temy-nir/lingvokulturnye-aspekty-tsivilizatsionnykh-protivorechii>

грамматические правила; грамматическая норма; языковая вариативность.

Troshina N.N.

The Problem of Language Criticism and Language Reflection in Modern German Language Culture

*Institute of Scientific Information on Social Sciences
Russian Academy of Sciences*

Abstract. Language criticism, i.e. the ability of a native speaker to express their attitude to controversial items in speech practice is considered as a phenomenon of language culture in its relationship with language reflection as a person's ability to consciously choose language options in their speech activity. Linguistic variability that affects the normative characteristics of language units is interpreted as systemic phenomenon.

The description of two scientific approaches to the phenomenon of language criticism – structurally descriptive and discursive ones is given.

Keywords: language criticism; language reflection; language culture; stereotypes; «language corruption»; structural-descriptive paradigm; discursive paradigm; grammatical rules; grammatical norm; linguistic variability.

Введение

Термин «языковая критика» в значении «оценка речевых практик» происходит от фр. critique < др.-греч. критική τέχνη «искусство разбирать, судить». Необходимость в языковой критике обусловлена следующими причинами.

1. Вербальными коммуникативными событиями, вызвавшими неоднозначную реакцию социума и, следовательно, потребовавшими оценки профессиональных лингвистов в плане адекватности выбора языковых средств. Такая ситуация сложилась, например, в 2000 г. в споре немецких политиков о правомерности употребления слова *Leitkultur* в значении «главная культура» (для немецкого лингвокультурного сообщества – Н. Т.). Ожесточенный спор возник в бундестаге в ходе обсуждения непопулярного кон-

цепта *multikulturelle Gesellschaft* «мультикультурное общество», что было вызвано фонетическим сходством слов *Leitkultur*, *Leidkultur* «страдающая культура» и *Lighikultur* «развлекательная культура» (от англ. <light «легкий, легковесный»). На фоне усиливавшегося притока в страну иммигрантов дискуссия вышла за пределы бундестага, поскольку в немецком обществе высказывались опасения за сохранность родной культуры. В результате разъяснений лингвистов слово *Leitkultur* вошло в список ключевых слов XX в. в значении «базовая культура» [Wörter, die Geschichte machten ..., 2001, S. 219], т.е. культура, доминирующая в данном регионе в плане сохранения языка, традиций и ценностей.

2. Неоднозначностью в описаниях коммуникативно-релевантных феноменов, например, тенденции к сниженному стилю в публичной сфере общения, молодежного жаргона или так называемого гендерно-корректного немецкого языка, согласно требованиям сторонников которого надлежит вербально маркировать принадлежность людей к разному биологическому полу. Последняя проблема обострилась в связи с неоднозначным восприятием проблемы гендера носителями немецкого языка. Кроме того, по разным подсчетам сегодня различается до 300 (!) типов гендера, в то время как официально (т.е. парламентом ФРГ) признаны только три наименования биологического пола – «мужской», «женский» и «иной» (*divers*). Языковая критика по гендерно-корректному языку началась с публикации в 2017 г. в газете «Süddeutsche Zeitung» статьи профессора Потсдамского университета Петера Айзенберга [Eisenberg], в которой отрицалась необходимость двойных обозначений пола в устной и письменной коммуникациях (*Wähler / Wählerin* «избиратель / избирательница», *Kunde / Kundin* «клиент / клиентка»), так как грамматический мужской род имен существительных, обозначающих людей, имеет универсальный характер, т.е. относится как к мужчинам, так и к женщинам, например «клиентом банка» именуется люди любого пола. Для лингвистической, т.е. научной языковой критики центральной проблемой, дискуссии по которой продолжают до сих пор, в том числе и в профессиональной среде лингвистов, стала проблема универсального мужского рода [Zifonun, 2018; Lorenz, 2021, Michaux, Méndez, Apel, 2021].

Языковая критика как явление лингвокультуры

Языковая критика, независимо от того, исходит ли она от профессионалов или от непрофессионалов, – это феномен, свойственный любой лингвокультуре¹ и наиболее ярко проявляющийся в периоды масштабных социокультурных, экономических и политических изменений в жизни данного лингвокультурного сообщества. Такие изменения произошли во многих европейских странах в конце XX – начале XXI в. Поэтому неудивительно, что в 2017 г., когда уже был накоплен большой массив наблюдений над изменившимися речевыми практиками, был выпущен «Онлайн-справочник по европейской языковой критике» [Handbuch europäische Sprachkritik online, 2017]. Его подготовила проектная группа «Европейская языковая критика онлайн (ESO)», члены которой являются сотрудниками Европейского лингвистического центра (Europäisches Zentrum für Sprachwissenschaft, EZS). Этот центр осуществляет взаимодействие между нефилологическим факультетом Гейдельбергского университета (Neuphilologische Fakultät der Universität Heidelberg) и Институтом немецкого языка в Маннхайме (Institut für deutsche Sprache Mannheim). В названном справочнике, составленном на материале наблюдений над речевыми практиками на немецком, английском, французском, итальянском и хорватском языках, языковая критика представлена в ее взаимодействии с «оценочной языковой рефлексией в действии» (Praxis wertender Sprachreflexion) [Einleitung, 2017, S.S. 9]. Этот вид языковой рефлексии охватывает не только собственно оценочные суждения по поводу спорных случаев речевой практики, но и описание возможных вариантов использования других языковых средств в таких случаях. Также анализируются функциональные и когнитивные последствия для немецкоязычной лингвокультуры, к которым может привести выпадение каких-либо грамматических форм из системы немецкого языка. Такие исследования касаются в основном конкуренции падежных окончаний имен существительных – например, речь идет о перспективах сохранения родительного падежа (генитива), успешным конкурентом которого является да-

¹ Любому человеку приходится впервые столкнуться с языковой критикой, когда в детстве он учится говорить, а взрослые его поправляют. – Н. Т.

тельный падеж, что особенно распространено в обиходно-разговорной речи (*Das ist dem Vater sein Hut* «Это отцовская шляпа»): не случайно в названиях чрезвычайно популярных публикаций Бастиана Сика обозначена именно эта тема как наиболее очевидная для рядовых носителей немецкого языка: «Дательный падеж – родителю смерть» [Sick, 2006], вышедших огромными тиражами в нескольких сериях. Не меньшую популярность получила и его книга «Хэппи ауг: альбом по дебрям немецкого языка» [Sick, 2007], также вышедшая шестью изданиями, последнее из которых под названием «Обведите черта вокруг пальца: альбом по дебрям немецкого языка» [Sick, 2017].

Бастиан Сик – профессиональный журналист, многие годы проработавший в немецком еженедельнике “Der Spiegel”, где он вел колонку под названием “Zwiebelfisch” («Уклейка»). Так называется рыбка, которая водится в реках северного предгорья Альп. Это название подходит, по мнению Б. Сика, для его колонки, задача которой состоит в том, чтобы «нырнуть» в загадки немецкого языка [Sick, 2006, S. 13]. Кроме того, немецкие наборщики обозначают так литеру, по ошибке вставленную в середину слова. Успех Б. Сика объясняется востребованностью консультаций по немецкому языку на фоне явно недостаточного лингвистического просвещения населения. В этой ситуации СМИ подают Б. Сика как высококлассного специалиста по немецкому языку, как «гуру» по немецкому языку (Sprachguru), с чем не согласны профессиональные германисты. К сожалению, они редко вступают в открытую полемику с Б. Сиком: едва ли не единственным германистом, прямо заявившим о непрофессионализме Б. Сика, является Андре Майнунгер, опубликовавший в 2008 г. книгу «Надоел этот Сик: Рейд по немецкому языку. Ответ ‘Уклейке’» [Meinunger, 2008] – научно-популярное издание по языкознанию на материале немецкого языка. В этой книге в доступной и даже в какой-то степени развлекательной форме рассказывается, что язык – это система, состоящая из уровней: фонетического, морфологического, лексического, синтаксического; кроме того, в языкознании существуют такие разделы, как орфография, стилистика, история языка, учение о языковой вариативности и т.д. На конкретном материале А. Майнунгер показывает и доказывает недостаточную лингвистическую подготовку своего оппонента, например, когда послед-

ний утверждает, что форма винительного падежа слова *Soldat* «солдат» всегда выглядит как *Soldaten* «солдата». Ответ А. Майнунгера: такая форма действительно существует, но если это имя существительное стоит в форме единственного числа без каких-либо зависимых слов, то падежное окончание *-en* отпадает. Для иллюстрации А. Майнунгер приводит слово *Dirigent* «дирижер», относящееся, как и слово *Soldat*, к слабому склонению: *ein Orchester ohne Dirigent* «оркестр без дирижера», но *ein Orchester ohne eigenen / einen eigenen Dirigenten* «оркестр без своего собственного дирижера» [Meinunger, 2008, s. 23]. (Более подробно об этой дискуссии см.: [Трошина, 2010, с. 38–44].)

Вопрос о состоянии языка относится к тем, которые вызывают, как правило, острую и неоднозначную реакцию носителей лингвокультуры. Оговорка «как правило» означает, что среди носителей языка есть люди, призывающие учитывать весь социокультурный контекст языковых инноваций при оценке языковых фактов и не считающие предшествующий этап состояния языка идеальным, на который надо обязательно ориентироваться. Как указывает австрийский лингвист профессор Венского университета Манфред Глаунингер, то, что лингвисты считают нормальным в процессе развития языка, у многих непрофессионалов вызывает раздражение и опасение. Исследователь перечисляет проблемы, особенно затрагивающие чувство национальной идентичности и поэтому поднимаемые в публичных языковых дискуссиях: «смерть диалектов»; снижение общего стилистического уровня вербального общения; проникновение многочисленных заимствований из языков иммигрантов в немецкий язык, в результате чего он превращается в какую-то «дикую смесь» (*Kauderwelsch*); усиливающееся влияние собственно немецкого варианта немецкого языка (в ФРГ) на его австрийский национальный вариант [Glauninger, 2021].

М. Глаунингер объясняет эту тревогу большей части лингвокультурного сообщества следующими причинами, имеющими прямое отношение к языковой критике и языковой рефлексии.

1. Наше сознание в целом (*unser gesamtes Bewußtsein*) обусловлено языком: то, что мы называем мышлением, обычно протекает как молчаливый диалог с самим собой.

2. Общественные ситуации возникают как результат вербальной интеракции и ее языковой рефлексии.

3. С языком и различными формами его существования (диалектами, молодежным языком, языковым стандартом, специальными языками и т.д.) обычно связываются положительные и отрицательные стереотипы, распространенные среди носителей языка. Эти стереотипы основываются на устойчивых социальных, политических, культурных, географических и других ассоциациях, активно влияющих на наше мышление: оценивается не только то, что сказано, но и то, как это сказано, т.е. важен выбор языковых вариантов, вербально оформляющих точку зрения говорящего / пишущего. Из этого делается вывод о степени его влиятельности, его мировоззренческой ориентации (*lebensweltliche Orientierung*) и о многом другом. Таким образом, язык является и предпосылкой, и продуктом того контекста, с которым экзистенциально связан человек и который он стремится сохранить.

Поскольку М. Глаунингер – австриец, его интересуют прежде всего изменения, происходящие в австрийском национальном варианте немецкого языка. Подчеркивается, что существование этого варианта – объективный неоспоримый факт, исторически обусловленный стремлением австрийцев дистанцироваться от Германии после Второй мировой войны, а также образованием в 1955 г. Второй Австрийской республики¹ после принятия закона о постоянном нейтралитете Австрии. Существование национального самосознания австрийцев также не подвергается никакому сомнению: оно не нуждается «в подпитке» в виде целенаправленного сохранения австрицизмов – не пострадает оно и от распространения немецкой лексики, принятой в ФРГ, уже ставшей привычной для молодого поколения австрийцев, например, *lecker* «вкусный» (австр. и швейц. *gluschtig*), *Junge* «мальчик» (австр. *Bub*), *nee* «нет» (австр. *nein*). Что же касается распространенных жалоб на «порчу языка», то они высказывались всегда, т.е. получается, что язык «портится» с самого его возникновения [Glauning, 2021].

¹ Первая Австрийская республика существовала как независимое государство с 1918 по 1934 г.; с 1934 г. оно называлось «Федеральное государство Австрия». – *Н. Т.*

Дискуссия о языковой критике в профессиональном лингвистическом дискурсе

Понятие языковой критики неоднозначно трактуется профессиональными лингвистами. Расхождения объясняются приверженностью исследователей к структурно-дескриптивной или к дискурсивной научной парадигме. Первая парадигма отрицает научную обоснованность оценочных высказываний, так как они «не сочетаются с объективирующими задачами структурно-дескриптивной лингвистики», писал в 2003 г. Райнер Виммер [Wimmer, 2003, 419; см. также: Antos, 1996]. Лозунгом противников языковой критики стало название книги Р.А. Холла «Оставьте в покое свой язык!» (“Leave your Language alone!”) [Hall, 1950], в которой автор призывал исключить проблематику языковой критики из круга задач лингвистики. Deskриптивисты считают лингвистику наукой сугубо описательной, а не аксиологически ориентированной (оценочной), полагая, что оценочность вносит излишний элемент субъективности в анализ языковых фактов. Эту концепцию разделяют, например, составители электронного словаря “elexico” [Elexico-Online-Wörterbuch ..., 2016], подготовленного в Институте немецкого языка в г. Маннхайме (Германия). Цель этого словаря состоит в фиксации актуального состояния немецкого языка, т.е. в регистрации реальных словоупотреблений членами немецкого лингвокультурного сообщества. Однако последовательно избегать оценочных дискурсивных характеристик зафиксированных языковых единиц не удается, так как в словаре все же приводится информация об имеющихся нормативных и ненормативных вариантах слово- и формоупотреблений. При этом составители словаря “Elexico” избегают использования в словарных статьях слов «правильно», «неправильно», «корректно», «некорректно», «не употребляется» и т.п. Вместо этого даются отсылки к лексикографическим источникам, в которых зафиксирован нормативный статус соответствующих языковых единиц, в частности, к словарям «Дуден – Правильный и хороший немецкий язык: трудности немецкого языка – от А до Z» [Duden – Richtiges und gutes Deutsch ..., 2000] или «Современность в словаре немецкого языка» [Zeitgeschichtliches Wörterbuch ..., 2002]. Например, даются варианты форм степеней сравнения имен прилагательных (*roter / röter – am rotesten /*

am rötesten «краснее – самый красный»), форм множественного числа имен существительных (*Kapitale / Kapitalien* «капиталы»), форм спряжения глаголов (*werf / wirf* «брось, бросай»). В таких случаях приводится помета о частотности употребления каждого варианта (*Verwendungshäufigkeitsangabe*) «почти всегда», «иногда», «редко», а также «лингворефлексивная помета» (*sprachreflexiver Hinweis*), из которой следует, что данное слово является объектом языковой рефлексии, т.е. воспринимается говорящими как требующий специального осмысления при использовании его в речевой практике.

Однако дело не в оценочных суждениях, а в их научной обоснованности, что доказано последующим развитием немецкой лингвистики, т.е. проявленным немецкими германистами интересом к языковой критике. Он был обусловлен необходимостью объективно проанализировать нацистские речевые практики и дать им критическую оценку. Очень скоро в поле зрения исследователей попали речевые практики в сфере юриспруденции, медицины, образования, политики, а также административной деятельности и СМИ. Как подчеркивает Р. Виммер, эти исследователи использовали методы структурной лингвистики в сочетании с методами лингвистики текста, конверсативного анализа, медиалингвистики, социалингвистики, теории речевых актов и лингвопрагматики для обоснования своих оценочных суждений касательно конкретных случаев в речевой практике [Wimmer, 2003, S. 419–420]. При этом неизбежно затрагивались вопросы языковых норм и их соблюдения / нарушения в речевой коммуникации. Исследования и публикации Дитриха Буссе (Dietrich Busse), Габриэль Фалькенберг (Gabriele Falkenberg), Ганса Юргена Херингера (Hans Jürgen Heringer), Вольфганга Тойберта (Wolfgang Teubert) и др. доказывают, что без использования новых дискурсивно ориентированных методов анализа, как и без учета состояния системы языка, содержательные дискуссии о таких актуальных концептах, как «насилие», «терроризм», «честность в политике», «расизм», невозможны: ведь все, что обсуждается в таких дискуссиях, сначала вербализуется¹.

¹ Более подробно о профессиональной дискуссии по языковой критике см. в статье Н.Н. Трошиной «Проблемы языковой культуры, языковой критики и языковой рефлексии в современной немецкой германистике» [Трошина, 2014].

Языковая критика в ее традиционном понимании как строгое соответствие речи (прежде всего письменной) грамматическим правилам языка существовала в школьной практике обучения немецкому языку и была «ежедневной обязанностью учителей-словесников» (*das tägliche Geschäft der Sprachlehrer*) [Polenz, 1982, S. 71]: «В предложении не хватает глагола!», «Ошибка в грамматическом роде слова!». Не случайно Э. Фельдер, Х. Швинн и К. Якоб видят особенность немецкой языковой критики в ее выраженной институциональности и личностной направленности [Felder, Schwinn, Jacob, 2017, S. 55]. В открытом публичном общении лишь очень немногие выступали с позиций языковой критики, так как это было политически небезопасно. К немногочисленным авторам таких выступлений следует отнести венского публициста Карла Крауса (Karl Kraus), который в своем журнале «Факел» (*Die Fackel*) боролся со все более явной угрозой фашизма, критически анализируя тексты сторонников этой политической доктрины (*führte einen sprachkritischen Kampf gegen den aufkommenden Faschismus*) [Polenz, 1982, S. 71]. Такое же мужество проявлял немецкий писатель и драматург Бертольд Брехт, который, находясь в эмиграции в Базеле в 1933 г., публиковал свои статьи в газете *Basler Zeitung*, выявляя подлинный смысл выступлений Геринга и Гессе [Polenz, 1982, S. 71].

Петер фон Поленц – один из ведущих немецких специалистов по проблемам языковой критики – дифференцировал традиционную и современную языковую критику¹. Первая отрицательно относилась к нарушению традиционных языковых правил, зафиксированных в кодифицирующих грамматиках и словарях. Этот тип языковой критики П. фон Поленц связывает с традициями эпохи феодализма и абсолютизма, с периодом преобладания в языковой ситуации латыни и французского языка, а позже также с ориентацией на требования письменной формы общения, где правильным признавался лишь какой-либо один вариант используемой языковой единицы из существующих (автор называет их

¹ Первоначально П. фон Поленц понимал под языковой критикой только анализ словоупотреблений, связанных с морфосинтаксическими и словообразовательными конструкциями немецкого языка, на предмет их соответствия литературной норме, указывают Э. Фельдер, Х. Швинн и К. Якоб [Felder, Schwinn, Jacob, 2017, S. 55].

«свободными вариантами», freie Varianten [Polenz, 1982, S. 86]). Так, например, Дольф Штернбергер в статье «Хороший язык и злой язык: десять тезисов», опубликованной в 1963 г. выступил против научных концепций, обосновывающих отказ от устоявшихся правил отбора языковых единиц. Простая регистрация фактов использования языка, т.е. чисто дескриптивный подход также отвергался: в этом автор видел «угрозу языку со стороны лингвистики» (die Bedrohung der Sprache durch die Sprachwissenschaft) [Sternberger, 1963, S. 409; цит. по: Polenz, 1982, S. 84]. Однако развитие языкознания вывело на первый план лингвистических исследований не соотношение языковых единиц в системе языка, а функцию их использования в различных коммуникативных ситуациях. Кроме того, прагмалингвистическая направленность новых исследований выявила существование конвенционализированных моделей и ритуалов (Riten) социального контроля: приверженность говорящего определенному варианту языка и его нормам часто является основанием для отнесения человека к определенной социальной группе и применения к нему социальных санкций.

Современная языковая критика ориентирована на исследование частотности использования языковых форм, не соответствующих правилам, но используемых в течение долгого времени. Таким образом, объектом современной языковой критики являются сами *критерии нормативности*, учитывающие реалии речевой практики. Поэтому современная языковая критика является «критикой языковых норм» (Sprachnormenkritik), сосредоточенной на научном анализе и соответствующей оценке нормативных ограничений по использованию свободных вариантов языковых единиц. Обоснованный выбор того или иного варианта предполагает сохранение значения единицы. «Если выясняется, что один из двух свободных вариантов используется очень часто на протяжении десятков лет (в том числе в текстах признанных писателей) и все же считается ошибкой, то следует говорить не о неграмотности пишущих, а о неактуальности данного правила и, соответственно, данной языковой нормы, о ее сомнительности, а также о недопустимости навязывания ее языковому сообществу (Fragwürdigkeit der Sprachnormsetzung und -erzwingung)» [Polenz, 1982, S. 87].

Соотношение языковой критики и языковой рефлексии

С конца XIX в. и до 1980-х годов языковая критика имела в основном оценочный характер, и ее сторонниками были, как правило, люди без специальной лингвистической подготовки. С 1980-х годов сформировалась языковая критика, объединившая оценочный и дескриптивный подходы к анализу спорных случаев в речевой практике [Felder, Schwinn, Jakob, 2017]. Новый подход к языковой критике учитывает феномен языковой рефлексии, т.е. осмысления языковых фактов в речевых практиках, применяемых в лингвокультурном сообществе, а также сопоставления своего использования языка с нормой и узусом [Шмелева, 2003, с. 810]. Это особенно важно, так как процессы языковых изменений могут приводить к параллельному существованию нормативных критериев и даже к их противоречиям. Задача языковой критики состоит в анализе этих противоречий и предотвращении вербальных коммуникативных конфликтов. Для проведения такого анализа используются не только грамматики, словари, выступления авторитетных общественных деятелей, но и лингвистическая экспертиза.

Немаловажным остается вопрос о соотношении языковых правил и языковых норм. Следует отметить, что, хотя этот вопрос давно находится в поле зрения исследователей, единого мнения по нему до сих пор нет. Это связано, в частности, с тем, что осознается – правила или норма, т.е. с направленностью языковой рефлексии. По мнению Р. Виммера, не осознаются языковые правила: люди просто следуют им под привычным влиянием практики речевого общения и социального взаимодействия [Wimmer, 2003, S. 426; Wimmer, 2009, S. 83]. Языковые нормы, напротив, осознаются в связи с их прескриптивным характером¹. Это происходит, считает Р. Виммер, через воздействие текстов, формирующих дискурсы [Wimmer, 2003, S. 428]. С этой точкой зрения трудно согласиться, так как прескриптивность языковых правил становится для человека очевидной уже на уроках языка в школе, поскольку от ученика требуется неукоснительное их соблюдение. Языковые нормы также воспринимаются в процессе общения, прежде всего

¹ С этим П. фон Поленц связывает явление так называемого чувства языка, или «языкового чутья» [Sprachgefühl], которое он трактует просто как «реминисценцию грамматических правил, усвоенных еще в школе» [Polenz, 1982, S. 87].

устного, в соответствии с типом дискурса. При смене среды общения и, следовательно, дискурса человек бывает вынужден менять свои вербальные нормативные навыки, осознавая особенности общения в новых коммуникативных условиях. Таким образом, осознаются, т.е. рефлексировуются, как языковые правила, так и языковая / дискурсивная норма.

«Осознавать» значит «рефлексировать», т.е. понимать причины выбора языковых средств для доказательства своей точки зрения, что возможно только при двух условиях: 1) при наличии ряда языковых вариантов, предоставляемых системой языка; 2) при достаточно развитой языковой компетенции говорящего / пишущего. Поэтому развитие языковой компетенции и языковой рефлексии как предпосылок способности человека к языковой критике подчеркивается в официальных документах системы образования ФРГ, в частности, в рекомендациях по составлению учебных планов для гимназий. Целесообразным признается проведение дискуссий об этике употребления так называемых трудных слов (*schwierige Wörter*), например, *Schwarzer* – «черный», *Farbiger* – «цветной», *Neger* – «негр». Учащиеся оценивают степень некорректности этих слов: самым некорректным признается слово *Neger*, как несколько менее некорректное – слово *Schwarzer*, затем *Farbiger* [Heinz, Horn, 2013].

Как считает Матильда Хенниг в статье «Грамматика и вариативность с позиций лингвистики и публичной языковой рефлексии» [Hennig, 2017], с феноменом языковой рефлексии имеет дело каждый носитель языка, выбирая, с его точки зрения, самый подходящий вариант языковой единицы для формулирования своей мысли. Языковая вариативность – это всегда социально обусловленный феномен, т.е. языковые варианты всегда «социально сконструированы» (*sozial konstruiert*) [Hennig, 2017, S. 31], и поэтому дискуссия по проблемам языковой рефлексии, разворачивающаяся вокруг «спорных случаев» (*Zweifelsfälle*) [Klein; цит. по: Hennig, 2017, S. 31] вербального общения, социально значима. Кроме того, указывает М. Хенниг, в такой дискуссии очень заинтересованы лингвисты, так как она «открывает своего рода окно в сферу грамматической вариативности» [Hennig, 2017, S. 31] и позволяет собрать актуальную информацию по следующим важным вопросам: 1) какие именно области языковой вариативности явля-

ются объектом публичной языковой рефлексии (öffentliche Sprachreflexion); 2) как соотносится грамматическая вариативность и контекст?

«Спорные случаи» и языковая вариативность

Соотношению языковой вариативности, на базе которой являются «спорные случаи» в речевой практике, и языковой системы посвящено основное содержание вышеназванной статьи. Существенно, что автор трактует вариативность не как отклонение от фактов языковой системы, а как естественное следствие сложности этой системы. Поскольку система естественного языка состоит из разных подсистем с их собственными закономерностями, они могут вступать в противоречия друг с другом, т.е. языковые единицы этих подсистем могут конкурировать друг с другом в речи [Hennig, 2017, S. 42].

Для характеристики систематических взаимосвязей между языковой системой и вариативностью (systematische Zusammenhänge zwischen System und Variation) [Hennig, 2017, S. 25] М. Хенниг использует: 1) введенное венгерским лингвистом Вильмошем Агелем понятие «конкурирующих подсистем» (буквально: «конфликтующих подсистем», konfligierende Teilsysteme [Ágel, 2008]; цит. по: [Hennig, 2017, S. 28]); 2) трактовку языковой системы по Э. Косериу [Coseriu, 1971, S. 67], который связал понятие системы языка с речью через понятие нормы. Таким образом, в концепции Э. Косериу система языка – это абстрактная модель, основанная на фактах речи. Речь и норма не могут быть независимыми от языковой системы, так как именно «система обуславливает существование пространства, в котором наличие вариантов – вообще нормальное явление и они могут поэтому использоваться в речи» (das System bietet vielmehr den Möglichkeitsraum, in dem Varianten überhaupt normal sein und somit im Sprechen angewendet werden können) [Hennig, 2017, S. 26]. Подчеркивается, что Э. Косериу трактует языковую систему не как монолитное образование, а как конгломерат различных систем, или функциональных языков (funktionelle Sprachen) [Hennig, 2017, S. 26], существующих как в синхронии, так и в диахронии. Из этого М. Хенниг делает следующие выводы: 1) понятие системы применимо как к языку,

так и к его вариантам; 2) языковая система состоит из множества подсистем, которые могут, в свою очередь, также состоять из подсистем: “Ein System kann aus mehreren (Teil-) Systemen bestehen, die ihrerseits prinzipiell auch wieder aus mehreren (Teil-) Systemen bestehen können” [Hennig, 2017, S. 27].

Исследовательница называет два основных типа вариативности:

1) системный, основанный на внутрисистемных факторах (systemimmanente Faktoren) [Hennig, 2017, S. 25], например, на влиянии фонетической и морфологической структуры имен существительных на окончания в родительном падеже единственного числа -es / -s; 2) функциональный, т.е. учитывающий экстралингвистические факторы (социальную принадлежность носителя языка, требования коммуникативной ситуации, культурные традиции). Этот подход к языковой вариативности автор считает наиболее распространенным сегодня.

Понятие конкурирующих подсистем иллюстрируется на примере грамматикализованного употребления глагола *brauchen* с частицей *zu* или без нее, что автор объясняет существованием конкурирующих подсистем модальных и полимодальных глаголов (konfligierende Teilsysteme der Modalverben und Halbmodale). М. Хенниг считает, что существование нескольких подсистем в системе немецкого языка создает предпосылки для вариативности: «Во многих случаях возможна реализация языкового явления из подсистемы А также и на базе подсистемы В, что часто приводит к конфликту этих подсистем» [Hennig, 2017, S. 28]. Таким образом, конкурирующие подсистемы («конфликтующие», в терминологии автора) являются «моторами грамматической вариативности (Motoren für grammatische Variation)» [Hennig, 2017, S. 29].

Явление грамматической конкуренции М. Хенниг связывает с конкурирующим взаимодействием: 1) семантической и синтаксической подсистем, например, с конфликтом между семантическим и синтаксическим согласованием (semantische und syntaktische Kongruenz): *das Mädchen – sie / es* «она – оно» (имя существительное *Mädchen* в немецком языке среднего рода); *ein Kilo Bohnen reichen / reicht aus* «одного килограмма фасоли хватит»; 2) морфологических подсистем имени прилагательного и имени существительного: эта конкуренция проявляется в склонен-

нии субстантивированных имен прилагательных: *die Aufmachung verschiedener Illustrierter* (склонение имени прилагательного по сильному типу) / *Illustrierten* (склонение имени существительного по слабому типу); 3) подсистем флексий: а) по сильному и слабому типу склонения у имен существительных (*am Automaten / Automat* «у автомата») и имен прилагательных (*in gebessertem psychischem / psychischen Zustand* «в улучшенном психическом состоянии»); б) в системе спряжения глагола (*gewunken / gewinkt* «помахал рукой», *backte / buk* «испек») [Hennig, 2017, S. 29].

Уточняется, что помимо конкурентных отношений между языковыми подсистемами существует и конкуренция между языковыми вариантами, поскольку последние связаны с языковыми нормами, закрепленными в различных нормативных подсистемах [Ágel, 2008, S. 68]. Это проявляется, например, в типичной для устной речи постановке спрягаемого глагола на второе место в придаточных предложениях с подчинительным союзом *weil* «потому что», в то время как в соответствии с правилами литературного языка спрягаемый глагол должен стоять в конце придаточного предложения.

Таким образом, грамматическая вариативность трактуется М. Хенниг как явление вполне системное, так как оно основано на возможностях различных подсистем языка: «То, что она (грамматическая вариативность. – Н. Т.) основана на конкуренции (конфликтах) подсистем, не делает ее несистемной; это связано со сложностью взаимодействия различных уровней системы» [Hennig, 2017, S. 30].

Заключение

Языковая критика как оценка состояния языка, спорных случаев его использования и как отношение к языковым инновациям – это социокультурный феномен, свойственный в различной степени любой лингвокультуре и зависящий от уровня лингвистической грамотности и языковой компетентности ее носителей. В формировании последней большую роль играет языковая рефлексия как осознание коммуникативной адекватности выбора того или иного языкового варианта для достижения поставленной коммуникативной задачи. Возможность такого выбора предоставляется различ-

ными подсистемами языка, что отражается на частотности использования соответствующих вариантов в речевой практике и, как следствие, на изменениях языковой нормы, даже если они не всегда согласуются с устоявшимися правилами языка.

Список литературы

- Баранов А.Н.* Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. – Москва : Флинта : Наука, 2007. – 592 с.
- Трошина Н.Н.* Культура языка и языковая рефлексия : аналитический обзор / РАН, ИНИОН. – Москва, 2010. – 62 с.
- Трошина Н.Н.* Проблемы языковой культуры, языковой критики и языковой рефлексии в современной немецкой германистике // Субъект познания и коммуникации: языковые и культурные аспекты : сб. науч. трудов, посвященный юбилею Л.И. Гришаевой. – Воронеж, 2014. – С. 414–429.
- Шмелева Т.В.* Языковая рефлексия // Культура русской речи : энциклопедический словарь-справочник. – Москва : Флинта : Наука, 2003. – С. 810–811.
- Ágel V.* Bastian Sick und die Grammatik: Ein ungleiches Duell // Info DaF. – München, 2008. – Н. 1. – С. 64–84.
- Antos G.* Laien-Linguistik: Studien zu Sprach-und Kommunikationsproblemen im Alltag. Am Beispiel von Sprachratgebern und Kommunikationstrainings. – Tübingen : Niemeyer, 1996. – 264 S.
- Coseriu E.* Sprache, Strukturen und Funktionen: Zwölf Aufsätze zur allgemeinen und romanischen Sprachwissenschaft. 2., verb. Aufl / In Zusammenarbeit mit Bertsch H. und Köhler G. ; Hg. Petersen U. – Tübingen : Narr Francke Attempto, 1971. – 234 S.
- Duden – Richtiges und gutes Deutsch: Zweifelsfälle der deutschen Sprache – von A bis Z. 5., neu bearb. Aufl. – Mannheim : Bibliographisches Institut, 2000. – 1088 S.
- Eisenberg P.* Das missbrauchte Geschlecht. – URL: <https://www.sueddeutsche.de/kultur/essay-das-missbrauchte-geschlecht-1.3402438> (дата обращения: 04.04.2022).
- Elexico-Online-Wörterbuch zur deutschen Gegenwartssprache / Hg. Müller-Spitzer C., Michaelis F.* – Mannheim : Institut für deutsche Sprache, 2016.
- Einleitung // Handbuch europäische Sprachkritik online. / *Felder E., Schwinn H., Busse D., Eichinger L.M.* – 2017. – S. 9–11.
- Glauning M.* “Schieß Ball her!” : Vom angeblichen Verfall der Sprache // Der Standard. – Wien, 2021. – 03.05. – URL: <https://www.derstandard.de/story/2000126323550/schiess-ball-her-vom-angeblichen-verfall-der-sprache> (дата обращения: 05.04. 2022).
- Hall R.A.* Leave Your Language Alone! – Ithaka, N.Y. : Linguistica, 1950. – XI, 254 p.
- Handbuch europäische Sprachkritik online, 2017 (HESO). – URL: https://ids-pub.bsz-bw.de/frontdoor/deliver/index/docId/7445/file/Sprachnormierung_und_Sprachkritik_Bd.1_2017.pdf (дата обращения: 04.04.2022).

- Heinz T., Horn A. Diskursive Entfaltung sprachkritischen Wissens // Sprachreport : Informationen und Meinungen zur deutschen Sprache. – 2013. – Т. 29, №. 1/2. – С. 19–27. – URL: https://ids-pub.bsz-bw.de/files/3498/Heinz_Horn_Diskursive_Entfaltung_2013-1-2.pdf (дата обращения: 23.06.2022)
- Hennig M. Grammatik und Variation im Spannungsfeld von Sprachwissenschaft und öffentlicher Sprachreflexion // Grammatische Variation: Empirische Zugänge und theoretische Modellierung. – Berlin : de Gruyter, 2017. – S. 23–46.
- Klein W.P. Sprachliche Zweifelsfälle als linguistischer Gegenstand: Zur Einführung in ein vergessenes Thema der Sprachwissenschaft // Linguistik online 16. – URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Sprachliche-Zweifelsfalle-als-linguistischer-Zur-in-Klein/d50702475f00289e081783fd888fcfc1c0e61c4e> (дата обращения: 23.06.2022)
- Lorenz M. Wie der Duden heimlich gegendert wird. – 2021. – URL: <https://www.welt.de/kultur/plus223755314/Gendersprache-im-Duden-Wie-das-Woerterbuch-12-000mal-gegendert-wird.html>
- Meinunger A. Sick of Sick: Ein Streitzug durch die Sprache als Antwort auf den “Zwiebelfisch”. – Berlin : Kadmos, 2008. – 175 S.
- Michaux V., Méndez J., Apel H. Mündlich gendern? Gerne. Aber wie genau? Ergebnisse einer Akzeptanzuntersuchung zu Formen des Genderns in der Mündlichkeit // Sprachreport. – 2021. – Jg. 37, N 2. – S. 34–41.
- Polenz P. v. Sprachkritik und Sprachnormenkritik // Holzfeuer im hölzernen Ofen: Aufsätze zur politischen Sprachkritik. – Tübingen, 1982. – S. 70–93.
- Sick B. Der Dativ ist dem Genitiv sein Tod: Ein Wegweiser durch den Irrgarten der deutschen Sprache. – 1. Aufl. – Folge 1. – Köln : Kiepenheuer & Witsch, 2006. – 240 S.
- Sick B. Happy Aua: Ein Bilderbuch aus dem Irrgarten der deutschen Sprache. – 5. Aufl. – Köln Kiepenheuer & Witsch, 2007. – 128 S.
- Sick B. Schlagen Sie dem Teufel ein Schnäppchen: Ein Bilderbuch aus dem Irrgarten der deutschen Sprache. – Köln : Kiepenheuer & Witsch, 2017. – 224 S.
- Sternberger D. Gute Sprache und böse Sprache: Zehn Thesen // Neue Rundschau. – Frankfurt am Main, 1963. – N 74. – S. 403–414.
- Wimmer R. Wie kann man Sprachkritik begründen? // Sprache und mehr: Ansichten einer Linguistik der sprachlichen Praxis. – Tübingen : Niemeyer, 2003. – S. 417–450.
- Wimmer R. Die Sprachkritik kommt aus der Sprache selbst: Reflektiertheit ist gefragt // Der Sprachdienst. – Wiesbaden, 2009. – Jg. 53, H. 3/4. – S. 77–90.
- Wörter, die Geschichte machten: Schlüsselbegriffe des 20. Jahrhunderts / Hg. Krome S., Walther H. – Gütersloh ; München : Bertelsmann, 2001. – 224 S.
- Zeitgeschichtliches Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache / Hg. Stötzel G., Eitz Th. – Hildesheim u.a.m. : Olms, 2002. – 527 S.
- Zifonun G. Die demokratische Pflicht und das Sprachsystem: Erneute Diskussion um einen geschlechtergerechten Sprachgebrauch // Sprachreport. – Wiesbaden, 2018. – Jg. 34, N 34. – S. 44–56.

Орлова О.С.

**ЭВФЕМИЗМЫ И ЗАГАДКИ О РОЖДЕНИИ И СМЕРТИ
В РУССКОЙ И АНГЛОЯЗЫЧНОЙ КУЛЬТУРАХ.
ПРИНЦИП НЕПРЯМОЙ НОМИНАЦИИ. КОГНИТИВНО-
КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ. –
Москва : ЛЕНАНД, 2022. – 240 с.
(Реферат)**

Ключевые слова: эвфемизмы; загадки; принцип непря-
мой номинации; русскоязычная культура; англоязычная
культура; рождение; смерть; метафора; иносказание.

Орлова Ольга Сергеевна – кандидат филологических наук, младший научный сотрудник сектора теоретического языкознания Института языкознания РАН, старший преподаватель факультета лингвистики и педагогики Московской международной академии.

В монографии О.С. Орловой представлено когнитивное и культурно-семиотическое исследование кодирования тем рождения и смерти в эвфемизмах и загадках в русской и англоязычной культурах. Автором разработаны теоретические и методологические основы комплексного исследования эвфемизмов и загадок как знаков языка и культуры, представлено их системное когнитивно- культурологическое описание. Впервые на материале эвфемизмов и загадок русскоязычной и англоязычной культур в сопоставительном плане описаны способы непрямой номинации в эвфемизмах и загадках на темы рождения и смерти. Проведены фреймовый анализ и культурологическое комментирование метафорических и неметафорических единиц на указанные темы. На основе когнитивного (фреймового) анализа определены конституирующие признаки эвфемизмов и загадок на темы рождения и смерти. С помощью культурологического комментария автор объ-

ясняет использование тех или иных образов в разноязычных культурах, интерпретирует не прямые номинации в пространстве культурного знания, описывает основные когнитивные метафоры в русских и английских загадках и эвфемизмах на темы рождения и смерти.

Монография состоит из трех глав: 1. Эвфемизмы и загадки как объекты филологического исследования; 2. Принцип не прямой номинации в эвфемизмах и загадках и когнитивно-культурологический подход исследования; 3. Кодирование тем рождения и смерти в эвфемизмах и загадках русскоязычной и англоязычной культур; заключения, списка литературы, двух кратких тематических словарей эвфемизмов о рождении и смерти в русской и английской культурах, загадок и отгадок о рождении и смерти.

Эвфемизмы как малый жанр фольклора изначально принадлежат различным областям филологического знания, и до настоящего времени вопрос о сходстве таких языковых феноменов, как эвфемизм и загадка, не рассматривался, в то время как и эвфемизм, и загадка, каждый в силу своих знаковых особенностей, направлены на не прямое называние какого-либо объекта или явления, его словесное «маскирование», вуалирование.

В книге О.С. Орловой отмечается, что в лингвистике тема не прямой (вторичной) номинации переживает новое рождение. Это связано с тем, что в науке о языке появились такие интегративные дисциплины, как когнитивная лингвистика и лингвокультурология, в которых сформированы свои теоретико-методологические средства для более глубокого изучения не прямой номинации: фреймовый анализ и культурологический комментарий. К проблемам исследования не прямой коммуникации относят такие лингвистические феномены, как знаковые образования, которые ранее и особенно в их совокупности не описывались единообразно по принципу не прямой номинации. Когнитивная лингвистика и лингвокультурология с их новым исследовательским инструментарием позволяют значительно расширить эмпирическую базу лингвистики, включая в нее сферу сакрального, для изучения которой не в филологическом, а в собственно лингвистическом плане ранее не было научных средств. К их числу относятся такие знаковые (семиотические) образования, как эвфемизмы и загадки.

Под *эвфемизмами* понимаются смягчающие выражения, которые служат средством для нейтрализации негативных тем в коммуникации. Эвфемизмы как знаки языка и культуры нацелены на выполнение предписаний этики и речевого этикета, им свойственно уменьшение негативности при обсуждении тех или иных тем, чему способствует семантическое перефокусирование, отчуждение негативного смысла от обсуждаемого денотата. *Загадка* – интеллектуально-развлекательный словесный жанр игровой коммуникации, направленный на познание мира; знак языка и культуры, нацеленный на иносказательное описание какого-либо предмета или явления, которые по данному описанию нужно разгадать.

Эвфемизмы и загадки соединены О.С. Орловой в комплексном исследовании. Основание для их сопоставительного изучения исследователь видит в том, что и эвфемизмы, и загадки отражают одинаковое, детерминированное культурными установками, стереотипами и концептами, видение мира.

Отмечается, что в эвфемизмах и загадках в соответствии с их знаковой спецификой и назначением создается замаскированное, завуалированное описание определенных тем, при этом способы кодирования денотатов в эвфемизмах и загадках, несмотря на существующие различия «языковых единиц (эвфемизмов) и малого жанра (загадки), обнаруживают много сходных (общих) черт» (с. 7). Это обусловлено прежде всего тем, что основным механизмом образования эвфемизмов и загадок является *принцип непрямой номинации*, что их, по сути дела, роднит. Под принципом непрямой номинации автор понимает преднамеренно иносказательное обозначение объекта, сознательное употребление такого именования, которое указывает на объект номинации не прямо, а опосредованно, описывает его завуалированно.

В книге рассмотрены эвфемизмы и загадки русскоязычной и англоязычной культур на темы рождения и смерти. Источниками примеров послужили словари эвфемизмов русского и английского языков М.Л. Ковшовой – 2007; Е.П. Сеничкиной – 2008; A. Bertgam – 1998; R. Holder – 2002, 2007; O'Hara – 2010 и др., фразеологические словари русского и английского языков А.Н. Баранова, Д.О. Добровольского – 2015; В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитиной – 2007; В.М. Мокиенко, Е.К. Николаевой, Т.Г. Никитиной – 2010; В.Н. Телия – 1995; С. Ammer – 2013; Cambridge International Dic-

tionary of Idioms – 2002; Oxford Dictionary of Idioms – 2004, статьи о беременности, рождении и смерти этнолингвистического словаря «Славянские древности» в пяти томах, изданного под общей редакцией Н.И. Толстого; сборники загадок русскоязычной и англоязычной культур В.В. Митрофановой – 1968; М.А. Рыбниковой – 1932; Д.Н. Садовникова – 1876; М. Bryant – 2019; А. Taylor – 1951; F. Tupper – 1903, а также сайты, посвященные беременности и материнству, сайты агентств ритуальных услуг, сайты загадок.

В своем исследовании автор исходит из того положения, что эвфемизмы и загадки – это знаки языка и культуры, в которых отражается детерминированная культурными установками картина мира, особенно тех ее фрагментов, которые требуют особого кодирования, табуирования, таких, как рождение и смерть. В языке, в семантической структуре эвфемизмов и загадок хранится и транслируется в коммуникации культурная информация, знания, приобретенные в культуре. Эвфемизмы и загадки являются носителями культурно значимой информации.

Сложность и многоплановость исследования эвфемизмов и загадок предопределили разработку и комбинирование автором подходов в их описании. В этой книге предпринято исследование принципа непрямого номинации как основного механизма создания эвфемизмов и загадок, предназначенных для иносказательного, завуалированного кодирования денотата; проанализированы метафорический и неметафорический способы кодирования; разработано системное когнитивно-культурологическое описание эвфемизмов и загадок на темы рождения и смерти. По мнению автора, экспликация когнитивной структуры данных феноменов путем их фреймового анализа позволяет раскрыть логику и способы кодирования денотатов в эвфемизмах и загадках. Применение культурологического комментария дает возможность выявить культурно детерминированную мотивированность образов, проинтерпретировать метафорические и неметафорические не прямые номинации в пространстве культуры.

Исследование принципа непрямого номинации в загадках и эвфемизмах проведено с применением семантического анализа толкований эвфемизмов и загадок в сборниках и словарях; лингвокогнитивного (фреймового) анализа, лингвокультурологического анализа (приема культурологического комментирования), элемен-

тов сопоставительного анализа (при описании русскоязычного и англоязычного материала). При сборе материала применялись идеографический принцип и метод сплошной выборки.

В книге уточняются положения в области теории номинации, развиваются методы когнитивной лингвистики и лингвокультурологии, вводится понятие принципа непрямой номинации и обосновывается его значимость в образовании эвфемизмов и загадок; описывается комплексный когнитивно-культурологический подход в исследовании механизма кодирования тем рождения и смерти в эвфемизмах и загадках разноязычных культур.

В первой главе «Эвфемизмы и загадки как объекты филологического исследования» автор дает развернутые определения эвфемизмов, освещает их функции и способы создания, привлекая обширный исследовательский материал отечественных и зарубежных исследователей.

Автор обращается к работам Л.А. Булаховского, Б.А. Ларина, Н.Ю. Шведовой, П.А. Евгеньевой и др., подчеркивая в целом единство в понимании феномена эвфемизма, выражающего не прямое, прикрытое обозначение какого-либо предмета или явления, назвать которое его прямым именем в данной обстановке неудобно.

В работах зарубежных исследователей (К. Аллана и К. Барридж, Дж. Лоуренса, Б. Уоррена, Р. Холдера и др.) прослеживается аналогичное понимание и толкование данного явления. При проведении анализа автор обращается к ряду английских словарей эвфемизмов. Отмечается, что, как и отечественные исследователи эвфемизмов, англоговорящие авторы в их исследованиях изначально исходят из связи эвфемизмов с табу.

В результате проведенного анализа, представленного в данной главе, автор дает обобщенное определение понятию эвфемизма, являющегося непрямым именованием, употребляющимся с целью смягчения или вуалирования в силу этических норм и речевых этикетных правил. Автор заключает, что эвфемизмы – это знаки языка и культуры, их исследованию наиболее отвечают когнитивный и лингвокультурологический подходы в их сочетании, чтобы показать, как осуществляется вуалирование денотата в эвфемизмах и какую интерпретацию эта маскировка получает в культуре.

Вторая глава «Принцип непрямой номинации в эвфемизмах и загадках и когнитивно-культурологический подход исследования» раскрывает такие понятия, как «непрямая номинация», «метафора», «иносказание», указывает на точки их пересечения в поле исследования эвфемизмов и загадок на темы рождения и смерти.

В этой главе рассматриваются способы кодирования объектов в эвфемизмах и загадках на указанные темы в русскоязычной и англоязычной культурах.

Автор описывает когнитивно-культурологический подход в исследовании принципа непрямой номинации в эвфемизмах и загадках с сакральным смыслом.

Указывается, что под *прямыми номинациями* понимаются такие именованья, которые обладают прямой и непосредственной соотнесенностью с предметом обозначения, а ***непрямые или косвенные номинации*** характеризуются опосредованной, двойной соотнесенностью, что типично для стилистически маркированных знаков. Непрямые номинации представляют собой «неавтономные единицы, которые в определенном контексте кореферентны прямой номинации, служащей устоявшимся средством наименования референта» (Киосе: цит. по: Орлова, 2022, с. 64).

В основе образования вторичных номинаций, как правило, лежат ассоциации по сходству или по смежности «между некоторыми свойствами элементов внеязыкового ряда, отображенными в уже существующем значении имени, и свойствами нового обозначаемого, называемого путем переосмысления этого значения» (Телля: цит. по: Орлова, 2022, с. 64). Одним из основных способов создания непрямой номинации выступает метафора.

Под *метафорой* понимается «троп или механизм речи, состоящий в употреблении слова, обозначающего некоторый класс предметов, явлений и т.п., для характеристики или наименования объекта, входящего в другой класс, либо наименования другого класса объектов, аналогичного данному в каком-либо отношении» (Арутюнова: цит. по: Орлова, 2022, с. 64). В языке разделяют метафору художественную, которая изучается в рамках стилистики как троп, и метафору языковую, которая описывается в лингвистике как лексико-семантическое средство обогащения словарного состава языка.

В работе О.С. Орловой подробно прослеживаются этапы истории исследований метафоры в различных аспектах науки о языке: в лексикологии, стилистике, поэтике, риторике, эстетике, прагматике, психолингвистике, когнитивной лингвистике, лингвокультурологии. Отмечается, что наибольший интерес у исследователей вызывает группировка метафор по выполняемым функциям. Также развернуто освещаются и основные виды метафор.

Особый интерес представляет описание метафоры в когнитивном плане. Оно сосредоточено на рассмотрении метафоры как способа структурирования знания об окружающем мире в языке, ее роли в процессе концептуализации и категоризации действительности. В центре внимания когнитивной лингвистики находится когнитивная метафора как форма концептуализации, когнитивный процесс, который выражает и формирует новые понятия.

Автор раскрывает также и понятие *иносказания*, играющего основную роль в кодировании смысла загадок и эвфемизмов. Иносказание – термин, принятый прежде всего в литературоведческих дисциплинах. Под иносказанием понимается использование слов не в их прямом значении; высказывание, содержащее тайный смысл, намек, зашифрованную информацию, скрытый подтекст. Наиболее распространенным видом иносказания считается *аллегория*, представляющая собой иносказательное изображение отвлеченного понятия при помощи конкретного образа, которое часто используется, например, в баснях. В литературоведении помимо аллегорий различают такой вид иносказания, как *ирония*.

Исследователь указывает, что основные теоретические и понятийные «точки», выделенные в исследованиях по номинации, метафоре, иносказанию, пересекаются в отношении таких феноменов, как эвфемизмы и загадки.

И эвфемизмы, и загадки являются **вторичными именованными, как правило, метафорическими**, обладающими дескриптивным характером, в которых те или иные объекты действительности называются **иносказательно**.

В большей мере это относится к эвфемизмам и загадкам на темы рождения и смерти. И загадки, и эвфемизмы на данные темы образуются в результате **непрямой номинации** объекта, который требует **иносказания** в силу табу, этических норм, правил речевого этикета; для успешного выполнения коммуникативных условий,

продиктованных требованиями культуры, с помощью **метафоры** осуществляется намеренное кодирование объектов сакральных сфер.

Отмечается, что для дальнейшего исследования процессов образования и функционирования такого объекта, как эвфемизмы и загадки, необходимо ввести понятие «принцип непрямой номинации». Под **принципом непрямой номинации** понимается преднамеренно иносказательное обозначение объекта или сознательное употребление такого именованного, которое указывает на объект номинации не прямо, а опосредованно, описывает его вуалированно (с. 73).

По мнению исследователя, принцип непрямой номинации отвечает самому предназначению эвфемизмов и загадок, их основным знаковым функциям. При употреблении эвфемизмов – смягчающих замен, маскирующих негативный денотат, и при загадывании загадок – замен, маскирующих объект действительности с интеллектуально-игровой целью, люди исходят из «договоренности» о том, что и негативные объекты, которые обозначают эвфемизмы, и объекты действительности, которые загаданы в загадке, должны быть описаны непрямо, вуалированно (с. 73).

Указывая на приемы неметафорического способа кодирования тем рождения и смерти в **эвфемизмах**: *подмена значения, создание значения неполноты признака или действия, сужение значения, расширение значения (использование родовых понятий вместо видовых, прономинация), использование заимствований, аббревиация*, автор приводит примеры, которые показывают, что характерно для эвфемизмов.

Для кодирования этих тем в **загадках** используются те же самые приемы: *подмена значения, расширение значения, сужение значения, аббревиация, лаконичность, плеоназм*.

Когнитивно-культурологический подход, использованный О.С. Орловой в исследовании принципа непрямой номинации в эвфемизмах и загадках на темы рождения и смерти, включает в себя два этапа исследования: *когнитивный (фреймовый) анализ* и *культурологический комментарий*. Фреймовый анализ позволяет показать, как разные типы знаний структурируются в метафорических и неметафорических загадках и эвфемизмах, как знание «упаковывается» в соответствующие формы, раскрывает «устройство» дан-

ных принципиально непрямым номинаций (с. 110). Фреймовый анализ репрезентируется в таблице, которая наглядно представляет конституирующие признаки объектов, создающие основу как для их кодирования метафорическим способом (уподобление другим объектам), так и для кодирования неметафорическим способом (обеспечение семантической редукции объекта, лакунизация описания и др.).

В третьей главе «Кодирование тем рождения и смерти в эвфемизмах и загадках русскоязычной и англоязычной культур» описываются темы рождения и смерти в русскоязычной и англоязычной культурах как объекты кодирования в эвфемизмах и загадках. Автор рассматривает основные когнитивные метафоры и образы в эвфемизмах и загадках на темы рождения и смерти в названных лингвокультурах и приводит их когнитивно-культурологическое описание.

На основании проведенного анализа исследователь делает вывод, что и в традиционных, и в современных эвфемизмах и загадках на тему смерти есть общие объекты кодирования, таковыми являются: смерть, гроб, могила, кладбище. И в традиционных, и в современных эвфемизмах и загадках на тему рождения общими объектами кодирования являются: беременная женщина, плод в женской утробе, роды и рождение, младенец. Проведенная систематизация материала по объектам кодирования позволила исследователю определить ядро и периферию объектов непрямым именованных. Ядро непрямым именованных составляют традиционные и современные эвфемизмы и загадки, объекты кодирования в которых совпадают. Остальные эвфемизмы и загадки на данную тему формируют периферию. Подчеркивается, что и в теме рождения, и в теме смерти ядро формируется за счет эвфемизмов и загадок, в которых кодируются объекты, ранее табуированные в обеих культурах.

В заключение отмечается, что предпринятый в работе когнитивно-культурологический подход в исследовании непрямой номинации тем рождения и смерти в разных языках и культурах отвечает гуманитарной направленности современной лингвистики. В работе были использованы методы двух направлений, одно – когнитивная лингвистика, второе – лингвокультурология. Эти сферы не тождественны, но находятся в согласии при антрополо-

гическом видении предмета исследования. Описанный в работе принцип непрямо́й номинации на материале загадок и эвфемизмов о рождении и смерти представляет собой важное дополнение для уточнения положений теории номинации, расширяет теоретико-методологический инструментарий науки о языке, позволяющий в таком ракурсе описывать и другие феномены непрямо́й номинации.

*Э.Б. Яковлева,
Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)*

УРОВНИ ЯЗЫКА

ФОНЕТИКА. ФОНОЛОГИЯ

ПРОСОДИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА /

под ред. Дж. Барнса, С. Шаттак-Хафнагель

Prosodic theory and practice / ed. by J. Barnes, S. Shattuck-Hufnagel. – Massachusetts : The MIT Press, 2022. – 454 p. –

DOI: <https://doi.org/10.7551/mitpress/10413.001.0001>. –

URL: <https://direct.mit.edu/books/oa-edited-volume/5259/>

Prosodic-Theory-and-Practice

(Реферат)

Ключевые слова: просодические теории; модели просодии; фонология; значение; фонетика; типология; психологический аспект; транскрипция.

В настоящее время исследования просодии речи проводятся не только с учетом знаний из области лингвистики, но и когнитивной психологии, нейролингвистики, информатики, речевых технологий (автоматическое распознавание и синтез речи), а также клинической медицины.

Монография состоит из предисловия и 11 глав.

В предисловии подчеркивается, что большое количество современных подходов в области теории просодии в некоторых случаях вступало друг с другом в противоречие. Данная ситуация была вызвана скорее терминологическими расхождениями или различными представлениями о том, чего должна достичь теория просодии, чем фактическими концептуальными разногласиями. В монографии эта широко распространенная проблема решается напрямую, поскольку в каждой главе рассматривается общий набор вопросов по фонологии, значению, фонетике, типологии, психологическому статусу и транскрипции. В качестве контрапункта

к некоторым главам добавлены комментарии с ответами авторов глав, дающие представление о текущих дебатах в данной области.

Монография направлена на реализацию следующих целей: (1) предоставить широкий обзор каждого из основных теоретических подходов к просодии разговорной речи, (2) ответить на вопросы о том, как конкретная рассматриваемая модель соотносится с основной целью теории просодии и каковы основные предпосылки создания той или иной модели.

Следующие вопросы структурируют каждую главу данной монографии:

Фонология. Какова роль фонологических представлений в модели? Как соотносится фонологический уровень репрезентации модели с просодической теорией? Устанавливает ли этот уровень соответствующий набор абстрактных символических примитивов, которые объединяются для создания хорошо сформированных интонационных контуров, связанных с функцией, значением и диапазоном допустимых фонетических реализаций?

Значение. Каким образом модель связывает просодические формы со значением? Взятый целостно анализируемый интонационный контур непосредственно связан с конкретным значением или функцией? Или значения контуров, композиционно производные от структур, построены из значимых составных компонентов? Связано ли понятие морфемы с просодической структурой?

Фонетика. Как модель связана с фонетической реализацией? Есть ли модель, связанная с теорией фонетической реализации, которая могла бы составить основу для синтеза просодии? Какую роль, если таковая имеется, играют теории синтеза при оценке конкурирующих моделей грамматики просодии?

Типология. Каково отношение модели к просодической типологии? Для модели делаются прогнозы о видах просодических систем, которые должны или не должны встречаться в различных языках мира? Что это за предсказания?

Психологический статус. Каков психологический статус модели? Соотносится ли модель с какой-либо формой психологической реальности? Возможно ли моделирование познания, или вместо этого внимание фокусируется на успешном моделировании или получении контуров F_0 ?

Транскрипция. Каково отношение модели к системам просодической транскрипции? Полезна ли модель в качестве инструмента для просодической транскрипции?

Далее остановимся более подробно на концептуальных главах монографии.

В первой главе «Арванити А. Автосегментно-метрическая модель интонационной фонологии» интонация соотносится с лингвистически структурированными и прагматически значимыми модулями F_0 . Данная характеристика используется во всех языках и реализуется на фразовом уровне с помощью сложного взаимодействия метрической структуры, просодической фразировки, синтаксиса и прагматики. В этих случаях можно определить, где будут происходить изменения высоты тона и какого типа они будут. Хотя основным фонетическим показателем интонации является F_0 , тем не менее F_0 используется не только как основная компонента интонации, но и для кодирования лексики, т.е. для тональных контрастов (как в мандаринском или кантонском диалектах китайского языка). Данный показатель сигнализирует о такой паралингвистической информации, как «уныние», «гнев» или «волнение». Интонация рассматривается как часть просодии языка, охватывающая взаимодействующие феномены, которые включают ритмическую структуру и просодическую оформленность фразы. В данном случае просодия представляет собой интеграл части речевой организации и неразрывно связана с реализацией речевых сегментов.

Высота тона и F_0 часто используются как синонимы в исследованиях, посвященных интонации. Следует подчеркнуть, что F_0 относится к физическому свойству речевого сигнала, которое напрямую связано со скоростью вибрации голосовых связок, а высота тона относится к восприятию F_0 (F_0 измеряется в герцах Гц). Существует несколько шкал для измерения высоты тона, но единого мнения относительно того, какую из них использовать для исследования интонации, нет. В некоторых исследованиях используются герцы, потому что соотношение между F_0 и высотой тона линейно примерно до 700 Гц, согласно шкале Мела и Барка, а F_0 редко превышает 700 Гц (за исключением голосов младенцев и детей ясельного возраста). Две наиболее часто используемые шкалы высоты тона эквивалентны обычной полосе пропускания

(ERB)¹ и полутонам. ERB отражает полулогарифмическую зависимость между высотой тона и F_0 в частотах, используемых для интонации, они точно фиксируют восприятие высоты тона. Полутоны – это логарифмическое преобразование шкалы герц, в основном используемое в музыковедении, а теперь все чаще и в интонационных исследованиях. Доказательства в пользу полутонов находим у Ф. Нолана², который пришел к выводу, что полутоны несколько лучше соответствуют интонации в отличие от шкалы ERB (например, интонация имитаций участников высказываний несколько более точно соответствовала исходной интонации, когда они были выражены в полутонах, чем ERB). У полутонов есть относительное преимущество, заключающееся в устранении различий между говорящими мужчинами и женщинами, что подходит для статистического анализа, но может скрывать в значительной степени систематические гендерные различия, которые могли бы быть выявлены при раздельном анализе. Поскольку такие различия действительны³, их устранение из анализа представляется, по мнению автора, нецелесообразным, по крайней мере при решении некоторых исследовательских вопросов.

В третьей главе «Хирст Д. Многоуровневый, многоязычный подход к аннотации и представление просодии речи» представлен подход к просодии речи, касающийся реализации создаваемой модели. Модель распространяется от уровня функциональной аннотации интонации до самых абстрактных уровней, через лежащую в основе фонологическую репрезентацию и «поверхностную» фоно-

¹ ERB («equivalent rectangular bandwidth» – «эквивалентная прямоугольная полоса пропускания») – это мера, используемая в психоакустике, которая дает приближение к полосам пропускания фильтров в человеческом слухе, используя нереалистичное, но удобное упрощение моделирования фильтров как прямоугольных полосовых фильтров или режекторных фильтров (см., например: Соловьева А.И. Основы психологии слуха. – Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1972. – 187 с.; Цвикер Э., Фельдкеллер Р. Ухо как приемник информации : пер. с нем. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Связь, 1971. – 256 с.).

² Nolan F. Intonational equivalence: an experimental evaluation of pitch scales // Proceedings of the 15th International Congress of Phonetic Sciences / ed. by M.J. Solé, D. Recasens, J. Romero. – 2003. – P. 771–774.

³ См., например: Daly N., Warren P. Pitching it differently in New Zealand English: speaker sex and intonation patterns // Journal of Sociolinguistics. – 2002. – N 5 (1). – P. 85–96.

логическую репрезентацию, преобразование в фонетическое представление, непосредственно преобразуемое в акустический сигнал. Ранее более подробно данная модель была представлена в книге автора¹.

Просодия высказывания может быть описана на нескольких различных уровнях. В частности, автором утверждается, что важно проводить различие между просодическими формами и просодическими функциями. Просодические формы – это то, как просодия влияет на высказывание и как это проявляется в самом звучании. Просодические функции – это то, что происходит с просодией и как она способствует интерпретации высказывания. Считается, что единственная зона пересечения просодии речи с письменной речью – это пунктуация, которая кодирует ограниченное количество абстрактных просодических характеристик. Разница между точкой, запятой и многоточием, вопросительным и восклицательным знаками, например, соответствует различным способам интерпретации высказывания, например:

- (*) ОК.
- (*) ОК,
- (*) ОК ...
- (*) ОК?
- (*) ОК!

Первое представляет собой законченное высказывание, второе – незаконченное высказывание, третье – предварительное утверждение, четвертое – вопрос и пятое – «решительное» утверждение. Данные примеры просодических функций и форм, с помощью которых эти функции закодированы, могут значительно различаться от языка к языку и даже от диалекта к диалекту одного языка. Особенно удобен для данного анализа пример «ОК» вследствие того, что данное выражение используется во многих языках по всему миру, поэтому представления в (*) необязательно специфичны для отдельно взятого языка. Это различие между просодическими формами и просодическими функциями, по мнению автора, представляет собой один из источников несоответствия между системами просодических аннотаций.

¹ Hirst D.J. Speech prosody: from acoustics to interpretation. – Berlin : Springer-Verlag, 2022. – preprint.

Термин «фонетическая репрезентация» использовался для обозначения ряда явлений, которые действительно необходимо различать. Фонетика иногда используется как синоним акустики и физиологии речи. Должно быть ясно, что необходимо различать эти уровни анализа. Фонетика также иногда используется как синоним для «поверхностной» фонологии, как в терминах фонетической транскрипции или Международного фонетического алфавита (МФА)¹. Термин «фонетический» применяется автором вслед за Н.С. Трубецким², для которого различие между фонологией и фонетикой – это различие между дискретным и непрерывным явлениями. В этом смысле более уместной была бы «фонетическая транскрипция», которую можно было бы назвать «поверхностной фонологической транскрипцией».

Уровень «поверхностной» фонологии – это уровень различительных дискретных категорий, с помощью которых можно описывать «поверхностные» явления кросс-лингвистически. Уровень фонетики – это уровень непрерывно меняющихся явлений, из которых автор выделил нарушения в области речепроизводства и речевосприятия (звуков). В последнее время обращает на себя внимание целый ряд дискуссий в области контаминации фонетики и фонологии. В связи с этим в работе отмечается, что фонетика сама по себе является интерфейсом между когнитивными представлениями (фонология) и физическими характеристиками звука (восприятие и артикуляция).

Ни один из этих двух уровней репрезентации – фонетики и поверхностной фонологии – необязательно следует рассматривать как когнитивные представления. Вполне возможно, что в общей теории просодической репрезентации ни один из этих уровней не был бы необходим. Тем не менее оба уровня воспринимаются полезными в качестве эвристических описательных инструментов, особенно в области просодии еще недостаточно изученных языков.

¹ МФА разработан для тех качеств речи, которые предстают различительными в устной речи: фонемы, интонация, разделение слов и слогов (см.: Общая и прикладная фонетика / Л.В. Златоустова, Р.К. Потапова, В.В. Потапов, В.Н. Трунин-Донской. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1997. – 416 с.).

² Трубецкой Н.С. Основы фонологии : пер. с нем. – Москва : Изд-во иностранной литературы, 1960. – 372 с.

В главе дается краткий обзор системы функциональной просодической аннотации, которая была разработана много лет назад для английской интонации¹. Затем обсуждается отношение этой системы аннотаций к понятию просодической структуры. После этого обсуждения автор возвращается к акустическому сигналу через уровни фонетического представления и поверхностного фонологического представления, прежде чем приступить к рассмотрению характеристик, лежащих в основе фонологической репрезентации просодии. Большинство примеров приводится на английском и французском языках. Ареал распространения двух языков находится географически близко друг к другу, но тем не менее оба языка весьма различны относительно просодии. С точки зрения автора остается открытым эмпирический вопрос, можно ли применить данную структуру к другим языкам без существенных изменений?

Далее представлен материал о макромелодической компоненте. Носитель интонационной модели обладает двумя характеристиками: быть «гладким» и непрерывным. Это, с позиции автора, удачный момент, так как процесс моделирования прерывистой или нерегулярной функции намного сложнее, чем процесс моделирования непрерывной и «гладкой» функции. Когда у нас есть макромелодический профиль, мы можем вывести макромелодический профиль с помощью деления каждого значения необработанной кривой F_0 на соответствующее значение моделирования функции. В качестве результата получается, что «гладкая», непрерывная кривая – это макромелодический профиль, а прерывистая кривая – это макромелодический профиль. Важно подчеркнуть, что такая техника моделирования – это не просто стилизация необработанной кривой (F_0), так как необработанная кривая фактически была разделена на две ортогональные компоненты без потери информации. Для синтеза речи можно было бы смоделировать сам макромелодический профиль и использовать его для улучшения сегментного качества звучащей речи. Для изучения интонации ресинтез высказывания с макромелодическим профилем, как пра-

¹ Hirst D.J. *Intonative features: a syntactic approach to English intonation*. – Berlin : Mouton, 1977. – 143 p.

вило, получается достаточно высокого качества, чтобы оценить адекватность смоделированной кривой.

Таким образом, в главе представлено описание довольно полной модели просодии, хотя и с большим количеством деталей, касающихся реализации самой модели. Автор убежден, что многоуровневая, многоязычная модель такого типа – это то, что необходимо в данном направлении в области изучения и толкования такого явления, как просодия.

В пятой главе «Кривокапич Ж. Просодия в артикуляционной фонологии» лингвистический термин «просодия» понимается как структура высказывания, кодирование значимости и иерархической структуры которой происходит на лексическом и фразовом уровнях. В данном определении делается акцент на выделенном слоге в слове или выделенном слове во фразе. Иерархическая структура группирует жесты или сегменты в более крупные просодические единицы: от наименьшего (например, слога в английском языке) к наибольшему интонационному (например, фразы английского языка). Исследуется просодия на уровне фразы, как она понимается с учетом артикуляционной фонологии и реализации вычислительной модели «Task Dynamics», которая представляет собой программную реализацию динамической модели задач межартикуляционной координации речи, включающую также модель сопряженного осциллятора межжестового планирования (*coupled-oscillator model of inter-gestural planning*) и модель сопряжения жестов (*gestural-coupling model*). Это относительно новая модель просодической структуры. Основной единицей речи является жест, лингвистически значимое сокращение голосового тракта, который (жест) одновременно является абстрактной, когнитивной единицей, т.е. жесты являются одновременно как когнитивными единицами, так и своего рода «единицами действия». Следовательно, жесты моделируются как динамические системы.

Таким образом, в рамках артикуляционной фонологии просодическая структура понимается с учетом жеста. Просодические границы рассматриваются как возникающие в результате согласования временных, тональных и жестовых характеристик. Одновременное исследование временных и тональных просодических событий имеет решающее значение для любой модели просодической теории. Артикуляционная фонология понимается с позиции

того, что все просодические явления связаны с жестами, которые могут быть согласованы друг с другом и могут оказывать влияние друг на друга. Эта точка зрения также предполагает расширение модели для интеграции жестов тела. Последние исследования нашли убедительные доказательства того, что жесты тела «привязаны» к просодической структуре. Модели производства речи и, в частности, модели просодической структуры должны раскрыть принципы этой координации. В рамках модели артикуляционной фонологии жесты тела могут пониматься, например, как жесты рукой или головой. Основное направление в области моделирования – динамический, жестовый подход, при котором просодические единицы имеют соответствующие характеристики темпа и координируются друг с другом общими механизмами взаимосвязи.

В седьмой главе «Мертенс П. Модель просограммы для стилизации высоты тона и ее приложений в интонационной транскрипции» представлен общий комплексный подход к анализу просодии речи, охватывающий его акустические, перцептивные и лингвистические характеристики. Просодические особенности речи можно охарактеризовать с позиции трех основных уровней наблюдения: *акустического*, *перцептивного* и *лингвистического*. Последний обычно называют фонологическим уровнем, потому что он включает в себя абстрагирование и редукцию фонетической реализации. Для полного понимания следует добавить четвертую характеристику просодии, которая является *физиологическим уровнем*.

Во-первых, акустический анализ измеряет непрерывные физические параметры речевого сигнала, такие, как частота (F_0), тембр голоса, интенсивность и спектральное распределение энергии. Спектральная информация – изменение во времени – позволяет идентифицировать звуки, слоги и паузы.

Во-вторых, перцептивная обработка этих акустических «событий» приводит к слуховому представлению, что влечет за собой существенное уменьшение вариативности, присутствующей в акустическом сигнале, и производит сегментацию на единицы размером в слог. Благодаря этому сегменту непрерывный речевой сигнал преобразуется в последовательность кратких фрагментов. Этот процесс оказывает решающее влияние на восприятие таких просодических характеристик, как высота тона, громкость и долгота.

Например, изменение F_0 преобразуется в последовательность ступеней высоты тона и движений высоты тона. Также появление слогов соотносится с такими производными просодическими параметрам, как долгота, темп речи и ритм.

В-третьих, фонологическая характеристика предполагает минимальный набор признаков: тональные просодические формы (называемые в некоторых подходах тонами), связанные либо с отдельными слогами, либо с последовательностями слогов. Конкатенация таких форм приводит к контурам, закрепленным на ударных слогах. Предполагается, что эти тоны и контуры выполняют функцию речевой коммуникации.

Несмотря на родство, три представления или уровня наблюдения значительно различаются.

В заключение высказывается мнение, что общая теория просодии речи должна быть направлена не только на адекватное акустическое представление просодических параметров или компактную (или даже минимальную) характеристику отличительных форм. Она также должна быть направлена на объяснение отображения между представлениями возрастающей степени абстракции. Такие преобразования необходимы, потому что понимание и моделирование этих отображений показывают, что они воспроизводимы и предсказуемы. Следовательно, (непрерывное) перцептивное представление и (дискретное) лингвистическое представление не произвольны, а, скорее, имеют когнитивный статус.

Таким образом, моделирование позволяет исследователям легко получить количественную, объективную и перцептивно-мотивированную информацию, проверенное представление просодии в речевом континууме. Моделирование инициирует исследователей не принимать просодические теории как нечто само собой разумеющееся, а дает возможность открыть для себя богатство просодии, возникающей из крупномасштабных корпусов спонтанной речи.

*В.В. Потапов,
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова*

Уважаемые читатели!

В настоящее время вышли в свет:

Русский язык в современном мире : настоящее и будущее: Сборник статей / Отв. ред., ред.-составитель М.Б. Паренко. – Москва : Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2021. – 215 с. – (Теория и история языкознания).

В сборнике представлены материалы, отражающие положение русского языка в современном мире в связи с быстро меняющейся геополитической и культурной ситуацией в мире. Рассматривается влияние процессов глобализации на использование русского языка в разных сферах человеческой деятельности. Для широкого круга специалистов в области гуманитарного знания. URL: <http://inion.ru/ru/publishing/publications/russkii-yazyk-v-sovremennom-mire-nastoiashchee-i-budushchee/>

Трошина Н.Н. Немецкий язык в науке эпохи глобализации. Аналитический обзор. РАН. ИНИОН Центр гуманитар. науч.-информ. исслед. Отдел языкознания: редкол.: Опарина Е.О., Паренко М.Б., Яковлева Э.Б. – М., 2021. – 52 с. – (Серия: теория и история языкознания).

Анализируется языковая ситуация в немецкой научной сфере, сложившаяся в результате негативного изменения коммуникативного статуса немецкого языка и перехода многих жанров научного общения на английский язык как основной язык глобализации. Для специалистов в области социолингвистики и теории коммуникации. URL: <http://inion.ru/ru/publishing/publications/nemetckii-ia-zyk-v-nauke-epokhi-globalizacii-analiticheskii-obzor/>

Яковлева Э.Б. Феномен речевых хезитаций / Э.Б. Яковлева ; Институт научной информации по общественным наукам РАН, Центр гуманитарных научно-информационных исследований. –

Москва : Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2021. – 215 с.

Исследование посвящено сложному семиотическому образованию – устному спонтанному дискурсу и его наиболее яркой форме, строящейся по модели синергизма, диалогу. Анализируются феномен хезитаций (речевых колебаний, пауз обдумывания) и их функции на материале немецкой спонтанной речи. Рассматривается специфика хезитационной сегментации речевого потока и значимость хезитаций для кодирования и декодирования речи.

Для исследователей в области фундаментального и прикладного речеведения, психолингвистики, генеративной и перцептивной лингвистики. URL: <http://inion.ru/ru/publishing/publications/fenomen-rechevykh-khezitaciy/>

Социальные и гуманитарные науки
Отечественная и зарубежная литература
Информационно-аналитический журнал

Серия 6

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2022 № 4

Художник обложки и художественный редактор М.Б. Шнайдерман

Компьютерная верстка В.Б. Сумерова
Корректор С.Е. Шелимова

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.

Подписано к печати 30.08.2022

Формат 60×84/16

Печать офсетная

Усл. печ. л. 10,5

Тираж 300 экз.

(1–150 экз. – 1-й завод)

Бум. офсетная № 1

Цена свободная

Уч.-изд. л. 8,2

Заказ № 53

**Институт научной информации
по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН),**

Нахимовский проспект, д. 51/21,

Москва, 117418

<http://inion.ru>

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий**

Тел. : (925) 517-36-91, (499) 134-03-96

e-mail: shop@inion.ru

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
ООО «Амирит»

410004, Саратовская обл., г. Саратов
ул. Чернышевского, д. 88, литера У

